

ПОХОД РУСОВ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ В 860 Г.: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ЛОГИСТИКИ

С.Н. Беззаконов¹, М.И. Жих²

¹Независимый исследователь (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: bezzakonov@mail.ru

²Российско-немецкий исторический семинар

(Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

<http://orcid.org/0000-0003-2212-6416>

SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются проблемы исторической географии и логистики похода русов на Константинополь в 860 г. Поскольку никаких следов исторической памяти об этом походе и последовавшем за ним крещении в древнерусских источниках не обнаруживается, а археологически нигде на восточнославянской территории не выявляется признаков политики, которую можно было бы связать с этими событиями, мы считаем наиболее убедительной версию тех историков, которые полагали, что за этими событиями стоит не Киевская (в широком смысле), а предшествующая ей «другая» Русь: Русь аланская, донская и причерноморская, археологическим соответствием которой является салтово-маяцкая культура. Из всех культур Восточной Европы середины IX в. только она располагала всеми необходимыми материальными, демографическими, военными и организационными ресурсами для организации такого масштабного военного предприятия. Поскольку византийские источники говорят о том, что русами в этом походе использовались большие суда морского класса, то исходную базу, с которой был осуществлён поход, следует помещать в Крыму, где работали мастера, способные изготовить такие суда. В Крыму в это время были распространены памятники салтово-маяцкой культуры, свидетельствующие о вхождении его части в состав Русского каганата. Впоследствии Константин Багрянородный писал о существовании здесь особого Аланского княжества, а русско-византийский договор 944 г. говорит о наличии здесь владений Руси, видимо, «по наследству» от Русского каганата перешедших под вассалитет к киевским русам и их правителю.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аланы, русы, восточные источники, славяне, археология, Византия, салтово-маяцкая культура, Русский каганат, историография, Аскольд и Дир, Константинополь.

MILITARY EXPEDITION OF THE RUS' TO CONSTANTINOPLE IN 860: PROBLEMS OF HISTORICAL GEOGRAPHY AND LOGISTICS

Sergey Bezzakonov¹, Maksim Zhikh²

¹Independent researcher (Rostov-on-Don, Russia)

e-mail: bezzakonov@mail.ru

²The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar»

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT

The article discusses questions of historical geography and logistics of the Rus' military expedition against Constantinople in 860. Since no traces of historical memory of this campaign and the baptism that followed it have been discovered in early Russian sources, and nowhere signs of polity which could be connected with these events have been found archaeologically in the East Slavic territory, we consider most convincing the version of those historians who believed that not Kyiv (in the broad sense) was behind these events but the "other" Rus' that preceded it: Alanian, Don and Black Sea Rus', the archaeological correspondence of which is the Saltovo-Mayaki culture. Of all the Eastern European cultures of the mid of the 9th century only that culture had all the necessary material, demographic, military and organizational resources for such a large-scale military enterprise. Since Byzantine sources recorded that the Rus' used large sea class ships in this campaign, then the base from which the expedition was carried out should be placed

in the Crimea, where craftsmen capable of making such ships worked. At that time, monuments of the Saltovo-Mayaki culture were widespread in the Crimea, indicating affiliation of part of it with the Rus' Khaganate. Subsequently, Constantine Porphyrogenitus wrote about the existence of a special Alanian principality there, and the Russian-Byzantine treaty of 944 speaks of the presence of Rus' possessions there, apparently, "by inheritance" from the Rus' Khaganate that passed under vassalage to the Kievan Rus' and their ruler.

KEYWORDS: Alans, Rus', Eastern sources, Slavs, archaeology, Byzantium, Saltovo-Mayaki culture, Rus' Khaganate, historiography, Askold and Dir, Constantinople.

Светлой памяти Сергея Васильевича Цветкова

Поход русов на Константинополь в 860 г.¹ является одним из самых загадочных событий древнерусской истории, в первую очередь тем, что это событие, которое произвело большое впечатление на современников, – византийцев и европейцев (Vasiliev 1946; Левченко 1956: 33-90; Пашуто 1968: 58-60; Сахаров 1980: 48-58; Литаврин 2000: 47-60; Кузенков 2003: 3-172; Цветков 2010), – не оставило никакого следа в исторической памяти самого Древнерусского государства. Если, говоря о походах на Византию Олега и Игоря, летописцы, наряду с извлечениями из византийских хроник, активно используют собственно русские исторические предания (ПСРЛ. I: 29-30, 45-46; ПСРЛ. II: 21-22, 34-35; ПСРЛ. III: 107-109), то в рассказе об этом походе они опираются исключительно на византийские данные. Автор Повести временных лет (далее – ПВЛ) прямо говорит, что соответствующую информацию он нашёл в греческом летописании: «В лѣто 6360 (852)², индикта 15, наченшю Михаилу цесарьствовати, нача ся прозывати Руская земля. О семъ бо увѣдахом, яко при сем цесари приходиша Русь на Цесарьград, якоже писашеть в лѣтописании грѣцком. Тѣмъ же и отселѣ почнем и числа положим» (ПВЛ. 1997: 72).

В рассказе о походе 860 г. в ПВЛ (здесь он датируется 6374 (866) г.³) просто цитируется «летописание греческое» (Хроника продолжателя Георгия Амартола), в повествование которого вначале механически вставлены в качестве предводителей набега Аскольд и Дир, бывшие будто бы боярами Рюрика, «испросившимися» у него в поход на Царьград и попутно самовольно вокняжившимися в Киеве:

«В лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Диръ на Грѣкы, и приде въ 14 лѣто Михаила цесаря. Цесарю же отшедшю на агаряны, и дошедшю ему Черное рѣкы, вѣсть епархъ посла ему, яко русь идетъ на Цесарьград, и воротися цесарь. Си же внутрь Суда вшедъше, много убийство християномъ створиша, и въ двою сту кораблий Це-

сарьград оступиша. Цесарь же одва в городъ вниде, и с патриархом Фотиемъ къ сущий церкви святей Богородици Вѣлахерни всю ночь молитву створиша, такоже божественую ризу святыя Богородица с пѣсьнѣми изнесъше, в рѣку омочиша. Тишинѣ сущи и морю укротившюся, абѣ буря с вѣтромъ вѣста, и волнамъ великомъ вѣставшимъ засобѣ, и безъбожныхъ руси корабля смяте, и къ берегу привѣрже, и изби я, яко малу ихъ от таковыя бѣды избыти и вѣсвоеси вѣзвратишася» (ПВЛ. 1997: 76).

Версия о гибели русского флота от бури появляется лишь в поздних византийских источниках (и через их посредство в русских летописях). Более ранние источники ни о чём подобном не говорят и сообщают лишь об отступлении русов от стен Константинополя (Левченко 1956: 73-75; Сахаров 1980: 48-52).

В Новгородской Первой летописи младшего извода (далее – НПЛ), отразившей, согласно позиции А.А. Шахматова и большинства последующих летописеведов, предшествующий ПВЛ т.н. Начальный свод 1090-х гг. (Шахматов 2002; Присёлков 1996: 48-83; Насонов 1969: 12-79; Творогов 1976: 3-26; Гиппиус 2012: 37-62; Жих 2018б: 3-44), этот поход с Аскольдом и Диром никак не связывается. Автор Начального свода просто цитирует свой византийский источник (Хронограф по великому изложению), «разрезав» им рассказ об основании Киева (видимо, читавшийся в целостном виде в предшествующей Начальному своду летописи, вообще не знавшей похода Руси на Константинополь 860 г.: Шахматов 2002: 359⁴), но не прибавляя к нему каких-то собственных домыслов:

«В си же времена (во времена Кия, Щека и Хорива – М.Ж., С.Б.) бысть въ Грѣчко земли цесарь, именемъ Михаилъ, и мати его Ирина, иже проповѣдаетъ поклоняние иконамъ въ прѣвую недѣлю поста. При семъ приидоша Русь на Царьград в кораблех, бещислено корабль; а въ двусту вшедше въ Суд, много зло створиша Грекомъ и убиство велико крестияномъ. Цесарь же съ патриархомъ Фотѣемъ молбу створи въ церкви святыя Богородица Влахернѣ всю ночь; тацѣ святѣи богородици ризу изънесъше, въ море скудь омочиша; а во время то яко тишинѣ сущи, и абие буря вѣста, и потапляше корабля рускыя, и изверже я на брегъ, и во своя сы возвратишася» (ПСРЛ. III: 105).

И только далее в Начальном своде следовал рассказ о смерти Кия с братьями, приходе в Киев варягов Ас-

1 Данная статья является продолжением опубликованной нами ранее работы о Русском каганате IX в. (Беззаконов, Жих 2021: 9-58).

2 Дата начала правления Михаила III в ПВЛ указана не верно: Михаил начал править совместно со своей матерью в 842 г. в младенческом возрасте, а единолично – с 856 г.

3 Точную дату появления русов под стенами Константинополя (18 июня 860 г.) сообщает единственный известный нам источник – опубликованная в 1894 г. бельгийским учёным Фр. Кюмоном найденная им в Королевской библиотеке Брюсселя рукопись (Кузенков 2003: 156). Доступные древнерусским летописцам византийские хронографы не содержали соответствующей даты, что привело к тому, что авторы Начального свода и ПВЛ датировали это событие по-своему.

4 Также, вероятно, в Древнейшем своде 1039 г. вообще отсутствовал рассказ о приходе Аскольда и Диры в Киев, они сразу представляли в качестве киевских князей и говорилось только об их убийстве Олегом (Шахматов 2002: 361-362).

кольда и Дира (которые здесь, в отличие от ПВЛ, никак не связываются с Рюриком⁵) и переходе этого города под их власть (ПСРЛ. III: 106). Таким образом, приписывание похода 860 г. Аскольду и Диру – результат осмысления и «упорядочивания» автором ПВЛ данных доступной ему византийского историографии и сведений Начального свода о древнейших правителях Руси. Оставшийся в предшествующей летописной традиции «бесхозным», известный лишь из греческих источников, древнейший поход Руси на Константинополь был приписан им Аскольду и Диру.

Особая картина деяний Аскольда и Дира содержится в Никоновской летописи (XVI в.). Здесь, как и в НПЛ, Аскольд и Дир начинают править в Киеве ещё до призвания варягов, но в отличие от НПЛ, именно они в «царство Михаила царя и матери его Феодоры» (т.е. между 842 и 856 гг.) совершают набег на Константинополь и «много убийства сотвориша». Затем снова говорится: «Множество съвокупившеся агарянь приходяду на Царьградъ, и сия множицею творяще. Слышавше же киевстии князи Аскольдъ и Диръ идоша на Царьградъ и много зла сътвориша». Само же призвание Рюрика в Никоновской летописи, как и в ПВЛ, приходится на 6370 (862) г. 6372 (864) г. летопись датирует смерть от болгар безымянного сына Аскольда – уникальный, не известный ни одной другой древнерусской летописи факт. На 6373 (865) г. приходится сразу несколько значимых событий: смерть Синеуса и Трувора, рождение Игоря, а также война Аскольда и Дира с полочанами. И уже в следующем, 6374 (866) г., как и в ПВЛ, автор Никоновской летописи снова отправляет Аскольда и Дира в набег на Константинополь, в тот самый, который, согласно Брюссельской хронике, состоялся летом 860 г. и закончился гибелью русского флота от бури. В дальнейшем, в особой статье под заголовком «О князи рустемъ Осколдѣ» снова говорится о походе Руси на Царьград (ПСРЛ. IX: 7-13).

Б.А. Рыбаков высказал предположение, что эти уникальные сведения восходят к летописи, которая велась в Киеве в период правления Аскольда (Рыбаков 1963: 159-173; 1982: 114-116, 304-309; Толочко 2003: 10-14), однако, О.В. Творогов, проведя текстологический анализ, показал, что причиной четырёхкратного повторения рассказа о походе Аскольда и Дира на Константинополь в Никоновской летописи было то, что её автор особо не утруждал себя систематизацией имеющихся у него под рукой источников, а просто переписывал всё подряд (Творогов 1992: 54-59; Кузенков 2003: 167-168).

Относительно этих легендарных правителей в историографии было высказано множество догадок и предположений. Были или не были Аскольд с Диром боярами Рюрика, пришли ли они в Киев раньше чем в Новгороде (или в Ладогe) объявился он сам, ходили ли они в поход на Константинополь? – это далеко не полный перечень загадок связанных с именами братьев, да и были ли они вообще братьями? Со времен Г.З. Байера и В.Н. Татищева исследователей волнует ещё и более общий

вопрос: откуда Русь пришла под стены Константинополя в 860 г., ибо и тут полной ясности до сих пор тоже нет.

Повод для скепсиса в отношении родства наших персонажей дают сами древнерусские летописи, помещая могилы убитых Олегом (или Игорем) князей в разные концы Киева: «И убиша Аскольда и Дира, и несоша на гору, и погребоша на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, идеже нынѣ Олминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ божницу святаго Николы: и Дирова могила за святою Ориною» (ПВЛ. 1997: 76-78).

Не менее показательно и употребление в летописных рассказах об Аскольде и Дире единственного числа вместо двойственного или множественного. Отметив данное обстоятельство, Б.А. Рыбаков писал: «Личность князя Диры нам не понятна. Чувствуется, что его имя искусственно присоединено к Аскольду, потому что при описании их совместных действий, грамматическая форма даёт нам одиночное, а не двойное число, как это должно было бы быть при описании совместных действий двоих лиц» (Рыбаков 1982: 308). Учёный предпочитал говорить об одном лишь Аскольде, в котором, опираясь на известия Яна Длугоша и Никоновской летописи, видел последнего правителя Киева из династии потомков Кия (Рыбаков 1982: 304-309).

Ещё в XVIII в. высказывалась гипотеза, что «Дир» – титул или эпитет князя Аскольда: «Баер думал, что Аскольд и Дир есть имя одного человека; что слово Диар означало на языке скандинавском вельможу или полководца, и что русский летописец по незнанию обратил его в другое собственное имя. Сия мысль полюбилась Татищеву и Миллеру. Но Шлёцер доказал ошибку Баеру... Сам Баер, не уверенный в истине своего толкования, прибежал к другому, ещё менее основательному: «На арабском и турецком языке *Dijar* означает собрание домов, страну, область: по тому козары, говорившие турецким языком, называли Аскольда Диаром, или правителем области». Но область не есть правитель. К тому же Нестор определяет даже разные места, где Аскольд и Дир были погребены в Киеве: он ещё собственными глазами видел их могилы» (Карамзин 1989: 243).

А.П. Толочко предположил, что Аскольд и Дир могли представлять собой диархию: сакрального правителя и правителя без сакральных функций (Толочко 1990: 54-55). Косвенным подтверждением для данной версии может послужить последующая диархия Игоря и Олега, не вполне понятная уже древнейшим летописцам: если в ПВЛ Олег – великий князь, регент и воспитатель Игоря, то согласно НПЛ (передающей текст Начального свода), он лишь его воевода, совершивший, тем не менее, самостоятельный поход на Царьград (ПСРЛ. III: 107-109). Положение, которое, согласно летописям, Свенельд занимал при Игоре и Святославе, также напоминает диархию (так, дружинники Игоря жаловались, что «отроци Свѣнделжи изодѣлѣся суть оружьемъ и порты, а мы назѣ»; русско-византийский договор 971 г. был заключён «при Святославѣ, велицѣмъ князи рустѣмъ и при Свѣнгельдѣ»: ПВЛ. 1997: 104, 120).

М.Б. Свердлов относительно этой гипотезы А.П. Толочко заметил, что «предположение о существовании такой формы организации княжеской власти у восточ-

⁵ Летописью, в которой Аскольд и Дир не связывались с Рюриком, располагал также Ян Длугош (Щавелева 2004: 226).

ных славян или скандинавов не обосновано ни славянскими материалами, ни норманнскими» (Свердлов 2003: 103).

Однако, такая система власти известна у степных народов Восточной Европы, что могло повлиять на становление политической системы киевских русов. Так, например, в Хазарии в IX-X вв. существовали сакральный правитель (каган) и светский правитель (бек), которому де-факто принадлежала полнота реальной политической власти (Новосельцев 1990: 141-143).

Система диархии известна у аланов: «Важный момент изменения структуры управления у алан IV в. зафиксировал Аммиан Марцеллин: “судьями они выбирают тех, которые отличаются долгое время на войне”. Это указывает на серьёзное наступление аристократии на позиции родо-племенной знати. Вспомним, если в обществах, находившихся на начальных этапах военной демократии, как, например, у скифов времени Анахарсиса, судебные функции принадлежали старейшинам, то у алан в IV в. они уже перешли от “царей” к военачальникам. Сочетание военных и судебных функций характерно для лиц, именуемых “вторыми царями”. Уже в самом названии должности отражено изменение субординации “царя” и военного вождя по сравнению с предшествующими периодами. Теперь последний не просто полководец, а “второй царь”. Наличие этого института у алан отмечено в древнеармянских памятниках агиографической литературы (“Житие Воскеанов”, “Житие Сукиасянов”) и “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци. В описании событий первых веков н.э. они помещают рассказ об алане Баракаде (ср. осетин. бæркад – “изобилие”), который был “вторым по престолу соцарствующим царя”» (Гутнов 1993: 27).

Также институт диархии зафиксирован у болгар. Второе лицо в Первом Болгарском царстве, выполнявшее функции главнокомандующего болгарской армии, главного дипломата и судьи, носило титул «кавхан» (греч. καυχάνος). Кавхан заменял правителя, когда последний отсутствовал в столице, он также был членом Совета бояр и одним из самых важных советников болгарского правителя, иногда его регентом или соправителем. Обычно кавханами становились представители одного рода, титул был наследственным и пожизненным. Наиболее известными кавханами у болгар были Пётр, родственник болгарского царя Бориса I, и Исбул, выполнявший функции кавхана при хане Омуртаге, его сыне Маламире и его племяннике Пресиане, причём для Маламира и Пресиана Исбул был регентом и соправителем.

О диархии у русов сообщает Ибн Фадлан (X в.): «Один из обычаев царя русов тот, что вместе с ним в его очень высоком замке постоянно находятся четыреста мужей из числа богатырей, его сподвижников, причём находящиеся у него надёжные люди из их числа умирают при его смерти и бывают убиты из-за него... Эти четыреста [мужей] сидят, а ночью спят у подножия его ложа. А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он пользуется как наложницей одной из них в присутствии своих сподвижни-

ков, о которых мы [выше] упомянули. И этот поступок они не считают постыдным. Он не спускается со своего ложа, так что если он захочет удовлетворить некую потребность, то удовлетворит её в таз, а если он захочет поехать верхом, то он подведёт свою лошадь к ложу таким образом, что сядет на неё верхом с него, а если [он захочет] сойти [с лошади], то он подведёт свою лошадь настолько [близко], чтобы сойти со своей лошади на него. И он не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться [с девушками], пить и предаваться развлечением. У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его поданных» (Ковалевский 1956: 146).

Это сообщение Ибн Фадлана о царе русов и его «заместителе» можно интерпретировать двояко. С одной стороны, оно может отражать современные ему реалии и «пару» Игорь/Олег или Игорь/Свенельд. С другой стороны, учитывая существенное отличие этого пассажа от той части рассказа Ибн Фадлана, в которой он описывает русов, которых видел своими глазами, а также его явное сходство со следующим у арабского автора далее рассказом об обычаях царя хазар (Ковалевский 1956: 146-148), можно предположить, что он восходит к какому-то литературному источнику и тогда отражает не современные Ибн Фадлану реалии, а более древние, и, возможно, вообще связан не с Киевской Русью, а с предшествующим ей Русским каганатом (о нём см.: Жих 2018: 176-245; 2020: 210-245; Беззаконов, Жих 2021: 9-58).

Видимо, диархия киевских русов имеет степное происхождение и восходит к Русскому каганату, но применительно к Аскольду и Диру мы упираемся в то, что ничего достоверного о них не знаем, в частности, нет ответа на вопрос о том, были ли они вообще современниками или стали таковыми под пером летописцев. Так, существенной популярностью пользуется у исследователей гипотеза, разделяющая правление Аскольда и Дира во времени и рассматривающая их не как современников, а как правивших друг за другом киевских князей (Пархоменко 1913: 68-71; Мавродин 1945: 217-218; Лебедев 1994: 146-152; Рапов 1998: 113-118). Помимо факта их захоронения в разных местах, она основывается на одном из вариантов интерпретации имён в рассказе арабского историка ал-Масуди (ок. 896 – 956) о славянских князьях, согласно которой там читаются «ал-Дир» и «ал-Олванг», которых можно соотносить с летописными Диром и Вещим Олегом в период правления первого в Киеве, а второго в Новгороде (Новосельцев 2000: 472). Однако такое прочтение этих имён в арабском тексте ал-Масуди является лишь одним и возможных и чисто гипотетическим, другие исследователи читают и интерпретируют их совершенно иначе (аль-Лудйер/л.дир/ад-дайр; аль-Ифрандж/ал-ф.р.н.дж/аль-Авандж) (Ковалевский 1973: 71; Мишин 2002: 68-72; Жих 2016: 71-72), да и указание арабского автора, что второй из них воюет не только с Румом (Византией), но также с франками и лангобардами (Ковалевский 1973: 71) указывает явно не на князя Новгорода или Киева, каковым был летописный Олег, а на какого-то более западного правителя, тем более что славяне как таковые в рассказе ал-Масуди

– это преимущественно западные, а не восточные славяне (Ковалевский 1973: 70-71).

Сами имена «Аскольд» и «Дир» сторонники норманнской теории обычно считают славянизированными формами скандинавских *Nǫskuldr* и *Díri* (Свердлов 2003: 103). А.Г. Кузьмин, рассматривавший летописных варягов не как скандинавов, а как славянизированных кельтов с южного побережья Балтики, связывал имя Диры с кельтским *dir* – «знатый», «крепкий», «сильный», «верный» и т.д., а имя Аскольда ставил в ряд кельтских имён с компонентом *old* (варианты: *ald*, *oll*, *ard*) – «высокий», «великий» (Кузьмин 1974: 78; 2003: 319, 325). Б.А. Рыбаков, исходя из гипотезы об автохтонном происхождении Аскольда и опираясь на представленную в Никоновской летописи форму «Осколд», предположил, что это имя может происходить от древнего самоназвания скифов – «сколоты» (которые по Б.А. Рыбакову были не собственно скифами, а праславянами, ошибочно причисленными к скифам Геродотом), отразившегося, по мнению историка, также в именах рек Оскол и Ворскла (Рыбаков 1982: 308).

Другое направление поисков связывает имя летописного Аскольда с упоминаемым Ибн Фадланом болгарским племенем эскел (у Ибн Русте – эсегел: Ибн Русте 1869: 22), правитель которого был подданным и по совместительству зятем царя булгар Алмуша (Ковалевский 1956: 139, 141). Константин VII Багрянородный (945-959) сообщает, что некогда венгры именовались савартами-асфалами (Константин Багрянородный 1991: 158-159), то есть, видимо, савирами и эскел (Вашари 1998: 37). Византийский хронист Феофан Исповедник (ок. 760-818 гг.) сообщает, что в 563 г. к византийскому императору прибыло посольство от Аскила, вождя гермихионов, живших к востоку от Дона «вблизи океана» (Чичуров 1980: 30, 53). Один из половецких ханов, напавший на Русь в 6569 (1061) г., носил имя, передаваемое Лаврентьевской летописью как «Искал» («Бысть же князь их Искал»: ПСРЛ. I: 163. В Ипатьевской летописи это имя представлено в форме «Сокал»: ПСРЛ. II: 152). Подобные взаимосвязанные имена и этнонимы, видимо, уходят своими корнями в дотюркскую и доугорскую древность, – в иранский мир, – и связаны с иранским этнонимом «асы». У Прокопия Кесарийского (между 490 и 507 – после 565) упоминается один из «массагетских» военачальников на византийской службе по имени Аскан (т.е. «князь асов»), который командовал дружиной из шестисот всадников в составе войска византийского полководца Велизария в одной из войн с персами (527-532 гг.) (В.Р. I.13.21; 14.44; 18.38; Прокопий Кесарийский 2013: 35, 39, 51). Именно с иранским корнем «ас», весьма продуктивным в иранской антропонимике, Г.В. Вернадский связывал и имя летописного Аскольда (Вернадский 1996: 283).

Интересно, что согласно варианту НПЛ, передающей Начальный свод, Игорь и Олег для того, чтобы выманить Аскольда и Диру, притворились «подугорскими гостями»:

«И узрѣста (Игорь и Олег – М.Ж., С.Б.) городъ Киевѣ, и испыташа, кто в немъ княжить; и рѣша: “два брата, Аскольдъ и Диръ”. Игорь же и Олегъ, творящая мимои-

дуща, и потаистася въ лодѣхъ, и с малою дружиною излѣзоста на брегъ, творящая подугорскими гостями, и съзваста Асколда и Диру. Слѣзъшима же има, высказаша прочии воины з лодѣи, Игоревы, на брегъ; и рече Игорь ко Асколду: “вы нѣста князя, ни роду княжа, нъ азъ есмь князь, и мнѣ достоить княжити». И убиша Асколда и Диру; и абие несъше на гору, и погребоша и Асколда на горѣ, еже ся нынѣ Угорьское наричетъ, идеже есть дворъ Олминъ; на тои могилѣ постави Олма церковь святого Николу, а Дирева могила за святою Ириною. И сѣде Игорь, княжа, в Киевѣ» (ПСРЛ. III: 107).

С.А. Гедеонов так прокомментировал именование Игоря и Олега «подугорскими гостями»: «Название “Подугорие” могло и должно было существовать у славянских народов, как равносильные ему Подрусие, Подляшие, Подлитовие... Подчехами, Подугорием, Подлитовием назывались ближайšie к тому или другому славянскому племени части этих земель, как пограничные латыши (украинские) летгаллами (летгола) от латышского *gall*, граница» (Гедеонов 2004: 193).

Рассказ ПВЛ явно вторичен в отношении текста, читающегося в НПЛ, он представляет собой развитие и дальнейшую «династическую» обработку сказания, при этом загадочные слова о «гостях подугорских» автор ПВЛ переделал таким образом, чтобы речь шла о топониме:

«И придоста къ горамъ киевскимъ, и увидѣ Олгъ, яко Оскольдъ и Диръ княжита, и похорони вой въ лодѣхъ, а другыя назади остави, а самъ приде, нося Игоря млада. И приступль под Угорьское, похоронивъ вой свои, и посла къ Асколду и Диру, глаголя, яко “Гостье есмы, идемъ въ Грѣкы от Олга и от Игоря княжича. Да придетъ к роду своему, к нам”. Аскольдъ же и Диръ придоста, и высказаша вси из лодѣи, и рече Олгъ къ Аскольдови и Дирови: “Вы нѣста князя, ни роду княжа, но азъ есмь роду княжа”, и вынесоша Игоря: “Съ сынъ Рюриковъ”. И убиша Аскольда и Диру, и несоша на гору, и погребоша на горѣ, еже ся нынѣ зоветь Угорьское, идеже нынѣ Олминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ божицу святого Николы: и Дирова могила за святою Ориною. И сѣде Олегъ, княжа в Киевѣ» (ПВЛ. 1997: 76-78).

Но если в изначальном варианте предания Игорь и Олег прикинулись, чтобы заманить Аскольда и Диру в ловушку, «подугорскими гостями», нет ли в этом памяти об истинном происхождении убитых правителей Киева (или одного из них), которые лишь вторично были причислены к варягам? Учитывая вышеназванные «степные» параллели к имени Аскольда, это выглядит одним из возможных сценариев.

Ещё Г. Эверс, обратив внимание на вариант Воскресенской летописи («Яко гость есмь подугорской... да придѣте къ намъ къ родомъ своимъ»: ПСРЛ. VII: 270), сделал вывод о венгерском происхождении Аскольда и Диры: «Чтобы вернее заманить Аскольда и Диру в сети Олег выдал себя за их земляка» (Эверс 1826: 216-219). По мнению историка, в изначальном варианте летописного повествования Олег представлялся как «гость есмь роду Оугорьска».

Опираясь на существование указанных выше имён в «степном» мире, на подчёркивание в летописях чуже-

родности Аскольда и Диры относительно варягов Рюрика, Олега и Игоря («не племени его»), на прикидывание двух последних «подугорскими гостями», на связь могилы Аскольда с «угорской» топонимикой («Угорская гора», «Олмин двор» – Олма (Алма) – имя известное у венгров), С.А. Гедеонов заключил: «Взятая с этой точки зрения сага или песня об Аскольде и Дири является вполне и логически довершённой. Основные пункты её: инородность венгров Аскольда и Диры и варягов Олега и Игоря; хитрость Олега, основанная на присвоении себе угорской народности; название Угорским места погребения угорских династов. В понятиях норманнской школы слова “не племени его” грамматическая невозможность; “придета къ намъ къ родомъ своимъ” бессмыслица; “гость подугорской” вставка; “еже ся ныне зоветь Угорское” (о месте погребения Аскольда) случайность необъяснимая. К доказательствам, взятым из летописи, я присовокупляю сказанное в другом месте о существовании русского хаганата в 839-870 гг.; о названии Киева венгерским именем Sambath; о вассальных отношениях русских династов к хазарским хаганам до водворения в Киеве варяга-славянина Олега и т.д. Азиатское происхождение Аскольда падёт не иначе, как с опровержением приведённых по этому поводу исторических документов и фактов... Я не знаю о Дири, имеет ли он соименников у мадьяров; если бы не слишком произвольная смелость предположения, я счёл бы его за словено-русского князя, вассала и данника хазарских хаганов. Дир чисто славянское имя; срвн. у Козьмы Пражского Тур, Туро. Тура мужское имя у Палацкого; Дирек (Dierek у Морошкина)⁶» (Гедеонов 2004: 194-196).

Мимо «венгерского следа» не прошёл и Г.В. Вернадский, по мнению которого, «рассказ представляет из себя легенду, которая, вероятно, сохраняет отзвук реальных исторических деталей. Что касается хазарской дани... скорее всего, дань для хазар собиралась мадьярским воеводой Оломом. Возможно, Аскольд и Дир правили Киевом от имени Олома. Когда позднее Олег захватил Киев, он сказал Аскольду и Диру: “Вы не князья, и не княжеского рода”, – и его слова следует понимать в том смысле, что Аскольд и Дир не считались независимыми правителями, а, скорее, чьими-то заместителями. Но если так, то чьими же? После того, как они были убиты по приказу Олега, их тела принесли ко дворцу Олома на Угорской горе. Почему? Очевидно, потому что они правили от имени Олома из его дворца, который служил резиденцией правителя» (Вернадский 1996: 354).

6 Помимо скандинавских, кельтских и славянских параллелей к имени летописного Диры имеются также кавказские параллели. В абазинском и абхазском языках известно мужское имя «Джир» (Словарь 2012: 35, 51). В.И. Абаев указывает: «æтуѳуг значит “супружеская” и заключает в первой части префикс общности æт-, а во второй – какое-то слово со значением ‘муж’ или ‘самец’. Таким словом могло быть ѳуг, которое теперь означает ‘боров’, ‘кабан’, но подобно другим аналогичным терминам, относящимся к животным, первоначально могло означать вообще ‘самец’ (ср. wurs ‘жеребец’)... Если наше разъяснение слова æтуѳуг правильно, то ингушское enġir, enġær, чеченское emġær (название жён при многожёнстве) придётся рассматривать как усвоенные из осетинского» (Абаев 1958: 147-148).

ПВЛ сообщает, что на своём пути в Паннонию венгры прошли через район Киева: «В лѣто 6406 (898). Идоша угре мимо Киевъ горою, еже ся зоветь нынѣ Угорское, и пришедше къ Днѣпру, сташа вежами; бѣша бо ходяще, яко и половци» (ПВЛ. 1997: 78). В действительности, поскольку согласно сообщению Бертинских анналов уже в 862 г. венгры совершили набег на владения Людовика Немецкого (843-876), их переход через Среднее Поднепровье должен был состояться раньше указанной в ПВЛ даты, и приходился как раз на период правления летописных Аскольда и Диры. Гипотетически вполне можно допустить, что на определённый период воинственные венгры утвердили свою власть над Средним Поднепровьем, а соответственно, построения Г. Эверса, С.А. Гедеонова, Г.В. Вернадского и других сторонников «венгерской» гипотезы потенциально могут оказаться верными. Другое дело, что надёжно доказать её при нашем уровне знаний невозможно.

Наконец, существует гипотеза, согласно которой оба князя представляют собой не реальных исторических лиц, а продукт народной фантазии, плод неверно истолкованных летописцами или их информаторами древних топонимов. Ещё Д.И. Иловайский предположил, что «летопись указывает на могилы Аскольда и Диры... эти-то могилы и подали, вероятно, повод сложить миф о двух киевских князьях и связать их имя с византийским известием о походе руссов на Константинополь в 865 г.... а в дальнейшем домысле книжников легенда связала их с Рюриком. Известно, что легенды народные особенно легко возникают около могильных и других курганов. Например, около Галича была Галичина могила, и предание связывало с ней основание города, около Кракова была могила его мифического основателя князя Крокка и т.п.» (Иловайский 2015: 285).

По словам А.П. Толочко, «существовали некоторые топографические ориентиры, позволявшие домыслить стоящие за ними истории. В начале XII в. на территории города всё ещё высились несколько больших курганов, называемых “могилами”. Курганы были именными: “Олегова могила” на Щекавице, “Аскольдова могила” возле церкви св. Николая в Угорском и “Дирова могила” за церковью св. Ирины. Впечатляющие размеры этих погребальных сооружений, а также то обстоятельство, что, по крайней мере, одно из них – Олегова могила – принадлежало достоверно известному киевскому князю, позволяли думать, что и в двух других – Аскольда и Диры – также покоятся древние киевские правители. То, что их имена неизвестны среди правящей династии, а также то, что они (как уже знал Сильвестр) не фигурируют ни в одном из договоров с греками X в., заставляло отодвинуть их княжения на предыдущее, до-Олегово, время, и летописец нашёл “удачное” подтверждение, что так оно, видимо, и было: в византийской хронике он заметил рассказ о походе руси на Константинополь в 860 г., следовательно, совершили его “киевские князья” Аскольд и Дир. Вероятно, то обстоятельство, что в хронике отыскивался только один поход, не позволило летописцу создать две отдельные “княжеские” биографии для Аскольда и Диры, и пришлось предпола-

гать их совместное правление, совместный поход и одновременную смерть» (Толочко 2015: 47-48).

Топонимы же «Аскольдова могила» и «Дирова могила» могли возникнуть совершенно при других, никак не связанных со временем жизни и деятельности летописных братьев, обстоятельствах. Никто ведь всерьёз не рассуждает о том, что в знаменитом Мамаевом кургане в Волгограде похоронен не менее знаменитый полководец Мамай.

После XI в. киевляне на несколько столетий забывают об Аскольдовой могиле, и лишь в XVII в. вновь вспоминают о ней, причём помещая её совершенно в ином месте, на Печерском плато. Ещё хуже обстоит дело с могилой Диры, которая неизвестна киевской исторической топонимике и искусственно воссоздана лишь в XVIII в. поручиком киевского гарнизона В.И. Новгородцевым, непонятно из каких соображений назвавшим могилой Диры некое всхолмление «от Старого Киева в трёх верстах недалеко от Кирилловского монастыря». Попытки археологов XIX в. найти в указанном месте захоронение летописного князя так и не увенчались успехом (Петров 2011: 218-233).

Примеров переноса, точнее, дублирования, а иногда простого изобретения топонимов и ойконимов известно более чем достаточно, как и примеров наделения именами собственными тех или иных возвышенностей, урочищ, балок, оврагов, никак не связанных с носителями этих имён. Летописи сообщают о существовании могил Олега в Ладоге (ПСРЛ. III: 108-109) и в Киеве на Щекавице (ПВЛ. 1997: 90).

По справедливому замечанию Е.Б. Грузновой, «сообщения летописи о сохранившихся могилах конкретных правителей объясняются склонностью редактора, работавшего над текстом в конце XI – начале XII в., к фиксации, если не к изобретению, топографических легенд» (Грузнова 2011: 44).

Именно к таким топографическим легендам уже более близкого к нам периода можно отнести и «могилу Рюрика», которой безосновательно объявляют курган «Шум-гора», расположенный между деревнями Подгорье и Заполье Батецкого района Новгородской области, и «Синеусову могилу» под Белозером, и «Труворово городище», «Труворову могилу», «Труворов крест» в Изборске.

Другим, не менее показательным примером народного краеведения могут служить многочисленные «Игоревы могилы», расположенные едва ли не у каждой деревни или села Житомирской области Украины, по соседству с городом Коростень, а заодно и всякого рода «Ольгины купальни» на реке Уж, «Ольгины колодцы», «Ольгины горы» там же и даже «Игорев брод» между селами Собичино (Комсомольское) и Сновидовичи, который, по преданию, выбила копытами конница князя Игоря, отправившаяся за данью к древлянам. Ещё более развита топонимика с именем княгини Ольги в Псковской области. Тут и многочисленные «Ольгины камни», «Ольгины ворота», «Ольгина гора», «Ольгин крест», «Ольгины сады», «Ольгин дворец», «Ольгины погреба». В Изборске же, вопреки летописным известиям

о том, что Ольга была погребена в Киеве, с давних пор существовал топоним «Ольгина могила».

Подводя неутешительные итоги историографического обзора, видим, что ничего положительного об Аскольде и Дире сказать невозможно. Из древнерусских источников понятно лишь одно: какая-либо память о походе 860 г. в Киеве отсутствовала, летописцы узнали о нём только из византийских хроник и приписали его Аскольду и Диру, причём последнее произошло поздно, лишь на этапе создания ПВЛ в начале XII в., автор предшествующего ей Начального свода связи этого похода с Аскольдом и Диром не видел.

Ни один византийский источник, говорящий о событиях 860 г., имена Аскольда и Диры не упоминает, равно как вообще не называет имя правителя русов, хотя о нём самом говорится в рассказе Константина Багрянородного: «архонт этого племени собрал подданных на сход» (Кузенков 2003: 127). Обратим внимание на то, что речь идёт об одном правителе русов, а не о двух, таким образом, византийский источник расходится с летописной версией.

Место локализации страны напавших на Константинополь русов византийские авторы, к сожалению, не раскрывают, зато они свидетельствуют о том, что вскоре после похода Русь приняла христианство. Произошло это между 861-867 гг., при патриархе Фотии, о чём рассказывает он сам в «Окружном послании». В более поздних источниках, начиная с Константина Багрянородного, это событие отнесено к периоду второго патриаршества Игнатия, то есть между 867-877 гг. (после того как Василий I Македонянин (867-886) сверг Михаила III (842-867), он отстранил патриарха Фотия и вернул из ссылки Игнатия, которому возвратил патриарший сан). Объяснений этому противоречию может быть два: либо Константин Багрянородный, создавая жизнеописание своего деда, Василия Македонянина, приписал ему некоторые деяния его предшественника, в частности, крещение русов; либо при императоре Василии и патриархе Игнатии к русам действительно была отправлена новая церковная миссия, а её статус был повышен с уровня епископии до уровня архиепископии (обсуждение данной проблемы см.: Левченко 1956: 76-79; Сахаров 1980: 59-82; Браичевский 1989: 69-78; Рапов 1998: 76-98).

Согласно повествованию самого Фотия в его «Окружном послании», Русь приняла у себя «епископа и пастьря» (Кузенков 2003: 75), а по рассказу Константина Багрянородного, архиепископа, который был «благоклонно принят народом» (Кузенков 2003: 127). В списке епархий Константинопольского патриархата, относящегося ко времени правления Льва VI Мудрого (886-912), под номером 61 упоминается Роская митрополия (Браичевский 1989: 69-70; Рапов 1998: 119-120).

Эти сведения подтверждаются рассказом о путях купцов-русов Ибн Хордадбега (писал в 40-80-е гг. IX в.), который отмечает, что прибывая в Багдад русы говорят, что они «христиане и платят подушную подать (джизью)» (Ибн Хордадбех 1986: 124), то есть налог, взимаемый с иноверцев (христиан и иудеев) за оказываемое арабскими властями покровительство.

Как справедливо заметил П.В. Кузенков, «едва ли ведение дипломатических переговоров с Византийской империей и назначение епископа, тем более архиепископа, могли бы иметь место в отношении некоей незначительной группы руси; и то и другое указывает на то, что Византия имела дело с достаточно мощным политическим образованием: ведь даже могущественный болгарский князь далеко не сразу добился назначения архиепископа для своей страны» (Кузенков 2003: 82). Где же находилось это «достаточно мощное политическое образование» русов, равновеликое Болгарии?

На удивление, древнерусские источники о столь важных и значимых событиях в истории христианизации Руси ничего не говорят (а ведь именно утверждение в Русской земле христианства было приоритетной темой для летописцев), поскольку в доступных им византийских источниках соответствующей информации не было – в них говорилось только о набеге русов на Константинополь. Следовательно, не только о самом этом походе, но и о последовавшем за ним принятии христианства никакой исторической памяти в Киеве XI-XII вв. не существовало⁷. Из этого может следовать, что к Киевской Руси данные события отношения не имеют.

Альтернативное объяснение было предложено М.Ю. Брайчевским, по мнению которого, летописцы XI-XII вв. сознательно замалчивали деяния Аскольда и приписывали их утвердившейся в Киеве новой варяжской династии, осуществив масштабную историческую фальсификацию. Так, летописное описание похода Олега на Царьград на самом деле есть описание похода Аскольда, летописный рассказ о крещении Владимира на самом деле есть описание крещения Аскольда и т.д. (Брайчевский 1980: 264-284; 1983: 276-297; 1989: 62-65, 80-84, 93-96, 195-241). Подобное конспирологическое объяснение сложно рассматривать всерьёз. По справедливым словам П.П. Толочко, гипотеза Брайчевского приводит к естественному вопросу «а где же летопись X в.? Ведь невозможно предположить, чтобы в IX в. в Киеве была создана полноценная хроника жизнедеятельности Аскольда, а правление князей X в. оказалось за пределами внимания летописцев» (Толочко 2003: 12).

Учитывая полное молчание древнерусских источников о крещении Руси в IX в., рядом историков, в том числе историков Церкви, над которыми меньше довлеют традиционные историографические стереотипы, был сделан вывод, что речь тут должна идти о какой-то «другой» Руси.

Первым к такому выводу пришёл ещё А.Л. Шлёцер, по заключению которого «Россы, осаждавшие в 866 г. Константинополь, никак не могут быть Осколдовыми Руссами. Первые составляли великий, сильный, завоевательный и давно уже известный народ, приводивший в ужас все берега Чёрного моря». В отличие от варягов-руси, по его мнению, это был «особенный

народ, неизвестная орда варваров, вероятно народ прибрежный, показавшийся на Западе и исчезнувший»; «простое сходство в названии Рос и Рус обмануло и почтенного Нестора» (Шлёцер 1816: 86-117). А.Г. Кузьмин по поводу этого вывода констатировал: «Попытка Шлёцера противопоставить русов и росов с языковой точки зрения, конечно, не может быть убедительной. На это обстоятельство неоднократно обращали внимание. Зато представление о двойственной природе “Руси”, о наличии такового этнонима и в Прибалтике, и в Причерноморье неоднократно привлекало к себе внимание впоследствии» (Кузьмин 2003: 40).

По мнению Г. Эверса, задолго до появления в Восточной Европе варягов, в Северном Причерноморье проживал народ «рос» или «рус», который и дал начало и название Древнерусскому государству (Эверс 1825: 83-84; 1826: 205).

По словам С.М. Соловьёва, «название “рус” гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всей вероятности, русь на берегах Чёрного моря была известна прежде половины IX в., прежде прибытия Рюрика с братьями» (Соловьёв 1959: 126).

Н.П. Ламбин считал, что первоначальная Тмутараканская Русь – не славянское, а аланское княжество, о котором говорит Константин Багрянородный (Ламбин 1874: 58-95).

Е.Е. Голубинский констатировал: «Совершенное отсутствие в Киеве предания о таких важных событиях, как крещение князей и получение своего епископа, по нашему мнению, весьма и самым решительным образом говорит против вероятности мнения, что руссы, нападавшие на Константинополь и потом принявшие крещение, были Аскольд и Дир со своею дружиной» (Голубинский 1901: 38).

В.Г. Васильевский считал, что уже в первой половине IX в. имя русов было «не только известным, но и общераспространённым на южном побережье Чёрного моря» (Васильевский 1915: CX). В его представлении эта Черноморская Русь была не славянской, центром её он считает местность возле Анапы, которая географически почти совпадает с Тмутараканской. Подытоживая свои наблюдения, он писал: «Одним словом, мы хотим сказать, что все известия о Руси и русских до половины IX в. относятся к тавроскифам и объясняются отождествлением Руси с тавроскифами и этих последних с готами, валанготами, готаланами» (Васильевский 1915: CCLXXXII).

В.А. Пархоменко основательно разработал теорию о существовании «давней местной южной Руси, Руси Черноморско-Азовско-Донской». Сформировало её славянское население – потомки антов, оттеснённые кочевниками на юго-восток. По мысли учёного, «известные нам случаи набегов Руси на Сурож, Амастриду и Константинополь естественнее и исторически и географически сообразнее всего отнести к этой именно приморской Руси, представителям которой только и можно было достигнуть такой виртуозности в морском деле, приобрести такую известность на Чёрном море и чувствовать здесь себя господином положения. Даже Днепровской Руси, все же несомненно удалённой

⁷ По этой причине озвучиваемая иногда гипотеза, согласно которой Аскольд и Дир пали жертвой переворота, поскольку языческое большинство Киева не разделяло их христианизаторскую политику (Пархоменко 1913: 88-91; Брайчевский 1989: 89-93; Толочко 2003а: 9-18), является совершенно умозрительной.

от Чёрного моря и отделённой от него такими преградами, как населённые кочевниками степи и днепровские пороги, такая роль была совсем не по плечу – особенно в раннюю пору начала IX в. – о племенах же более северных и говорить нечего». Именно эта Русь и приняла крещение от Византии в IX в. (Пархоменко 1913: 12-59).

А.Н. Насонов, анализируя византийские и арабские источники о русах, пришёл к выводу, что согласно их сообщениям, русов надо понимать, как народ, живущий на юге. «Не подлежит сомнению, что в IX в. как у византийцев, так и у арабов с представлением о “русах” связывалось представление о Тавриде: русов они представляли себе обитателями Тавра» (Насонов 1940: 80). Более того, его исследования приводят к выводу, «что уже в первой половине IX в. и возможно раньше существовали русы, осевшие в Крыму» (Насонов 1940: 91). Таким образом, он приходит к выводу, что Черноморская Русь находилась в Крыму, а не на Таманском полуострове, который, по его мнению, в IX – первой половине X в. находился под властью хазар (Насонов 1940: 82).

Д.Л. Талис на основе анализа византийских источников и крымских топонимов с основой «рос» пришёл к выводу, что «Днепровскую Русь византийские писатели называли тавроскифами и таврами именно потому, что на неё было перенесено название народа, действительно обитавшего в Крыму в VIII-IX вв., т.е. росов» (Талис 1974: 99).

В новейшей историографии серьёзные аргументы в пользу древнего существования Причерноморской Руси привели в своих работах О.Н. Трубочёв (Трубочёв 2005: 131-188), К.А. Максимович (Максимович 2006: 14-56), А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003: 243-267), Я.Л. Радомский (Радомский 2004), А.С. Королёв (Королёв 2006: 88-102).

В свете данных о древнем существовании Причерноморской Руси, по словам О.Н. Трубочёва, «вновь встаёт вопрос об авторстве опустошительных морских походов на Амастриду и Константинополь IX в. (русы-славяне, русы-варяги или – какие-то “третьи” русы-росы?)» (Трубочёв 2005: 137).

Иеродиакон Никон (Лысенко) считал, что опорные базы русов, напавших на Константинополь в 860 г. находились в Крыму или в районе Ахиллова бега, а ставка кагана русов располагалась где-то на Дону (Никон 1989: 36).

Е.С. Галкина отметила, что «византийские источники первых трёх третей IX столетия определённо указывают на Северное Причерноморье и Крым как на место обитания русов» (Галкина 2002: 62).

Однако большинство исследователей предпочитает, не утруждая себя лишними вопросами, идти по простому пути, инерционно следуя за текстом летописи, и помещать страну напавших на Константинополь русов либо в районе Киева, либо в районе Ладоги/Новгорода.

Теперь, когда все основные гипотезы относительно летописных Аскольда и Дира и возможности их участия в походе на Константинополь в 860 г. озвучены, попробуем взглянуть на проблему с позиции археологии.

В первую очередь посмотрим, что представлял собой Киев середины IX в. Не отрицая факт, что славян-

ские поселения на киевских горах существовали как минимум с VI в., археологи признают, что даже в конце VIII в. по уровню социально-экономического развития они не дотягивали до синхронного им Пастырского городища и не могли претендовать на роль какого-либо значительного центра. Раскопки показали полное отсутствие в слоях этого периода предметов вооружения, ремесленных комплексов, укреплений, что достаточно выразительно «свидетельствует о рядовом характере поселения» (Комар 2012: 315). Говорить о наличии на Старокиевской горе даже во второй половине IX в. больших поселений «также не приходится» (Комар 2012: 315). По сути, Киев IX в. – типичное славянское «гнездо поселений», не могущее претендовать на статус какого-либо значимого политического центра. Культурный слой киевских поселений по прежнему беден, помимо лепной керамики и прочей домашней утвари в нём также не обнаружено характерных предметов «престижной культуры IX в. – украшений, оружия, монет, импортов» (Комар 2012: 315). Застройка Подола начинается лишь в конце IX в. и именно с этого времени, Киев попадает «в типологию “торгово-ремесленных поселений”, ориентированных на Днепр как торговую артерию» (Щавелев, Фетисов 2014: 26).

В Киеве середины IX в. нет и сколь-нибудь заметных следов присутствия скандинавов. Вопреки свидетельствам летописцев, «поселивших» здесь выходцев с севера, – сначала Аскольда и Дира, а затем и Вещего Олега с Игорем, – материалы Подола конца IX – середины X в. «в настоящее время не содержат ни единого предмета бесспорно скандинавского или “северного” происхождения» (Комар 2012: 315). Не лучше ситуация и на Замковой горе, где ряд исследователей помещают княжеский град. Как указывает А.В. Комар, «поселение на Замковой горе второй пол. IX – первой пол. X в. по культуре откровенно славянское, ничем не напоминающее культуру Ладоги или Рюрикового городища, что никак не вяжется с ожидаемым “русско-скандинавским” обликом дружины киевского князя» (Комар 2005: 132). Самые ранние следы норманнского присутствия в Киеве, по данным некрополей, приходятся только на середину и вторую половину X в. Следовательно, если русы и сидели в то время в Киеве, то эти русы явно были не скандинавами. Таким образом, археологические данные не позволяют говорить о том, что в середине IX в. на берегах Днепра существовало государство со столицей в Киеве, способное да и нуждавшееся в масштабной атаке на Византию, или в дипломатических сношениях с ней.

Отдельно отметим, что археология не находит и следов христианства в Среднем Поднепровье в IX в. (Петрухин 1995: 219-220), а без этого все рассуждения о том, что именно в Киеве находилась Русская епархия, не имеют почвы.

К. Цукерман иронически заметил, что если бы византийский иерарх «попал в 869 г. на место будущего Киева, то ничего, кроме битых горшков волынцевского типа, он там бы не нашёл» (Цукерман 2007: 349). Однако сам учёный «отправляет» его в ещё более фантастическое путешествие в далёкую Ладогу (Цукерман 2007: 347-349).

Что он мог бы найти в этом крошечном посёлке на другом конце Европы? Битые горшки ладожского типа?

Вопреки декларациям некоторых авторов, видящих в Ладоге крупный центр «экономических и культурных контактов между Северной Европой, Арабским халифатом и Византией», в гавани которого «теснились морские суда, пришедшие с запада, и речные ладьи, приплывшие с юга», а правители «опираясь на свой флот, могли контролировать северные ветви великого Волжского, а затем и Днепровского военно-торговых путей» (Мачинский, Губчевская 2007), в реальности Ладога представляла собой небольшой посёлок, торжище-порт, возможно, неоднократно менявший своих хозяев. Площадь Ладожского поселения в VIII-IX вв. не превышала 5 га, а суммарные размеры поселения X в. составляли не более 6-8 га. В начале своего существования это была усадьба из трёх-пяти домов каркасно-столбовой конструкции, численность населения Ладоги в середине IX, то есть в интересующий нас момент, не превышала пары сотен человек (Кузьмин 2008: 69-94; Кузьмин, Волковицкий 2003: 45-57).

В IX в. посёлок в Ладоге не претендовал на столичный статус (Носов 2012: 107; 2017: 21) и вряд ли обладал военной и политической силой достаточной для того, чтобы совершить нападение на крупнейший город Европы, находившийся к тому же за многие сотни километров.

Об отсутствии каких-либо контактов Ладоги с Византией в IX в. говорит и почти полное отсутствие на поселении предметов произведённых в Византии, включая деньги. Уже одно это вступает в решительное противоречие со свидетельствами о контактах русов с Византией, имеющихся у Фотия, в сообщении Бертинских анналов, у Ибн Хордадбеха в 40-80-х гг. IX в. писавшего о том, что русы торгуют с греками и арабами мехами и мечами: «Если говорить о купцах ар-Рус, то это одна из разновидностей (джинс) славян. Они доставляют заячьи шкурки, шкурки чёрных лисиц и мечи из самых отдалённых [окаин страны] славян к Румийскому морю. Владетель (сахиб) ар-Рума взимает с них десятину (‘ушр)» (Ибн Хордадбех 1986: 124).

О.И. Богуславский отмечает, что найденные в Приладожье византийские монеты, количество которых достаточно малочисленно, попали на северо-запад Руси не ранее 950-980 гг. и происхождение их не связано с международной торговлей (Богуславский 1993: 132-157). Аналогичны выводы и других исследователей: те редкие византийские монеты, которые там иногда находят, могли попасть «в Северную Русь самыми разными путями, помимо “днепровского”» (Щавелев, Фетисов 2014: 19-20)⁸, начало функционирования которого «как единой транзитной торговой магистрали от Балтики и до Чёрного моря», по А.С. Щавелеву и А.А. Фетисову, следует датировать не ранее чем серединой X в. До этого же, полагают историки, «путь из варяг в греки» был разбит на отдельные самостоятельные и не связанные отрезки – «северный» и «южный», между которыми «об-

⁸ Вероятно, это касается и византийской свинцовой печати-буллы от несохранившегося пергаментного документа IX в., найденной на Рюриковом городище, принадлежавшей византийскому спафарию и domestiky Леону.

наруживается территориальная лакуна, где нет признаков торгово-экономической активности» (Щавелев, Фетисов 2014: 32).

Нет в Ладоге IX в. также ни малейших признаков существования церковной епархии Константинопольского патриархата.

Поселение на Рюриковом городище в середине IX в. ещё только формируется (Еремеев 2019: 67-92).

Таким образом, никаких материальных подтверждений тому, что из Киева или из Ладоги середины IX в. могла быть осуществлена атака на Константинополь, а затем организована церковная епархия, не существует. Однако не смотря на эти очевидные факты, иные места для формирования русского флота большинством историков не рассматриваются. Доля исследователей, кто видит и понимает ущербность такого подхода, к сожалению, не велика. Представление о том, что Русь появилась и сформировалась на северо-западе Восточной Европы настолько укоренилось в сознании большинства историков, что превратилось в шоры, мешающие замечать те вопиющие нестыковки и противоречия, которые возникают, как только гипотетические рассуждения о том, что в 860 г. Русь Аскольда и Дира была довольно мощным в военном отношении, но недолговечным и слабоцентрализованным протогосударством, начинают обретать материальные, археологические черты.

Остаётся совершенно непонятно, как высокомили-таризированное общество, способное совершить беспрецедентный по дерзости набег на Константинополь, включая осаду столицы Византийской империи, могло не оставить материальных следов своего присутствия в Среднем Поднепровье. Объяснения, согласно которым «для управления столь обширными пространствами вожди руси не могли себе позволить пребывание в каком-то одном месте (недаром Фотий именует русь “кочевым народом”) и должны были постоянно перемещаться со своей дружиной, опираясь на систему малых градов-крепостей и союзы с племенными князьям» (Кузенков 2003: 83), бездоказательны, ибо никаких археологических подтверждений этому нет.

Н.А. Макаров констатирует: «Ни на Севере, ни на Юге мы не видим археологических памятников этого времени, которые могли бы выступать как места сосредоточения значительной военной силы, как административные центры, располагавшие ресурсами для организации грандиозных походов на Византию. Скромные размеры поселений, бедный набор оружия, отсутствие погребений военизированной знати заставляют усомниться в том, что “нашествие руси” на византийские владения в 860 г., очевидцем которого был патриарх Фотий, действительно являло собой военную акцию, угрожавшую существованию Царьграда» (Макаров 2012: 456). Правда, при этом снова реанимируется высказанная ранее П.В. Кузенковым мысль: «Единственным приемлемым разрешением противоречий между письменными источниками и археологией является признание того, что политическая организация руси в это время была ещё достаточно эфемерной структурой, находившейся в самой начальной стадии формирования. Сеть административных центров в этом объ-

единении ещё не сложилась, население, инкорпорированное в эту систему, было немногочисленно» (Макаров 2012: 456-457).

Логика подобных рассуждений удивительна: цепь административных центров «как мест сосредоточения значительной военной силы» на севере и юге ещё не сложилась, население «немногочисленно», ресурсов «для организации грандиозных походов на Византию» нет, но при этом, именно Киевская (в широком смысле этого слова), а не какая-либо другая Русь в 860 г. совершает набег на Константинополь.

Специалисты установили, что путь из Ладogi к Константинополю в раннем средневековье занимал около двух месяцев. То есть, если русы пришли к стенам Царьграда 18 июня 860 г., то выйти из Ладogi или из Рюрикова городища флот должен был не позже второй половины апреля.

Известно, что Днепр в верховьях вскрывается ото льда в конце марта – начале апреля, а более северные реки, ещё позже⁹. Следовательно, на подготовку к походу у русов времени практически не было. Собрать же и оснастить караван в 200 (согласно Симеону Логофету и Брюссельской хронике: Кузенков 2003: 114, 156) или в 360 (согласно Венецианской хронике: Кузенков 2003: 151) судов без подготовки, как справедливо заметил А.В. Назаренко, «картина, мыслимая разве что теоретически» (Назаренко 2012: 34). В итоге, вывод напрашивается один. Если поход был задуман в Ладoge, то совершался он в несколько этапов: подготовка судов к походу, доставка их в регион достаточно близкий к побережью Чёрного моря, зимовка и, собственно, сам поход. Теоретически такое возможно, а вот практически... Проблема даже не в том, что византийская разведка могла прознать о намерениях русов, а значит, нападение не могло быть внезапным, как это следует из Гомилий константинопольского патриарха Фотия (Кузенков 2003: 35), сколько в том, что для зимовки флота необходимы базы, способные разместить и прокормить экипажи судов.

Если исходить из летописной традиции, согласно которой экипаж русской ладьи во время похода Олега Вещего на Константинополь в начале X в. составлял сорок человек (ПВЛ. 1997: 82; тоже в Начально своде – ПСРЛ. III: 108), то в походе Руси 860 г. должно было участвовать от 8 (если кораблей было 200) до 14,5 (если кораблей было 360) тысяч воинов. Такие цифры подтверждаются сопоставительными материалами других стран. В Скандинавии эпохи викингов «команда боевого корабля составляла обычно около полусотни воинов» (Фетисов 2008: 208); экипажи византийских судов того времени

9 Иногда исследователи ссылаются на то, что в IX-X вв. климат Восточной Европы был значительно теплее, чем сейчас, поскольку в этот период наступил так называемый климатический оптимум. Следовательно, северные реки освобождались ото льда раньше, чем в наше время и раньше, чем в более поздний период средневековья. Но как показано в исследовании С.И. Бараша, зима 860 г. была «очень суровой и многоснежной... В Европе замерзли не только все реки, но даже «Адриатическое море так замерзло, что в Венецию пешком приходило было можно»; по морскому льду ездили на повозках. (Обычно Адриатическое море не замерзает.) Вымерзли озимые культуры в южной и юго-западной Европе» (Бараш 1989).

составляли: для хеландии – 50-100 человек, для памфила – 130-160 человек, для дромона – 230 гребцов и 70 воинов (Кузенков 2003: 68).

Даже если исходить из того, что летописная цифра дружинников, приходящихся на один корабль завышена, а цифры кораблей, называемые в источниках, условны, то в любом случае, для того, чтобы осуществить нападение на Константинополь, буквально потрясшее Царь городов, необходимо было серьёзное войско, соответственно, с неизбежностью речь должна идти о сотнях кораблей и тысячах воинов. Оценка русского войска в восемь тысяч человек выглядит вполне реалистичной (Пашуто 1968: 59; Кузенков 2003: 68; Цветков 2010: 58).

По современным меркам это три-четыре полка. Возможно, кому-то покажется, что не так уж и много, особенно на фоне армий XIX-XXI вв. Но на самом деле, это не так. Ибн Фадлан в 922 г. пишет, что с царем русов «постоянно находятся 400 мужей из числа богатырей, его сподвижников» (Ковалевский 1956: 146), т.е. речь идёт о малой или ближней дружине великого князя периода правления Олега и Игоря. По оценке Е.А. Шинакова, размер большой дружины Владимира Святославовича «включая гарнизоны степной линии, вряд ли превышал 5-7 тыс. человек. К этому, правда, надо добавить личные дружины некоторых из его сыновей. Реконструируемый по системе оплаты состав таких «малых дружин» (у Ярослава) – около 500 воинов (и гридей, и отроков)» (Шинаков 2009: 290-291). Заметим, речь идёт о времени когда Киевская Русь представляла собой сформировавшееся государство, со всеми надлежащими ему атрибутами власти, в том числе, позволяющими произвести мобилизацию, чего не было, да и, в принципе, не могло быть в середине IX в., когда будущую территорию Древнерусского государства населяли разрозненные, часто враждующие между собой племена.

Одной из главных причин малой численности дружин Киевской Руси Е.А. Шинаков называет трудности со снабжением, поскольку «землевание было чётко отделено от власти, суверенитета, внешние же источники дохода (международная торговля, добыча, дани-контрибуции и откупы)... практически отсутствовали» (Шинаков 2009: 292). Правда, в приведённой цитате у Шинакова речь идет о конце X в., когда «войны Владимира носили оборонительный характер и приносили не прибыль, а расходы на укрепление степной границы» (Шинаков 2009: 292). Но судя по количеству воинов в дружинах киевских князей начала и конца XI в.¹⁰, и в это столетие ситуация со снабжением армии была не намного лучше, а ведь в XI в. площадь Киева уже превышала 300 га, численность населения приближалась к 50 тысячам, что на порядок больше населения Киева и его округи середины IX в. Как уже говорилось выше, по свидетельству археологии, к моменту летописного появления в Киеве Аскольда и Дира, на месте «Матери городов русских» располагалось лишь несколько небольших славянских поселений, самое крупное из которых, так называемый

10 По свидетельству ПВЛ киевский князь Святополк Изяславич, отправившийся на войну с половцами во главе отряда из восьмисот бойцов, при необходимости мог собрать восемь тысяч человек (ПВЛ. 1997: 252). Речь, скорее всего, идёт об ополченцах.

«городок Кия» на Старокиевской горе, занимал площадь ок. 2 га. Не лучше ситуация складывалась и на других территориях Древней Руси, где, по словам Н.А. Макарова, «лишь в единичных точках археология фиксирует раннегородские поселения первой половины IX в., их число остаётся сравнительно небольшим и во второй половине столетия» (Макаров 2012: 449). По настоящему «широкие масштабы» процесс урбанизации и, как следствие, прирост населения на Руси «принимает... лишь в середине – второй половине X в.» (Макаров 2012: 449).

Однако, даже в этот период до 50% от общего числа существовавших на Руси населенных пунктов – это деревеньки в 1-5 дворов с населением 10-50 человек, цепью вытянувшиеся вдоль рек, либо собранные в «гнезда» вокруг укрепленного городища. Размеры таких агломераций на территориях благоприятных для земледелия обычно не превышали 2,5-3 км. В менее же пригодных для сельского хозяйства районах расстояние между селениями достигали 1-1,5 км, а радиус «гнезда» равнялся 5-8 км. Вот и давайте задумаемся, способен ли был «мал городок» Киев с округой в рассматриваемый нами период содержать и прокормить «армию» в несколько тысяч человек, тем более зимой, т.е. в самое голодное время года?

В.С. Нефёдов, отмечая, что городская община Гнёздова, в середине X в. насчитывавшая порядка одной тысячи человек, «вряд ли могла прокормить себя самостоятельно» (Нефёдов 2012: 99). Слишком малы для этого были площади сельхозугодий вокруг поселения. Всё это делало население Гнёздова «особенно зависимым от поставок продовольствия со стороны сельского населения региона» (Нефёдов 2012: 99). Обращает на себя внимание, что к середине X в., когда площадь Гнёздова увеличилась до 35 га, а постоянно проживающее в нём население достигло тысячи человек, заметно выросло и число окружающих его сельских поселений, позволявших насытить рынок сельскохозяйственными продуктами. Так, если в начале X в. в центральных районах Смоленской области, по оценке археологов, насчитывалось 30 сельских поселений, то к XI в. их число выросло до 89. Для сравнения: на Черниговщине в IX – начале XI в. возникло 17 поселений, в X-XI вв. возникло 36 посёлков, в XII – начале XIII в. – ещё 50 селений; в западной части белорусского Полесья в IX-X вв. возникло 12 поселений, в XI-XIII вв. – 70; в Могилёвском Поднепровье в конце IX-X в. появилось 18 поселений, в XI-XIII вв. – 73; в Полужье плотность населения в VI-IX вв. составляла 0,1-0,2 человека на 1 км², а в XII-XIII в. – уже 3 человека на 1 км² (Риер 2000).

Аналогично ситуация складывалась и на Киевщине, где, по оценке А.В. Комара, «ядро полянского княжения» в преддревнерусское время (VIII-IX вв.) демонстрирует на удивление малое количество археологических памятников. Поселения волынцевской культуры расположились здесь узкой цепочкой вдоль Днепра, вытянутой с севера на юг от Киева до Канева» (Комар 2012а: 158). Но даже то малое количество славянских посёлков, которое найдено археологами, в первой четверти IX в. в большинстве своём было разрушено. Сам А.В. Комар, кстати, связывает разгром волынцевских посе-

лений Правобережья и Левобережья Днепра с русами Аскольда и Диры (Комар 2005: 136)¹¹. Некорректность данного вывода археолога отмечена многими исследователями, указывающими на отсутствие в IX в. сколько-нибудь заметных следов присутствия скандинавов и выходцев из северо-западного региона на территориях близких к Хазарии (Григорьев 2012: 94-127; Щавелев 2014а: 323-329; Щавелев, Фетисов 2017: 309-317). А.В. Григорьев связывает погромы на волынцевских поселениях Поднепровья с миграцией из Подунавья основателей роменской культуры – северян (Григорьев 2000; 2012: 94-127).

Для нас же важно другое. Только «во второй половине IX – начале X в. археологи наблюдают быстрый рост киевских поселений, процесс их слияния, формирования “детинца” и “посада” города. Однако, как нам представляется, и в это время город не намного превышал размерами соседние укрепленные поселения» (Михайлова 2010: 52). При этом, отмечает И.Б. Михайлова, «в середине X в. в “граде Кия” и на прилегавших к нему сёлах проживало больше людей, чем на землях, занятых другими полянскими племенами, что, разумеется, стимулировало развитие укрепленного центра киян. Однако, как можно заметить при сопоставлении количественных данных могильников, киевская округа по численности населения не выделялась среди таких крупных южных комплексов поселений, как черниговский, клоновский, седневский, шестовицкий» (Михайлова 2010: 53).

По подсчётам С.П. Романчука, при средней калорийности зерновых 350 кал/100 г и индивидуальной суточной потребности в 3050 кал, человеку в день необходимо 870-1000 г зерна (Романчук 1979: 67-75). В год это составляет примерно 340 кг на человека. Правда, исследователи оговариваются, что данная норма потребления рассчитана для взрослого работника-мужчины. Женщинам, детям и стрикам хлеба требуется меньше. Однако, как известно, потребности не всегда совпадают с возможностями. Поэтому в наших расчётах мы будем опираться на несколько иные цифры, приведённые Центральным статистическим комитетом России для рубежа XVIII-XIX вв. В это время официальная норма потребления на одного человека составляла 219 кг ярового или 256 кг озимого хлеба. Максимальный же предел среднелюдовой нормы не опускался ниже 197 кг, да и то, только в том случае, если имелась возможность замещения хлеба картофелем. Иначе недоедание снижало продуктивность работников, что, как следствие, приводило к худшему сбору урожая в следующем году. В IX в., как известно, картофель на Русь ещё не завезли, поэтому в наших дальнейших расчётах мы будем исходить из того, что для нормального функционирования организма, вне зависимости от пола и возраста чело-

11 Любопытно, что при этом сам А.В. Комар не находит археологических доказательств присутствия в Киеве скандинавов ранее X в., зато обращает внимание, что на переживших разгром волынцевских поселениях встречаются предметы венгерского происхождения. Объяснить это можно лишь тем, что не скандинавы, а именно передовые отряды венгров, добравшиеся до Поднепровья, устроили разгром волынцевской культуры как в самом Киеве, так и в его округе.

века, хлеба ему в то время требовалось от 250 до 300 кг в год.

Если принять как допущение, что крестьянская семья в IX в. состояла примерно из шести человек (Енуков 2005: 166), из которых один-два человека были детьми и примерно столько же людьми пожилого возраста, то путём простого подсчета выясним, что только для собственного пропитания этой семье в год требовалось как минимум 1.2-1.5 т. зерна.

По существующим оценкам, в Среднем Поднепровье в конце I тыс. н.э. максимальные показатели урожайности составляли 40 пудов с десятины, т.е. приблизительно, 6,5 ц/га (Риер 2000: 102). Получается, что для прокорма среднестатистической семье требовалось приблизительно 3 га. Данная цифра вполне сопоставима с расчётами других исследователей. Так, например, А.В. Григорьев, оценивая сельскохозяйственные возможности северян Левобережья Днепра, приходит к выводу, что «наделы площадью около 4 десятины, даже при хорошем качестве земли могли лишь обеспечить прожиточный минимум их владельцев» (Григорьев 2000: 179). На первый взгляд, 3-4 га это не так уж и много. Тем более что, по оценкам специалистов, в рассматриваемый нами период один работник за сезон вполне мог обработать 7-8 га земли.

Однако, не следует забывать и ещё одну существенную деталь: вопреки известной русской поговорке «хлеб всему голова», хлеб составлял лишь часть рациона населения Восточной Европы. Не меньшую потребность жители Древней Руси испытывали и в мясе, восполнение запасов которого едва ли компенсировалось охотой. Поскольку в настоящее время практически невозможно точно оценить поголовье и состав скота, имевшегося в распоряжении крестьянской семьи IX в., снова обратимся к данным XVIII в. Как показали исследования, в это период подсобное хозяйство семьи из 6-7 человек в среднем насчитывало одного или двух коней, пару волов, двух коров, 4-5 овец, 1-2 козы, 2-3 свиньи и какое-то количество домашней птицы. Естественно, вся эта живность также нуждалась в зерне. По нормативам XVIII в. годовой рацион лошади, без учёта сена, составлял 49 кг овса; свинье требовалось 25 кг овса, 82 кг ячменя, 16 кг гороха, плюс корнеплоды; птица, в среднем, потребляла 33-50 кг овса или ячменя. В итоге: в год на одного коня, 4 головы крупного рогатого скота, 2 свиньи и домашнюю птицу уходило порядка 4 ц зерна. Понятно, что для IX в. приведенные нормы потребления, как и количество животных, находящихся в распоряжении среднего крестьянского хозяйства, величины условные, поэтому поделим всё на два. В результате, к 12-15 ц зерна, необходимых для пропитания самих членов семьи, добавим ещё 2 ц зерна, выделяемые на прокорм животным. Соответственно на 0.5 га увеличим и посевную площадь крестьянского хозяйства. Но и это ещё не всё. Для того чтобы собрать урожай, как известно, прежде необходимо что-то посеять. То есть, помимо зерна, идущего непосредственно на питание, у крестьян должен был быть и определённый запас зерна,

используемого в качестве посадочного материала¹², а это, как следствие, влечёт за собой и увеличение посевных площадей. Так что прибавим к земельному наделу нашего крестьянского хозяйства ещё 1 га земли. Итого. Только для обеспечения собственных нужд семье из 5-6 человек в IX в. необходимо было ежегодно засеять и обрабатывать 4-5 га земли. И это без учета земель под парами, огородов и прочих сельхозугодий.

Безусловно, приведённые расчёты имеют умозрительный характер, но, в целом, они не противоречат данным археологии. Дело в том, что во время раскопок археологи периодически находят зерновые ямы, в которых, предположительно, хранился посадочный материал. Считается, что одна зерновая яма соответствовала одному двору. Зная же объём ямы, не трудно рассчитать засеваемую этим зерном площадь, а заодно, и уровень благосостояния её владельцев. Как выясняется, в первой половине IX в. средний объём зерновых ям позволял хранить в них 700-800 кг зерна. Этого хватало для того чтобы по весне засеять площадь около 5.5-6.5 га. То есть, примерно столько, сколько и предполагают приведённые выше расчёты. По подсчётам археологов, земельные наделы населения Левобережья Днепра в IX в. варьировались в пределах от 7 до 11 га.

Дальше, путём несложных математических действий, мы можем установить, сколько пахотных земель для прокорма требовалось сельхоз агломерации с населением в 30, 100 и более человек¹³. Однако, едва ли это необходимо. И без дальнейших подсчётов, очевидно, что содержание армии в несколько тысяч бойцов у населения Киева и близлежащих к нему земель в середине IX в. вызвало бы серьёзный продовольственный кризис.

Можно, конечно, допустить, что для снабжения армии Аскольд и Дир совершали экспроприацию продовольствия у населения, находившегося за пределами киевского домена, но и это маловероятно. Летописи утверждают, что даже после того как Олег наложил дань на древлян, северян и радимичей, русским князьям ещё неоднократно приходилось воевать с этими племенами, а чрезмерная жадность, как утверждают летописи, обернулась для князя Игоря гибелью.

Впрочем, проблема, чем накормить и где обогреть дружину в несколько тысяч бойцов в течение зимы, увы, далеко не единственная, которая могла возникнуть у братьев в ходе организации ими похода на Константинополь. Не менее остро стоял и вопрос, а где, собственно, столько бойцов набрать. Это только в летописи всё легко и просто: обосновались Аскольд и Дир в Киеве, «многы варягы съвокуписта и начаста владѣти польскою землею» (ПВЛ. 1997: 76). В действительности же, как известно, только сказка скоро сказывается, да не скоро дело делается. Поэтому давайте посмотрим, как слова летописца согласуются с реальностью.

По оценке Е.А. Шинакова, общая численность скандинавских мигрантов в Восточной Европе, отождест-

¹² Для XV в. норма высева составляла 8 пудов на десятину (128 кг/га).

¹³ По подсчётам А.В. Григорьева, в середине X в. для автономного существования поселения в 200 дворов требовалось 2400 десятины пахотных земель (1 десятина = 1,092 га) (Григорьев 2000: 189).

вляемых им с русами письменных источников, до середины X в. следующая: «Русов – дружинников и купцов – было, вероятно, не более 1000 человек». Если же учитывать женщин, слуг и рабов, то, по мнению историка «численность русов могла равняться несколькими тысячам человек» (Шинаков 2009: 169).

По подсчётам А.А. Фетисова, гарнизон Гнёздова, численность постоянного проживающего населения которого в начале X в. колебалось от 400 до 600 человек, состоял из 50-60 бойцов (Фетисов 2008: 209). Материалы Тимерева и его окружи, как единого торгово-административного комплекса поселений Ярославского Поволжья, по Фетисову, позволяют оценивать численность профессионального воинского отряда, находящегося здесь, до 40 человек (Фетисов 2008: 209). Столько же воинов включала в себя и дружина высоко милитаризованного Супрутского городища конца IX – начала X в., расположенного на Донском торговом пути (Фетисов 2008: 209). Безусловно, какие-то воинские контингенты имелись и в других населённых пунктах Древней Руси, в том же Киеве, например, но едва ли они были намного крупнее перечисленных. Так что трудно даже представить, где Аскольд и Дир могли бы набрать несколько тысяч бойцов.

Обратим внимание на то, что численность профессиональных воинских отрядов, расположенных в крупных по тому времени центрах дана на начало X в., то есть, на период, когда происходило формирование не только Древнерусского государства как такового, но и его профессиональных дружин, вкуче с присущей им дружинной культурой. В середине же IX в. ситуация была иная. На славянских поселениях Киева рассматриваемого нами периода не найдено предметов «престижной культуры IX в. – украшений, оружия, монет, импортов» (Комар 2012: 315), что недвусмысленно указывает на отсутствие здесь воинских контингентов, способных стать основой для профессиональной, к тому же, многотысячной, дружины, готовой совершить опустошительный набег на территорию Византийской империи, вплоть до осады Константинополя.

Существует гипотеза, что осаду Константинополя в действительности осуществили не русы, пришедшие с северных берегов Чёрного моря, а норманны, пришедшие с юга, со стороны Средиземного моря. В пользу связи похода 860 г. со скандинавами некоторые исследователи приводят свидетельство Иоанна Диакона (вторая половина X – первая четверть XI в.), в «Венецианской хронике» написавшего: «В это время народ норманнов (*Normannorum gentes*) на трёхстах шестидесяти кораблях осмелился приблизиться к городу Константинополю (*Constantinopolitana urbs*). Но так как они не могли никоим образом нанести ущерб неприступному городу, они дерзко опустошили окрестности, перебив там многое множество народу, и так с триумфом возвратились восвояси» (ДРЗИ. IV: 53-54). «Венецианские хроники» Иоанном Диаконом были написаны в начале XI в., то есть, почти через полторы сотни лет после события, которое у Диакона не датировано, а лишь привязано к ряду других событий, хронологический разбег которых составляет десять лет между смертью в 853 г.

патриарха Виктора и смертью франкского короля Карла, умершего 25 января 863 г.

Поскольку количество кораблей «норманнов», участвовавших в походе, и сам результат набега у Иоанна Диакона расходятся с количеством кораблей русов и результатом вторжения по версии некоторых византийских и древнерусских источников¹⁴, А.А. Васильев высказал предположение, что у Иоанна Диакона описан не «русский» поход 860 г., а неизвестный по другим источникам набег неких «норманнов», которые пришли под стены Константинополя после гибели русского флота, не ранее 861 г., и вернулись домой «с триумфом» (Vasiliev 1946: 42).

Действительно, в 859 г. норманнский флот из 62 кораблей под командованием норвежцев Гастинга и Бьерна совершил грабительский рейд в Средиземноморье. Ими были разграблены побережья Испании, Португалии, Африки, Балеарские и Питиузские острова, Майорка, Монорке, Форментере. После чего викинги устремились к берегам Италии, где были разграблены и сожжены Луна (её норманны приняли за Рим), Пиза и некоторые другие итальянские города. По свидетельству Себастьяна Саламанского (кон. IX – нач. X вв.) опустошив Италию, норманны «приплыли в Грецию и, наконец, вернулись в свою страну три года спустя» (Альфонсо 2002). Отсутствие упоминаний о набеге норманнов с юга в византийских хрониках Васильев объясняет тем, что византийцы иногда обходят молчанием важные события своей истории, известные по другим, не византийским источникам. К ним он относит и удачное нападение византийского флота на Дамьетту в Египте в 853 г., и поход на Константинополь Вещего Олега в 907 г., и крещение Руси при Владимире Святославовиче. Кроме того, Васильев допускает, что кратковременный набег викингов византийские хроники могли принять за арабский набег, один из которых состоялся в 861 г., когда флот критян опустошил Киклады, прошёл через Геллеспонт и достиг Проконнесских островов в Мраморном море.

В пользу своих предположений А.А. Васильев приводит отрывок из письма папы Николая I (858-867) императору Михаилу III (842-867), в котором Папа пеняет правителю Византии, что это не франки вторглись на Крит, опустошали Сицилию, захватывали греческие провинции и сжигали, убив множество людей, церкви Святых в предместьях Константинополя, это сделали оставшиеся без возмездия язычники. Папское письмо было написано 28 сентября 865 г. и многими исследователями считается указанием на набег Руси в 860 г. Однако, письмо папы Николая I никоим образом не доказывает, что язычники, грабившие пригороды Константинополя, были норманнами. А.А. Васильев в словах Папы о том, что нападавшие не получили должного возмездия, увидел подтверждение предположению, что после неудачного похода Руси последовал более успешный набег норманнов.

¹⁴ Согласно «Брюссельской хронике» русы пришли под стены Константинополя «с двумястами кораблями, которые, ходатайствами Всехвальной Богородицы, были христианами покорены, сокрушительно побеждены и истреблены» (Кузенков 2003: 156). То же самое утверждает и ПВЛ (ПВЛ. 1997: 76).

Реальных доказательств такого «раздвоения» похода на Константинополь, на самом деле, нет никаких. Версия о гибели флота русов вследствие бури, ставшей результатом божественной помощи Константинополю, появляется только в поздних источниках (Симеон Логофет, Брюссельская хроника) и её появление связано с религиозно-нравоучительными целями. Аутентичные византийские памятники (Гомилии и «Окружное послание» патриарха Фотия, «Житие патриарха Игнатия», Хроника продолжателя Феофана) ни о чём подобном не говорят, соответственно, невозможно вести речь о том, что письмо Николая I и Иоанн Диакон противостоят византийским источникам относительно результатов похода русов 860 г.

Не отрицая гипотетическую возможность того, что флотилия Гастинга и Бьерна (никаких других норманнов в Средиземном море как арабские, так и франкские источники в рассматриваемый период не упоминают) могла добраться до границ Византийской империи с юга, согласиться с точкой зрения Васильева невозможно. Даже если допустить, что греки по какой-то причине забыли упомянуть об осаде Константинополя норманнами, трудно представить, что греческий флот, в 860-861 гг. сконцентрированный в Средиземном и Мраморном морях, пропустил к столице вражеские корабли, которые вряд ли были небольшими моноскислами или акатиями¹⁵, тем более, если придерживаться версии Иоанна Диакона насчитавшего у «норманнов» аж 360 судов. Более вероятно, что автор Венецианской хроники, знавший из франкских источников о норманнских рейдах у берегов империи, сопоставил эти события с известными ему византийскими данными об осаде Константинополя русами, и на основании этого решил, что речь идет об одном и том же событии, приписав его всё тем же известным ему норманнам. В пользу данного предположения говорит уже то, что в хронике Иоанна Диакона имеется ряд неточностей касающихся истории самой Венеции, на что обращали внимание исследователи. Стоит ли в таком случае ожидать от него точности в вопросах, далёких от освещаемой им в хронике темы? К числу неточностей в полной мере можно отнести и немислимое количество судов, по версии Диакона, участвовавших в походе.

Можно вслед за А.А. Васильевым гипотетически допустить, что помимо Гастинга и Бьерна какие-то другие норманны между 859 и 861 гг. совершили описанную Иоанном Диакonom осадку Константинополя, но оснований для такого допущения нет никаких. Странно было бы, если бы состоящую из 62 кораблей флотилию викингов франки и арабы увидели, а армаду из 360 судов упустили из вида, до свидетельства Иоанна Диакона не написав о ней ни слова.

Самое логичное объяснение появления «норманнов» в тексте Иоанна Диакона состоит в следующем. Па-

15 О классе судов викингов, а значит и о численности их экипажей судить трудно. Арабы называют плавсредства норманнов «меркаб», что значит «судно», «корабль», без более детальных пояснений, либо «кариб», под которым арабы подразумевали небольшое парусно-весельное судно. Исследователи сходятся во мнении, что «меркаб» применительно к судам норманнов соответствовал большому парусному кораблю типа драккара с экипажем от 26 до 70 человек.

триарх Фотий говорит о напавших на Константинополь русах: «народ с севера», «гроза гиперборейская», «скифский народ» и т.д. (Кузенков 2003: 23-65). Иоанн Диакон, или кто-то из его предшественников, просто перевёл на латинский язык подобное греческое определение как «северные люди» («норманны»).

В рассматриваемый период, по словам М.В. Бибикова, «для византийцев “северными” областями скорее считались крымские “климаты”, Причерноморье, Русь, Северный Кавказ и даже Фессалия. Более того, норманны в византийских текстах (начиная с XI в.) – отнюдь не “северные люди”, а, прежде всего, население Сицилийского королевства; “Северное море” – не Балтика, а “Гиркания”, т.е. Каспийское море. Устойчивость традиции соотношения “севера” с причерноморским регионом объясняется принципом расположения этно-географических зон в соответствии с направлениями ветров. На этом основании “северными” являются народы, которых, как пишет Иоанн Цец (XII в.), овеивает северный ветер Борей: это скифы и (народы) Эвксинского понта (Причерноморья). Поэтому деконкретизованный этноним “северный”, часто встречающийся в византийских источниках XI-XIII вв., чаще всего атрибутируется русским. Потому и социокультурный портрет “скифского” мира, разрабатываемый византийскими авторами, на основе античных традиций, неприложим к интересующему нас региону. При общем тезисе, что “Скифия” занимает всё “северное” пространство, скандинавский мир не включается в него византийскими авторами. Знания средневековых греков о скандинавах формируются на иной основе, чем представления о “тавроскифах”, т.е. русских, о германцах, других “латинянах” – жителях Западной Европы» (Бибиков 1986: 97-105).

В европейских источниках есть ещё два примера именованья русов «северными людьми» («норманнами»).

В 871 г. восточнофранкский король Людовик II (843-876), отвечая на несохранившееся послание византийского императора Василия I Македонянина (867-886) и споря с ним о правильности употребления титулов (между Византией и франками шла полемика по вопросу о правомочности принятия правителями последних императорского титула), в числе прочего, заявил: «Хаганом (chaganus) же, как убеждаемся, звался предводитель (prelatus) авар (Avars), а не хазар (Gazani) или норманнов (Nortmanni), а также не правитель (principis) болгар (Vulgares), а король или государь (dominus) болгар» (ДРЗИ IV: 23-24).

Франки хорошо были знакомы с Аварским каганатом, а вот о Хазарии они, видимо, мало что знали и не имели с ней никаких стабильных контактов, соответственно, ничего не знали и о титуловании её правителей. Также ничего они не знали и о титуловании правителя неких «северных людей» (Nortmanni), так как с ними, видимо, тоже никаких стабильных контактов не поддерживали. А вот византийцы, очевидно, были хорошо знакомы как с хазарами, так и с «северными людьми», и Византия признавала за их правителями титулы каганов.

В византийском послании на месте «северных людей» (Nortmanni) франкского латиноязычного источни-

ка, стояло, очевидно, что-то типа «северные скифы» (οἱ βόρειοι Σκύθαι) / «тавроскифы» (Ταυροσκύθες), как нередко в византийских источниках (Лев VI Мудрый, Лев Диакон, Михаил Пселл, Георгий Кедрин, Иоанн Зонара, Иоанн Киннам, Анна Комнина, Никита Хониат и т.д.) именуется русы, что было просто калькировано франками.

Лиутпранд Кремонский в X в. писал: «Ближе к северу обитает некий народ, который греки (Greci) по внешнему виду называют русью (ρουσίος), мы же по местонахождению именуем норманнами. Ведь на немецком (Teutonum) языке nord означает север, а man – человек; поэтому-то северных людей и можно назвать норманнами» (ДРЗИ IV: 38).

Очевидно, через термин «норманны» Лиутпранд или его информатор передал греческое τὰ βόρεια ἔθνη, τὰ βόρεια γένη – «северные народы» или οἱ βόρειοι Σκύθαι – «северные скифы», применяемое византийцами по отношению к руси с начала X в. («Росы, северные скифы» / Ῥῶς βόρειοι Σκύθοι упомянуты в разделе «Наумахика» трактата Льва VI Мудрого «Тактика» – Щавелев 2016: 236-350). В пользу этого говорит другое упоминание термина «норманны» Лиутпрандом Кремонским, который в первом томе «Книги возмездия» пишет: «Город Константинополь (Constantinopolitana urbs), который прежде [именовался] Византием (Bizantium), а ныне носит имя Нового Рима (Nova Roma), расположен посреди свирепейших народов. Ведь с севера его ближайшими соседями являются венгры (Hungarii), печенеги (Pizenaci), хазары (Chazari), русь (Rusii), которую иначе мы называем норманнами (Nordmanni), а также болгары (Bulgarii)» (ДРЗИ IV: 37).

Как видим, локализуется Русь к северу от Константинополя, причём Русь у Лиутпранда в числе ближайших соседей Византии. Есть и ещё один существенный момент – латинский текст Лиутпранда можно трактовать двояко: и как указание на то, что термин «норманны» Лиутпранд употребил только по отношению к Руси, и как указание на то, что под термин «норманны» попадают и все остальные народы из приведённого списка за исключением болгар. Косвенно на это указывают слова из трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного, в котором византийский император советует своему сыну: «Если потребуют когда-либо и попросят либо хазары, либо турки (венгры – М.Ж., С.Б.), либо также росы, или какой иной народ из северных и скифских» (Константин Багрянородный 1991: 54-55). Как видим, список северных народов у Багрянородного и у Лиутпранда практически совпадает. Сведения о походе Игоря Лиутпранд Кремонский почерпнул из рассказа своего отчима-дипломата. Сам Лиутпранд тоже дважды возглавлял посольства в Византию, знал греческий язык, и вероятно был осведомлён относительно практиковавшейся у византийцев терминологии.

Как видим, все три случая именованья русов «норманнами» в европейских источниках (послание Людовика II, Лиутпранд Кремонский, Иоанн Диакон) связаны с Византией и, очевидно, восходят к византийской традиции, калькируя византийскую терминологию.

В каких-либо европейских источниках, не связанных с Византией, русы никогда не именуется «северными людьми».

Таким образом, ни малейших оснований предполагать помимо похода русов 860 г. ещё некий набег на Константинополь «норманнов» источники не дают, все они говорят об одном и том же походе. Равно нет ни малейших оснований предполагать, что поход был совершён со стороны Средиземного моря. Аутентичные источники ясно свидетельствуют, что атака была осуществлена «народом с севера», «грозой гиперборейской», «скифским народом», то есть из Северного Причерноморья.

Но может быть свою армию Аскольд и Дир набирали в Скандинавии, а славяне и представители иных этносов Восточной Европы составляли лишь незначительную её часть? В ПВЛ ведь сказано, что Аскольд и Дир «многы варягы съвокуписта» (ПВЛ. 1997: 76). Рассмотрим и такую возможность. Изучив письменные источники и археологические материалы Скандинавии, А.А. Фетисов пришёл к выводу, что гарнизон одного из крупнейших торгово-ремесленных поселений Швеции IX-X вв., Бирки, по численности населения и площади сопоставимого с Гнёздовом, также не превышал 40-50 человек (Фетисов 2008: 209-210). Примерно столько же воинов включали в себя и дружины скандинавских ярлов, по Фетисову, управлявших достаточно большими областями-фьюльками. На это, в частности, указывают и сами скандинавские источники. К примеру, в «Саге о Харальде Прекрасноволосом», говорится, что каждый ярл, при необходимости, должен был предоставлять конунгу отряд из 60 воинов. Личная дружина самого конунга тоже состояла из 50-70 человек и составляла экипаж одного корабля (Фетисов 2008: 210).

В случае же, когда конунгом замышлялись более масштабные военные мероприятия, нежели объезд подвластных ему земель, воины набирались специально и со значительных территорий. Так Эрик Кровавая Секира, собирая войско для похода на побережье Англии, объехал несколько регионов Норвегии и помимо своих собственных отрядов позвал воинов с Оркнейских островов, «Южных островов» и из Ирландии.

Критикуя сторонников многочисленности норманнских отрядов, нападавших на Британские острова и империю франков, известный английский историк П. Соьер обращает внимание на то, что исследователи не располагают скандинавскими источниками, которые можно было бы сопоставить с известиями латинских хроник, повествующих о набегах викингов, а значит и уточнить их. Поэтому, пишет Соьер, «нет оснований сомневаться в достоверности их рассказов о передвижениях викингов, но существуют веские причины подозревать, что они преувеличивают, когда сообщают о размере и разрушительной деятельности этих грабительских отрядов» (Соьер 2006: 177).

Причины таких преувеличений хронистов, по мнению историка, кроются в естественной склонности людей «извинять поражения и превозносить победы, преувеличивая силу и жестокость врага». В полной мере эти слова можно отнести и к современным писателям, ко-

торые, считает учёный, «слишком охотно берут на веру подсчёты авторов того времени», что, в свою очередь, влияет на их восприятие и интерпретацию как лингвистических, так и археологических материалов, и тем самым уменьшает «их ценность в качестве независимого критерия правдивости письменных свидетельств» (Сойер 2006: 178).

Ещё одну проблему, с которой сталкиваются исследователи, пытаясь оценить размеры скандинавских отрядов и ущерб, нанесённый ими Западной Европе, Сойер видит в качестве переводов. Что в данном случае имеется ввиду? В английских хрониках, для обозначения отрядов викингов нападавших на Британию, обычно используется термин «here», перевести который можно как «армия» или «войско». Однако оба эти варианта прочтения термина, по мнению Сойера, как раз и «вводят в заблуждение» историков. Дело в том, что в современном понимании слова «армия», это нечто огромное, десятки и сотни тысяч солдат и офицеров. Близкие по смыслу ассоциации вызывает и слово «войско», за которым, также, видится военное подразделение, состоящее из множества вооруженных людей. Между тем, указывает Сойер, в законах Инэ начала VII в. говорится: «До семи людей мы называем разбойниками, от семи до тридцати пяти – бандой, а сверх того – here» (Сойер 2006: 180). То есть, в представлениях средневековых авторов подразделение численностью больше трёх дюжин бойцов – это уже армия или войско.

Впрочем, следует признать, что иногда перед словом «here» английские анналисты помещали ещё и слово «micel» – «великая». И именно это даёт основание сторонникам многочисленности отрядов викингов утверждать, что нападавших на берега Англии и Западной Европы скандинавов было действительно много. Доказать, равно, как и опровергнуть данную точку зрения сложно, потому, что, как отмечает Сойер, хроники крайне редко сообщают о количестве участников набегов, предпочитая указывать численность имеющихся у нападавших кораблей. А вот здесь-то, как раз, и начинается самое интересное: «по своему размеру, по крайней мере в IX-X вв., корабли (викингов – М.Ж., С.Б.), скорее всего, никогда не были большего размера, чем судно из Гокстада с тридцатью двумя вёслами, и, видимо, даже в XI столетии более крупные корабли постоянно использовались лишь в скандинавских водах. Присутствие таких мелких кораблей в викингских флотилиях лишь увеличивало их численность, но количество находившихся на них бойцов от этого не слишком-то возрастало. Вообще не совсем понятно, сколько человек вмещало в себя судно викингов. Предполагается, что на крупнейшем из них могло находиться до ста человек, но в пользу этого свидетельствует немного. В средневековой Норвегии корабли иногда укомплектовывались пятью воинами на каждое весло, но есть большая разница между сражением в родных водах и путешествием за море, чтобы вести войну вдаль от дома. Действительно, не похоже, чтобы на корабле вроде найденного в Гокстаде, когда-либо отправлялось в военный поход более тридцати двух человек. Очевидно, что именно об этом говорит комплект его щитов. К тому же в своём рассказе

о битве 896 г. “Англосаксонская хроника” подтверждает тот факт, что максимальное количество воинов на скандинавских кораблях IX в. было именно такого порядка. В том году девять кораблей Альфреда дало бой шести неприятельским. Наверно, это была мелкая стычка, но кажется, что в распоряжении хрониста был рассказ очевидца, и он подробно описывает это событие. В бою были убиты команды двух скандинавских кораблей, а с третьего в живых осталось лишь пять человек. Команды остальных трёх кораблей бились на берегу до тех пор, пока прилив не помог им уплыть. Сообщается, что убитых датчан было 120, то есть эта цифра должна означать команды двух кораблей, команду третьего судна, не считая пятерых человек, и неизвестное количество погибших в бою на суше. Если принять 120 как число убитых датчан, хотя оно подозрительно напоминает удвоенное количество погибших с английской стороны – шестьдесят два, получается, что команда каждого из судов едва ли могла насчитывать более тридцати человек» (Сойер 2006: 184-185).

Не меньше сомнений у историка вызывает и численность кораблей участвовавших в набегах. Так, рассматривая сообщение «Англосаксонской хроники» утверждающей, что флот напавших в 851 г. на берега Англии викингов состоял из 350 судов, Сойер не без сарказма пишет, что «это число выглядит подозрительно, как результат десятикратного приумножения самого большого из упоминавшихся ранее флотов; в любом случае к нему стоит относиться так, как будто оно просто означает “много кораблей”» (Сойер 2006: 183).

Кроме того, сопоставляя события и here викингов IX-X вв. с событиями и micel here XI-XII вв., численность которых, по подсчётам историка, колебалась от 1500 до 5000 человек, Сойер приходит к выводу, что «ничто в источниках IX в. не подразумевает того, что “полчища” викингов бывали значительнее этого числа, и, скорее всего, большинство разбойничьих отрядов, если не все, состояло из трёх-четырёх сотен человек. К этой цифре нас подводит и единственный подробный рассказ о битве с викингами, содержащийся у Гинкмара в “Анналах Сен-Бертена”», когда в сентябре 866 г. отряд из 400 норманнов и бретонцев с Луары подошел к Ле-Ману и опустошил его. Уже тот факт, продолжает Сойер, что «отряд из 400 человек был в состоянии опустошить Ле-Ман, а затем победить воинство под командованием представителей высшей знати Западной Франкии наводит на мысль о том, что, несмотря на все преувеличения летописей, истинные размеры “армий” и “войск” викингов, воевавших в Франкской империи и Англии, были одного и того же порядка» (Сойер 2006: 186-187).

Одной из причин, по которой у викингов не могло быть многочисленных армий, историк называет сложности с содержанием и управлением войском «такого размера в течение хотя бы одной зимы». При этом Сойер ссылается на Фрэнка Стентона, считавшего важным достижением Вильгельма Завоевателя (1028-1087) как раз то, что ему «удавалось поддерживать существование своей армии в течение нескольких недель» (Сойер 2006: 187). Для нас данный пример показателен тем, что эта

армия, набранная для вторжения на Британские острова, состояла из пяти тысяч человек.

Итак, набрать, а главное содержать армию в несколько тысяч бойцов для набега на Константинополь в 860 г. в Скандинавии Аскольд и Дир вряд ли могли. Слишком сложное и дорогое это было удовольствие, да и, судя по английским и франкским хроникам, интересы викингов в то время лежали вдали от необъятных просторов Восточной Европы.

Есть и другие причины, позволяющие усомниться в преобладании скандинавов в армии русов, атаковавшей Константинополь. Речь идёт о том, что, как уже говорилось выше, в Киеве до сих пор не найдены скандинавские древности, равно как и иные явные признаки присутствия здесь норманнов ранее X в. Выглядит это более чем странно, будь Аскольд с Диром и их варяги пришельцами с севера. Действительно, трудно понять, почему несколько тысяч норманнов не оставили следов своего пребывания в Киеве, если это сумела сделать горстка скандинавов, основавшая в Ладоге в середине VIII в. хуторок из пяти хат.

А.С. Щавелев и А.А. Фетисов справедливо пишут: «Необходимо решительно поставить под сомнение гипотезу о том, что в IX в. некая “первая волна скандинавов” (“перво-русь”) появилась на юге Восточной Европы, поселилась там и активно действовала, но не оставляла никаких археологически фиксируемых следов, кроме глобальных разрушений. Эти “ранние скандинавы” должны были обладать уникальной спецификой, которая заключалась бы в полном отказе от всех скандинавских и североευропейских этнокультурных признаков. Они не пользовались типичными формами скандинавского оружия, не использовали скандинавские погребальные обряды, не оставляли признаков торговой (клады, погребения с торговым инвентарём) и военно-административной (создание своих опорных пунктов, погребения воинов) активности. Нам феномен такой тотальной маскировки представляется крайне маловероятным» (Щавелев, Фетисов 2017: 314).

Попытки объяснить данную несуразицу тем, что де викинги-варяги проследовали мимо Киева к Константинополю транзитом, напрямик из Ладоги, а значит, в принципе, и не могли оставить после себя сколь-нибудь заметных следов, разбиваются о ряд существенных фактов.

В частности, исследователям хорошо известно, что «по восточноевропейским рекам не ходили корабли, способные вместить до 70 человек, как это могло быть на Балтике» (Фетисов, Щавелев 2017: 57). Причины вполне объяснимы: мелководье, наличие на реках порогов, необходимость преодолевать волоки, протяжённость которых, в ряде случаев, достигала десяти и более километров. Всерьёз же рассуждать о том, что пассивные викинги запросто тащили по суше, пусть и при помощи специальных катков, свои драккары, можно лишь обладая большой фантазией. Да и опыт трёх научных экспедиций, в разное время пытавшихся пройти путём «из варяг в греки», служит тому наилучшим доказательством и примером. Вот, что рассказал участник скандинавской экспедиции «Holmgard», состо-

явшейся в 1996 г.: «Опыт показывает, что для северной части древнего пути из варяг в греки подходили только очень лёгкие суда. При этом участки в верховьях Ловати и Каспли могли быть пройдены только весной после снежных зим и за короткий период времени. И даже тогда путешественники должны были справиться с очень сильным течением и множеством порогов на реке Ловать. Фактическое месторасположение северной части древнего водного пути не ясно. Возможно, что этот участок пути использовался в зимнее время. При помощи лошадей, по льду можно было покрыть большие расстояния за достаточно короткое время» (Звягин 2009: 188. Слова П.Е. Сорокина). То есть, про драккары можно забыть. Но если крупнотоннажные корабли по русским рекам, по крайней мере, северным, не ходили, то, значит, русская эскадра состояла из более мелких судов, способных перевозить 8-15, в крайнем случае – 20 человек. Простые арифметические подсчёты показывают, что в таком случае для армии в несколько тысяч бойцов потребовались бы многие сотни монохил-однодеревок.

Надо ли напоминать читателю о том, что чем больше в караване плавсредств, тем ниже скорость передвижения и хуже управляемость им? Кроме того, движение по воде совершенно не подразумевает, что взойдя на борт ладьи в Ладоге, дружинники Аскольда и Диры сошли на берег, только придя к Киеву или Константинополю. Экипажу, какой бы физической силой он ни обладал, даже если судно идёт по течению, всё равно требуются остановки на отдых и сон, тем более, что плыть ночью по незнакомым рекам, мягко говоря, неблагоразумно. Помимо отдыха и сна, экипажу периодически также необходимо было пополнять запасы продовольствия, а заодно делать мелкий ремонт судна, если оно получило повреждение на воде или на волоке, что случалось не так уж и редко. Словом, по пути из Ладоги к Киеву караван судов не мог не останавливаться на привалы, на месте которых должны были остаться следы пребывания многотысячной армии. Однако пока следов подобных привалов археологами в Поднепровье не обнаружено.

Рассуждения же о том, что походные лагеря скандинавов найти практически невозможно, плохо согласуются со свидетельствами археологов, пишущих о других военных отрядах и структурах. Согласно оценке В.С. Флерова, «на однодневном бивуаке военного отряда в 50-100 и более человек, а особенно многодневном, могло остаться достаточное количество битой посуды, выброшенной тары (амфор) и костей животных для того, чтобы она воспринималась при внешнем осмотре как поселение, а места кострищ могут быть приняты за следы плохо сохранившихся очагов или зольники. Мало того, здесь же могли остаться следы походной кузницы, инструменты мастеров-кожевников (ремонт упряжи) и иных» (Флеров 2011: 99). Да и тот же сезонный лагерь «гостей» найденный возле Сарского городища (Леонтьев 2012: 166), говорит не в пользу предположений о невозможности найти следы передвижающихся отрядов. Трудно поверить в то, что гипотетические скандинавы, входившие в состав многотысячной армии

Аскольда и Дира, не смогли оставить после себя следов бивуаков, а вот 50-100 кочевников или купеческий караван способны были наследить настолько, что их бивуак археологами расценивается как поселение.

Есть здесь и другой существенный момент. История умалчивает о континентальных военных походах викингов, осуществлённых ими на территории Западной Европы. Тактика набегов скандинавских пиратов иная: подойти с моря, реже с заходом в реку, напасть и уйти с награбленным. Почему же, в таком случае, для Восточной Европы норманнами было сделано исключение и откуда викинги вообще узнали о том, что из Ладоги можно добраться до Константинополя следуя по Днепру, если учесть, что «путь из варяг в греки» в тот период ещё не существовал?

Зимний вариант, предложенный П.Е. Сорокиным, действительно позволил бы существенно сократить время движения каравана. Суда, поставленные на полозья, легче тащить как по льду, так и по снегу на волоках. Вместе с тем, зимний вариант имеет и свои собственные недостатки. Драккары по замершей реке всё равно не потащишь. Использование же более мелких судов потребовало бы привлечения и значительно большего поголовья тягловых животных, которых надо было не только собрать в необходимом количестве, но и кормить, как до старта экспедиции, так и в ходе неё. Поэтому, наиболее приемлемым видится комбинированный вариант подготовки к походу, совмещающий в себе версию П.Е. Сорокина и данные Константина Багрянородного, сообщаемые в трактате «Об управлении империей». По свидетельству византийского императора, подготовка торгового каравана киевских русов к походу на Константинополь в середине X в. выглядела следующим образом: «Славяне же, их (русов – М.Ж., С.Б.) пактиоты, а именно: кривитеины, лендзанины и прочие Славинии – рубят в своих горах моноксилы во время зимы и, снарядив их, с наступлением весны, когда растает лёд, вводят в находящиеся по соседству водоёмы. Так как эти [водоёмы] впадают в реку Днепр, то и они из тамошних [мест] входят в эту самую реку и отправляются в Киову (Киев – М.Ж., С.Б.). Их вытаскивают для [оснастки] и продают росам. Росы же, купив одни эти долблёнки и разобрав свои старые моноксилы, переносят с тех на эти вёсла, уключины и прочее убранство... снаряжают их. И в июне месяце, двигаясь по реке Днепр, они спускаются в Витичев, которая является крепостью-пактиотом росов, и, собравшись там в течение двух-трёх дней, пока соединятся все моноксилы, тогда отправляются в путь и спускаются по названной реке Днепр» (Константин Багрянородный 1991: 44-47).

Проще говоря, вполне вероятно, что какая-то часть моноксил и их экипажи, или только экипажи приходили из Ладоги (или Новгорода) в Киев зимой, остальные же однодеревки, как и описано в трактате Константина Багрянородного, славяне пригоняли весной, в половодье. И уже в Киеве или Витичеве происходил процесс формирования эскадры или конвоя. Однако, при всей привлекательности данного построения, реализовать его можно было не ранее середины X в., когда сложился

единый политический организм, охватывающий большую часть Восточной Европы.

К середине X в. по данным как русских летописей, так и Константина Багрянородного, Киеву подчинялась большая часть Восточной Европы. Летописи называют подчинённые киевскими князьями к этому времени славянские «племена»: словене ильменские, кривичи, поляне, древляне, северяне, радимичи, уличи, хорваты, дулебы, тиверцы, а также финно-угорские чудь и меря (ПВЛ. 1997: 74-96). Близкий перечень даёт и Константин Багрянородный, упоминая в качестве «пактиотов» русов: кривитеинов (кривичей), лендзанинов (вероятно, радимичей: Жих 2017: 47-51; 2018а: 36-53), ультинов (уличей), дервленинов/вервианов (древлян), другувитов (дреговичей), севериев (северян) (Константин Багрянородный 1991: 44-45, 50-51, 156-157). Киеву, согласно Константину Багрянородному подвластны города: Немогарда (Новгород), Милиниска (Смоленск), Телиуца (Любеч-?), Чернигога (Чернигов), Вусеград (Вышгород), Витичев (Константин Багрянородный 1991: 44-47). Говорит Константин Багрянородный и о судостроительной индустрии, работающей в Восточной Европе в интересах киевских русов.

Таким образом, если для 940-х гг., достоверного времени княжения Игоря, как византийские, так и древнерусские источники подтверждают существование в Восточной Европе огромной варяжско-славянской политики с центром в Киеве, обладавшей демографическими, материальными и организационными ресурсами для атаки на Византию, то в источниках середины IX в. на её наличие нет и намёка, ни в аутентичных греческих, ни в ретроспективных русских.

Как справедливо заметил В.Я. Петрухин, «без прочных баз в Восточной Европе, где русские дружины могли собирать ладьи для похода, кормиться и собирать дань, ни военные, ни торговые предприятия были немыслимы» (Петрухин 2001: 80). Прав он и в том, что «200 ладей, которые внезапно появились под стенами самого Царьграда 18 июня 860 г., не могли пройти из волховской в днепровскую речную систему, не опираясь на договорные отношения с местным населением – кривичами» (Петрухин 2001: 80). Но вот были ли такие отношения у скандинавов с местными славянами в середине IX в. – это большой вопрос. В.Я. Петрухин считает, что были, поскольку о договоре-ряде между варягами, с одной стороны, и словенами, кривичами и мерей, с другой, говорится в ПВЛ, однако никаких материальных подтверждений этому нет. Да и Смоленск, согласно Начальному своду и ПВЛ перешёл под власть варяжских князей только при Олеге/Игоре (ПСРЛ. III: 107; ПВЛ. 1997: 76).

Теперь давайте попробуем посмотреть на проблему с другой, более «материальной» стороны. Известно, что для строительства 200 стругов, участвовавших в рижском походе 1656 г., на Касплю, где формировалась флотилия, по указу царя Алексея Михайловича было привезено «180 плотников с Оки, 1000 рабочих из Новгородской чети и 50 кузнецов из Москвы». Этими силами «за месяц... было полностью изготовлено и спущено в Западную Двину 120 стругов, а еще 80 – «обложе-

но», но ждали подвоза смолы для окончательной отделки» (Лукошков 2011: 216). Построенные на Каспле струги имели в длину 16-35 м. и могли вмещать в себя до 50 солдат, что, в некоторой степени, соизмеримо и со скандинавскими драккарами и с русскими ладьями, упомянутыми в ПВЛ. Есть и другие показательные примеры: в строительстве одного челна запорожскими казаками принимало участие «не менее 60 человек искусных... во всех ремёслах». Сама же работа занимала около 15 дней, а «от 5 до 6 тысяч добрых... казаков... в две или три недели изготовляют около 80 или 100 лодок» (Лукошков 2011: 216). Безусловно, как среди скандинавских викингов, так и среди славян хватало мастеров-судостроителей, равно как и кузнецов. Однако, имелась ли в Восточной Европе середины IX в. полнота, способная организовать труд такого количества мастеров, которое было достаточно для оснащения 200 ладей способных вместить в себя экипажи в 30-40 человек в армии Аскольда и Дира? Сомнительно.

К тому же, человеческий фактор – не единственное условие необходимое для строительства челнов и стругов, требуются ещё и материальные ресурсы. Например, для оснащения судов участвовавших в упомянутом выше походе на Ригу, на Касплю из Нижнего Новгорода через Москву было доставлено 1000 пудов смолы, а также других расходных материалов – досок, штевней, перешв, щегол и райн, пакли, гвоздей, дранки, канатов и т.д. Причём, «учитывая низкую плотность населения и низкую производительность работ, сбор этих материалов и комплектующих должен был производиться с очень больших территорий и занимал длительное время» (Лукошков 2011: 217). И это говорится о середине XVII в., что же в таком случае говорить о середине IX-го? Без сомнения, технологии изготовления и оснастка судов русов конца I тыс. н.э. существенно отличались от технологий изготовления казачьих стругов и русских ладей второй половины II тыс. н.э., но даже с поправкой на это, по мнению А.В. Лукошкова, «подготовка и торгового каравана на Царьград и, тем более, военного похода были длительным процессом, занимавшим 50-60 дней и требовавшим наличия механизма управления и координации на довольно больших пространствах. Очевидно, что каждое плавание и поход планировались и готовились заранее» (Лукошков 2011: 217). Правда, при этом Лукошков не исключает, «что уже в IX-X вв. существовала особая группа профессионалов, которые обеспечивали весь комплекс мероприятий по подготовке и проведению плавания» (Лукошков 2011: 217). В целом соглашаясь с точкой зрения исследователя, констатируем, что если в существовании на Руси X в. профессионалов, способных спланировать, а главное подготовить и оснастить флот для набега на Константинополь, сомневаться не приходится, то вот, относительно IX в., тем более, в контексте похода Аскольда и Дира на Царьград, такие сомнения есть.

В историографии существует порочная традиция рассматривать период IX-X вв. обобщённо, в результате чего на IX в. часто механически экстраполируются явления, известные по источникам X в., в результате чего собственная историческая специфика IX в. оказывает

ся утраченной. Главной задачей исследователя должна быть историческая конкретизация каждого периода, определение присущих ему специфических черт, а не «растворение» его в более широкой эпохе, позволяющее уйти от «неудобных» вопросов.

Подведем небольшой итог. Вопреки сообщению ПВЛ, археологические исследования на сегодняшний день не только не подтвердили факт присутствия скандинавов в Среднем Поднепровье ранее X в., но и поставили под сомнение саму возможность осуществить крупномасштабный набег на Константинополь в 860 г. как из Киева, так и из Ладоги. Не дают оснований помещать нападавшую на Византию Русь в Поволжье или в Киев и византийские источники, в которых нет конкретных указаний на то, откуда пришли русы, не упоминаются имена их правителей, а известна лишь дата набега и количество пришедших под стены Царьграда судов.

Но, может быть, набег на Константинополь планировался и стартовал не из Киева или Ладоги, а из какого-то иного места? Прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрим, что говорят источники и археология о корабельном деле русов и их флоте.

Для полноты картины рассмотрим свидетельства о морских походах Руси за период с IX по XI в. Наиболее ранним из них является «Житие святого Стефана Сурожского», в церковнославянской версии которого, датированной XIV-XV вв., сохранился переведённый с греческого полный текст «Жития». В нём говорится о том, что вскоре после смерти Святого Стефана (ок. 787 г.), город Сурож (ныне Судак) в Крыму, архиепископом которого был Стефан, был разграблен «великой ратью» русского князя Бравлина, пришедшего из «Великого Новагорода Рускаго» (Могаричев и др. 2009: 31). Разграблен был и гроб святого, после чего у князя случился приступ непонятной болезни, которая отступила только после того, как Бравлин приказал своим воинам вернуть награбленное и крестился. В конце VIII в., когда произошли описанные события, город Новгород, если понимать под ним современный Новгород Великий, ещё не существовал. Вряд ли в то время существовало и Рюриково городище, предшественник Новгорода. Поэтому сторонниками достоверности известия «Жития» высказывается предположение, что под «Новгородом Русским» следует понимать Неаполь Скифский в Крыму, о котором, вероятно, шла речь в греческом оригинале (Neápolis) и имя которого было калькировано славянским переводчиком как «Новгород» (Васильевский 1915: CCLXXXIII; Соболевский 1929: 1; Трубачёв 1999: 88-89; Галкина 2002: 56). В «Житии» не говорится о том, каким образом русы оказались под стенами Сурожа, пришли они на кораблях, на конях или пеше. Сказано лишь, что Бравлин пришел «силенъ зѣло» (Могаричев и др. 2009: 31). Не проясняет ситуацию и армянская версия «Жития святого Стефана». В ней возглавлял нападение на Сурож (в армянском «Житии» город Сухта) «некий Пролис, из злого и неверного народа, пришедши с войском» (Могаричев и др. 2009: 65). О Руси и Новгороде в армянском варианте «Жития», как и вообще о том, откуда пришло войско Пролиса, не говорится ни слова,

и в целом события излагаются короче, чем в славянской версии. В общем, если допустить, что гроб святого действительно разграбили русы, на вопрос, откуда они пришли и как добрались до Сурожа, «Житие святого Стефана Сурожского» ответить не может. Единственная зацепка – указание на «Новгород», которое, если верна гипотеза о калькировании славянским переводчиком греческого Neápolis, указывает на проживание русов непосредственно в Крыму.

Имя вождя русов О.Н. Трубочёв (восстанавливая его греческий оригинал как *Βραβλίνοϛ, с проведением ассимиляции согласных) относил к языку местного индоарийского населения Крыма (тавров) и этимологизировал через др.-инд. *pravīṇa-* ‘раздавленный, поверженный, свалившийся’, интерпретируя это имя как прозвище **pravīṇ(a)-* (Трубочёв 1999: 88-89), связанное с событиями, произошедшими с Бравлином согласно «Житию Стефана Сурожского» («Исламати бо мя хочет единъ старъ святъ моуж, притисне мя (и давить мя), и дша ми с нужею изыти хочет»: Могаричев и др. 2009: 31). Таким образом, как имя вождя русов, так и вероятное место их локализации (Неаполь в Крыму) говорят о том, что «мы здесь имеем дело с каким-то особым, местным употреблением имени “русский” в пределах Крыма» (Трубочёв 1999: 88).

Более информативно относительно морского дела русов IX в. «Житие святого Георгия Амастридского». Ряд исследователей полагает, что «Житие» составлено между 820 и 842 гг. никейским митрополитом Игнатием, соответственно, поход Руси датируется временем до 842 г. (Васильевский 1915: 1-76, III-CXLI; Левченко 1956: 45-50; Ševčenko 1977: 113-131; Литаврин 2000: 24-32)¹⁶. Согласно сведениям этого источника, разорение византийских владений на южном побережье Чёрного моря, включая город Амастрида, русы начали с Пропонтиды, что указывает на то, что русы пришли на кораблях, класс которых, текст «Жития», тем не менее, определить не позволяет. Относительно того, откуда пришли русы, «Житие» содержит важное косвенное указание, отмечая, что у них сохраняется сила «древнее таврическое избиение иностранцев» (Васильевский 1915: LXIV), что, как и в случае «Жития Стефана Сурожского», связывает их с регионом Тавриды.

Следующий источник, упоминающий об активности Руси на море в первой половине IX в., «Книга стран» («Китаб ал-булдан») Ахмеда ал-Йа'куби, написанная ок. 891 г. В ней арабский автор, сообщает о том, что в 844 г. на испанскую Севилью напали «маджусы, которых называют русами» (ДРЗИ. III: 38). По сей день сообщение ал-Йа'куби норманистами используется как доказательство скандинавского происхождения Руси, хотя как справедливо заметила Т.М. Калинина, известие ал-Йа'куби «до сих пор не имеет удовлетворительной интерпретации» (Калинина 2001: 190). Проблема в том, что ни один другой, доступный исследователям арабский источник, нападавших на Севилью русами не называет. В них нападавшие названы либо «маджусами», то есть язычниками, либо «ал-урдуманийун», то есть

норманнами, либо «маджусами из ал-урдуманийун», что ничего не меняет, поскольку нападение на город действительно совершили норманны.

В своё время известный востоковед А.Я. Гаркави высказал предположение, что упоминание русов в дошедшем тексте ал-Йа'куби принадлежит не самому Йа'куби, а было вставлено в него переписчиками. По версии Гаркави это могли быть «Али ибн-аби Мухаммед аль-Кинди аль-Анмати (одеяльщик), списавший в 1262 г. копию Мухлинского... или автор копии, служившей для Анмати оригиналом» (Гаркави 1870: 67, 71). Но даже если пассаж принадлежит самому ал-Йа'куби, Гаркави полагал, что «это его собственная догадка» (Гаркави 1870: 70), поскольку от испанских арабов он это имя услышать не мог, ведь они не называли нападавших русами, как не называли русами себя и сами скандинавы, нападавшие на города Средиземноморья, на что прямо указывают все доступные исследователям тексты. Не исключено, что уроженец Багдада, долгое время живший в Армении и Хорасане¹⁷, именно там впервые и услышал имя «русь», особенно если учесть, что по свидетельству Ибн Хордадбега русские купцы уже в 40-х гг. IX в. добрались до Багдада.

Есть основания полагать, что арабы иногда путали Андалусию и Анатолию, обозначая их почти одинаковыми терминами (Нефёдова 1958: 113-115; Рыбаков 1958: 116-119). Б.А. Рыбаков отмечает: «Ибн-Хаукаль сообщает о походах на землю “Ал-Андокус” таких причерноморских народов, как русы, славяне, печенеги и тюрки (маджары?). Вполне естественные по отношению к черноморской Анатолии, начинавшейся сразу за Босфором, подобные походы немыслимы в том случае, если речь идет об Андалузии, т.е. Омейядской Испании, для достижения которой кочевые войска печенегов и “тюрков” должны были бы проделать путь через весь континент Европы протяженностью в 4000 км. К сожалению, востоковеды (Бартольд, Минорский и др.) упорно переводят во всех случаях “Ал-Анадокус” как Испанию. Даже в таких бесспорных случаях, когда речь идет о морских окрестностях греческих Афин (“Афинское побережье”), определяемых Босфором и Геллеспонтом с одной стороны и Анатолийским (Малоазиатским) берегом с другой, переводчики заменяют Анатолию Испанией» (Рыбаков 1982: 185).

Не соглашаясь с такой интерпретацией, В.М. Бейлис, тем не менее, констатирует, что в ряде рукописей ал-Масуди город Абидос расположенный на малоазийском берегу пролива Дарданеллы вместо Абуду назван Андалус или Абдалус (Бейлис 1961: 23-24).

Согласно Ибн Хаукалю, «часто заходят в некоторые населённые [области] Андалусии корабли русов, тюрков-печенегов и разного народа из [числа] славян и болгар, и злобствуют в её областях, но часто и уходят, потерпев неудачу» (ДРЗИ. III: 90). То есть из текста Ибн Хаукаля следует, что в «Андалусию» приходят корабли русов, печенегов, славян и болгар, а значит, она находится в пределах досягаемости всех перечисленных народов. Можно привести и другой пример из работы

¹⁶ По другим версиям пассаж о «росах» – поздняя вставка, навеянная событиями 860 г. или 941 г.

¹⁷ Историческая область, расположенная в Восточном Иране. В Хорасане ал-Йа'куби жил до 873 г.

Ибн Хаукаля, из которого следует, что Андалусия в его представлении располагалась где-то недалеко от страны славян, русов, болгар и хазар. Говоря о разгроме Хазарии Святославом в 960-е гг., арабский автор пишет, что после этого русы «отправились к стране Византия и в Андалусию» (ДРЗИ. III: 89), что естественно связать с балканскими войнами Святослава. Поскольку едва ли воины киевского князя могли отправиться в Испанию, под «Андалусией» здесь, как и в первом примере, логично следует понимать византийские владения в Малой Азии.

По словам Е.Н. Шумилова, «средневековые арабские авторы прекрасно знали о существовании Кордовского халифата и именовали почти весь Иберийский полуостров ал-Андалусом. Но два просвещенных араба Х в. – ал-Масуди и ибн-Хаукаль – сообщают нам о совсем другой территории, называемой Андалус (варианты, встречающиеся в копиях рукописных текстов – Андолус, Анадолус): это приморская область, где с целью торговли и грабежа периодически бывают русы. Такие данные они приводят тогда, когда говорят о событиях, имевших место на Чёрном и Каспийском морях. Ал-Масуди, в частности, пишет, что русы “путешествуют с товарами в страну Андалус, Румию, Кустантинию и Хазар”. Из его сообщения видно, что русы плавали вдоль побережья Чёрного моря, посещая европейско-черноморское побережье Византии (Румию), Константинополь (Кустантинию), Хазарию (Хазар) и Андалус. Об этом же говорит и ибн-Хаукаль: “И только иногда приходят к ним корабли русов, тюрок, славян и печенегов... Они опустошают области ал-Андалус, а иногда возвращаются ни с чем”. Печенеги участвовали в походах, скорее всего, на судах русов. Тот же ибн-Хаукаль, говоря о печенегах, указывает, что печенеги для русов, с одной стороны, “шип”, т.е. большая проблема, а, с другой стороны, это “их сила, и они выходили раньше к Андалусу, затем – к Барзаа”. Таким образом, ибн-Хаукаль подчеркивает, что печенеги ходили вместе с русами на судах в Андалус, а затем в Каспийское море – в главный город мусульманского Кавказа (в арабских источниках Барзаа). С VII в. центральную и юго-восточную части Малой Азии, с центром в городе Аморий, занимала одна из важнейших фем (провинций) Византии – Анатолик. В VII-IX вв. она постоянно подвергалась нападениям со стороны арабов. Видимо, именно по ней арабоязычные авторы стали называть Малую Азию как ан-Натолик (у ал-Фараджа), ан-Натулус (у ибн-Хордадбега), ал-Анадолус (у ал-Масуди), Андалус. Тогда как европейская часть Византии именовалась ими Румом (Румией)» (Шумилов 2014: 30).

В свете приведённых источников и суждений исследователей, есть основания полагать, что А.Я. Гаркави абсолютно прав в том, что упоминание русов как нападавших на Севилью, действительно, собственная догадка Йа'куби, сопоставившего известные ему сведения об активности русов, именуемых арабами также маджусами, на Каспии и в Чёрном море, и на основании этого решившего, что маджусы разграбившие Севилью в 844 г. тоже были русами, пришедшими со стороны Чёрного моря, как это позже предположил и ал-Масуди (Калинина 2001: 202-203). Следовательно, известие ал-Йа'куби

вряд ли стоит использовать не только для доказательства отождествления русов с норманнами, но и для классификации их флота.

Некоторая информация о флоте русов и их локализации содержится в проповедях византийского патриарха Фотия. Начнём с флота. У Фотия суда русов названы *νῆες*, что обычно переводится как «корабль». Каков был размер этих кораблей, какова численность их экипажей, Фотий прямо не указывает. Большинство исследователей полагает, что это были крупные, морские суда, вмещавшие в себя от 40 до 100 человек (Кузенков 2003: 68; Цветков 2010: 19).

На то, что в 860 г. со стороны русов действовали суда именно морского класса, указывает свидетельство «Жития патриарха Игнатия», согласно которому на судах русов имелись трохантеры (*ὁ τροχαντήρ πλίου*) – предположительно, корабельные лебёдки для поднятия паруса (Кузенков 2003: 105). О том, что корабли русов вмещали в себя до сотни человек, говорит ал-Масуди в рассказе о набегах русов на Каспий, состоявшемся после 912 г. (ДРЗИ. III: 114).

В главе *Ναυμαχικά* трактата «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого (866-912) о судах русов говорится следующее: «Малые же или большие дромоны по качеству вражеского народа снаряжать надо. Ибо не есть одно и то же снаряжение кораблей сарацинов или [снаряжение] так называемых росов северных скифов. Ибо если сарацины кумвариис используют большие и медленные, скифы же акатии малые, и лёгкие, и быстрые: поскольку через реки в Евксинское море попадают, они не могут большие суда иметь» (Щавелев 2014: 371). А.С. Щавелев трактует термин *ὁ ἀκατός μικρός* как «малая торговая галера» (Щавелев 2014: 371), что, по его мнению, прямо указывает на небольшие размеры этого вёсельного плавательного средства¹⁸.

О размерах кораблей русов можно судить и из трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», в котором говорится о том, что преодолевая днепровские пороги, свои суда русы либо тянут волоком, либо переносят на плечах, что говорит об их небольших размерах. У Константина Багрянородного речь

18 А.С. Щавелев полагает, что слова сорок второй главы трактата «Об управлении империей» «в верховьях реки Днепр живут росы» (Константин Багрянородный 1991: 172-173) указывают на поселение Гнездово и могут относиться к началу X в. (Щавелев 2014: 369-373), однако, ни у Константина Багрянородного, ни у его предшественников, не было точной физической карты Восточной Европы, и его описания региона достаточно условны и схематичны. Так, слова императора согласно которым «приходящие из внешней России в Константинополь монокилы являются одни из Немогарда, в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта России, а другие из крепости Милиниски, из Телиуцы, Чернигоги и из Вусеграда. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава, называемой Самватас» (Константин Багрянородный 1991: 44-45) свидетельствуют, что и Новгород, по мнению Константина, находился в бассейне Днепра. Соответственно, что именно Константин, или его более ранний источник, подразумевал под «верховьями Днепра» – вопрос открытый и совершенно не факт, что речь идёт о верховьях Днепра в точном географическом (нашем) понимании, вполне возможно, что для него «верховьями Днепра» был район Киева. Согласно древнерусским источникам Смоленск в понятие «Русской земли» не включался (Рыбаков 1982: 61).

при этом идёт об однодеревках-моноксилах (μονόξυλον) (Константин Багрянородный 1991: 44-51).

При описании византийских экспедиций на Крит 934, 935, 949 гг. упомянуты корабли русов τὸ Ῥώσ καράβιον. Καράβιον, обычно, переводится как «военная галера». Это позволило А.С. Щавелеву предположить, что в IX – первой половине X в. «русь использовала какой-то свой тип гребного судна (возможно, скандинавский?), и только к середине X в. перешла на славянские “однодревки”, получаемые от “пактиотов”-славян» (Щавелев 2016: 245). Странная получается картина: в IX – начале X в., когда скандинавы археологически едва фиксируются в Восточной Европе, в своих походах на Византию из Ладogi они используют типичные скандинавские суда, а с середины X в., когда и скандинавов на Руси всё больше и больше, и Русь уже в Киеве, у норманнов наступает технологический регресс: они резко теряют навыки строительства судов морского класса и переходят на суда, купленные у славян, лишь слегка их дооснащая. Такая картина выглядит малореальной. Скорее, есть все основания полагать что Ῥώσ καράβιον, это не «корабли русов», а византийские транспортные суда «на которых переправлялись подразделения наёмников» из русов (Банников, Морозов 2014: 136). Вероятно, русы, служившие в византийском флоте, действовали на кораблях греков и были, скорее всего «морской пехотой» своего времени. Да и получили они, в среднем, столько же, сколько получали экипажи императорского флота, о чём с бухгалтерской скрупулезностью написал Константин Багрянородный (Васильев 1902).

Таким образом, источники позволяют говорить о наличии у русов двух типов кораблей:

(1) Известные по произведениям Льва Мудрого и Константина Багрянородного малые акатии (ὁ ἀκάτος μικρός) или моноксилы (μονόξυλον), которые они использовали для передвижения по рекам Восточной Европы и для того, чтобы выходить по ним в Чёрное море. Такие корабли имели небольшой экипаж (10-20 человек) и их можно было проводить через пороги и волоки;

(2) Известные по произведениям Фотия, «Жития Игнатия» и ал-Масуди большие корабли (νῆες) с трохантирами (ὁ τροχαντήρ πλίου), предназначенные для плавания по Чёрному или Каспийскому морю и вмещавшие большой экипаж численностью до ста человек.

Очевидно, что корабли второго типа не могли производиться в Киеве, а тем более в Ладoge, поскольку в этом случае задача их транспортировки к Чёрному морю становилась практически нереальной, ведь их надо было нести на плечах как минимум упомянутые Константином Багрянородным примерно 10 км по пересечённой местности, чтобы миновать днепровские пороги, а ведь волоки на русских реках бывали и куда протяжённее. Их надо было строить непосредственно на морском берегу. Это приводит к выводу, что база русов, атаковавших в 860 г. Константинополь, находилась, скорее всего на побережье Чёрного моря.

Опыт экспедиций, предпринятых историками и энтузиастами по маршруту «из варяг в греки», когда наиболее трудные участки пути экспедиции преодолевали при помощи военной техники, и это при том, что суда

энтузиастов были меньше предполагаемых судов Руси, и уж тем более скандинавских драккаров (Звягин 2009: 182-193), показал несостоятельность многих представлений исследователей о возможности существования крупнотоннажных судов у Руси в период Рюрика, Олега и Игоря, которая реально могла располагать лишь «малыми акатиями».

Это наблюдение можно сопоставить со свидетельством Михаила Пселла (1018 – ок. 1078). В своей «Хронографии» византийский историк пишет, что во время похода Руси на Византию, состоявшегося 1043 г., флот русов состоял из «маленьких и покрупнее» (Михаил Пселл 1978: 95) челнов, которые русы «нарубили где-то в глубине своей страны» (Михаил Пселл 1978: 95). По словам Михаила Пселла, русы запросили выкуп: «по тысяче статиров на судно» (Михаил Пселл 1978: 95). Под статиром у Пселла, как указано в комментариях, следует понимать византийскую номисму (примерно 1/72 золотого фунта).

По словам Скилицы, русы потребовали выплатить по три литры золота на каждого воина (Михаил Пселл 1978: 281). Вес византийской золотой литры 320 гр. и она равнялась 72 номисмам. С учетом приведённых цифр выкупа простой арифметический расчёт показывает, что экипаж русского корабля составлял 5 человек: в 1 литре 72 номисмы, следовательно греки должны были заплатить русам по 216 номисм на воина; как утверждает Михаил Пселл на каждый корабль русов греки должны были отдать по 1000 статир (номисм). Разделив 1000 на 216 получаем количество воинов на корабле, которое равняется 4,6 чел. Округлив, следуя данным Пселла, корабль русов вмещал пять человек. Если принимать во внимание свидетельство Михаила Атталита (ок. 1030 – ок. 1085), утверждавшего, что флот русов, нападавший на Византию в 1043 г., включал в себя 400 судов (Бибииков 2004: 92), то округлённо получается, что на одном судне находилось 6 воинов, а вся армия Руси состояла из 2220 воинов, что вполне реально для XI в. Как видим, и в середине XI в. киевские русы располагали лишь небольшими кораблями, видимо, аналогичными тем «малым акациям», о которых говорил в начале X в. Лев Мудрый.

Таким образом, опираясь на византийские источники, говорящие о киевских русах, говорить о том, что у них были вместительные, на 40-100 человек суда, не приходится.

Если же в IX – начале X в. у русов, действительно, были суда морского класса, о чём говорят Фотий и ал-Масуди, и на что указывает свидетельство «Жития патриарха Игнатия» о трохантирах на русских кораблях, то эти русы явно приходили в Византию и на Каспий не из Поднепровья.

Теперь давайте посмотрим, что говорит о судах Руси археология. Раскопки в Ладoge подтвердили предположение исследователей о том, что уже в 30-50-х гг. IX в. поселение служило портом для приходивших в устье Волхова крупнотоннажных килевых, с клинкерной обшивкой судов, построенных в скандинавской традиции. Найдены в Ладoge и суда барочного и барочно-ладейного типа с гладкой обшивкой. То есть, теоретически, суда

вместимостью от 40 до 100 человек в Ладоге 860 г. могли быть. Проблема заключается в другом: могли ли эти суда преодолеть путь от Ладоги до Византии по рекам Восточной Европы и главное, преодолеть пороги на реках и волоки между ними? Одни авторы полагают, что от Ладоги к Новгороду и далее, по Днепру, Волге, Дону и соединяющим их рекам к арабам и в Византию ходили лишь прибывавшие из Швеции лёгкие и узкие суда длиной 12-16 м. По мнению других исследователей, крупнотоннажные суда доходили лишь до Ладоги, где заморские товары и воины перегружались на более мелкие. В пользу данного предположения приводятся известия более поздних источников, подробно описывающих способы преодоления Волховских порогов и тяготы купцов, которые те испытывали, доставляя товары из Ладоги в Новгород. Третьи исследователи, опираясь, в том числе и на скандинавские саги, убеждены в том, что морские суда скандинавы оставляли в Ладоге, а сообщение между Новгородом и Ладогой в этот период осуществлялось только по суше (подробнее см.: Сорокин 1997: 42-57).

Причина столь значительных расхождений во взглядах на проблему среди специалистов кроется в отсутствии более ранних источников, способных прояснить ситуацию с судоходством по русским рекам в рассматриваемый период; скудном археологическом материале, не позволяющем установить размеры и грузоподъемность судов Руси в IX-X вв.; неоднозначная трактовка климатических и навигационных условий восточноевропейских рек в рассматриваемое время. П.Е. Сорокин, в частности, полагает, что уровень воды в Волхове в VIII-IX вв. был значительно выше, чем в X-XI вв., да и современного (Сорокин 1997: 49). Согласны с точкой зрения П.Е. Сорокина и другие авторы (Шитов и др. 2005: 3-16), с единственной оговоркой: «Более высокий на 2-3 м¹⁹ уровень воды мог углубить фарватер только в самой нижней части Гостинопольских порогов. Как это могло сказаться на экономике средневековой торговли – вопрос будущих междисциплинарных исследований» (Шитов и др. 2005: 16). Иначе на проблему смотрит И.И. Еремеев, утверждающий что «специальные исследования в Ильмень-Волховской пойме показали, что уровень воды в области истока Волхова в VII-IX вв. был значительно ниже уровня X-XI вв. и современного» (Еремеев 2019: 83).

Кто из процитированных авторов прав, судить не берёмся, но в любом случае, практически невероятно, чтобы скандинавские драккары могли свободно передвигаться по рекам Восточной Европы от Ладоги до Чёрного моря. А.А. Фетисов констатирует: «По рекам Восточной Европы, несмотря на распространенное мнение, никогда не ходили знаменитые большие драккары с драконьими головами. Они просто не смогли бы преодолеть большинство порожистых и мелководных участков всех тех рек, которые должны были привести торговцев и воинов с Балтики в Чёрное или Каспийское море – земли Византии и арабского Халифата» (Фетисов 2019: 56). В пользу этого говорит отсутствие находок

крупнотоннажных, сделанных на клинкерной основе, судов в Поднепровье, включая наиболее значимые для древнерусской истории поселения и городища, такие как Гнёздово и Киев. По мнению Фетисова, для движения по восточноевропейским рекам использовались более мелкие суда длиной 6-12 м, экипажи которых могли достигать 11 человек (Фетисов 2019: 56). Суда эти, по данным археологов, были моноксилами (Мурашёва 2017: 728; Сорокин 2018: 67), то есть лодками-однодеревками с наращенными бортами, а не драккарами. Наиболее крупные моноксила из найденных могли вмещать в себя до 15 человек, значительный груз и совершать плавание как по рекам, так и по морю (Шаповалов 1991: 174-179; Журавлёва, Чубур 2010: 25-39).

Итак, если русы, атаковавшие Константинополь в 860 г. проживали во внутренних районах Восточной Европы, то предпринять свой поход они могли только на малых судах, подобных тем, которые описаны источниками применительно к походу 1043 г. Если же они действовали на крупнотоннажных морских судах, то их базовая территория должна располагаться где-то на черноморских берегах.

Есть и другие моменты, ставящие под сомнение возможность осуществления похода на Константинополь из Среднего Поднепровья, а тем более из Ладоги. Рассмотрим их. Выше уже отмечалось, что в настоящее время археологический материал северо-запада Восточной Европы не позволяет говорить о каких-либо прямых политических и экономических контактах данной территории с Византией ранее X в. Исходя из этого, трудно представить, что жившие в немногочисленной Ладоге скандинавы и примкнувшие к ним местные жители предприняли довольно сложный для воплощения поход, требующий не только серьёзной материальной подготовки, значительных физических усилий, но и хорошей логистики маршрута. Ещё труднее представить, что вообще могло подтолкнуть ладожан к осуществлению такого похода, особенно если учесть, что круг их экономических интересов ориентировался на Восток, а не на Византию. Захотелось пограбить? Но для того, чтобы осадить Константинополь, нужны не только безумство и храбрость, но и значительный воинский контингент, которым как уже говорилось выше, северо-запад Восточной Европы в середине IX в. не обладал, нужны средства доставки, попросту – суда достаточной вместимости, хотя бы на 30-40 человек, как об этом пишет летописец. Но находок таких судов или их остатков, как уже было указано, археологи пока также не знают. Максимум, чем они располагают, относительно небольшие лодки-долблётки вместимостью до 15-16 человек. Да и те, судя по всему, были сделаны не в скандинавской традиции, что было бы ожидаемо, если бы русы были норманнами.

Население Константинополя в середине IX в. превышало 300 тыс. человек. Даже если армия русов составляла восемь тысяч человек, едва ли она могла представлять серьёзную угрозу для такого города в обычной ситуации, если только не вспомнить об одном весьма важном обстоятельстве: русская флотилия пришла под стены Царьграда в аккурат после того как византий-

¹⁹ А именно на столько по мнению авторов работы уровень воды в Волхове превышал современный в VIII-IX вв.

ские армия и флот, возглавляемые императором Михаилом III (842-867), покинули столицу империи отправляясь на очередную войну с арабами. В городе остался гарнизон из ветеранов возглавляемый префектом Никитой Оорифом.

Часть историков полагает, что это не более чем случайное совпадение. Повезло русам, не более того. Такое везение выглядит странным, поэтому другая часть исследователей высказывает предположение, что об уходе византийской армии из столицы русам донесла хорошо поставленная разведка (Сахаров 1980: 53-54). Но в этом случае встаёт другая существенная проблема: в средние века сообщения передавались гонцами, которые передвигались пешком, верхом, на лодках или иных судах. Как уже говорилось выше, путь из Ладоги в Константинополь занимал не менее двух месяцев, из Киева месяц или чуть больше²⁰. Даже если допустить, что гонец передвигался быстрее, чем обычный купеческий караван или военный конвой, всё равно для доставки информации по назначению требовалось значительное время, а с поправкой на сборы и формирование армады судов из 200 кораблей и воинского контингента к ним, можно предположить, для того, чтобы русы оказались под стенами Константинополя 18 июня 860 г., информатор русов должен был отправить гонца на Русь как минимум зимой, а то и осенью 859 г., что, согласитесь, не реально.

Поэтому логично допустить, что напавшая на Константинополь Русь находилась значительно ближе к границам Византии, чем Киев, а тем более Ладога. Также существует предположение, что «спонсорами» похода, или точнее, подстрекателями, могли выступить арабы, стремившиеся таким незатейливым способом помешать планам византийского императора, сорвать, либо отсрочить его поход (Цветков 2010: 39-50).

В наших предыдущих работах была приведена новая аргументация в пользу ранее обоснованной рядом учёных (Иловайский 2015: 46-80; Вернадский 1996: 270-293; Березовец 1970: 59-74; Седов 1998: 3-15; 1999: 50-82; 2002: 255-295; Галкина 2002; 2012) гипотезы об аланском происхождении Руси и локализации известного по источникам IX в. Русского каганата в Подонье, его тождественности с салтово-маяцкой (далее СМК) и волынецкой археологическими культурами (Жих 2018: 176-245; 2020: 210-245; Беззаконов, Жих 2021: 9-58).

Есть основания связывать с аланским Русским каганатом и такую, без преувеличения, беспрецедентную акцию как поход на Константинополь. В отличие от таких посёлков как Ладога или Киева середины IX в., которые превращаются в центры как-то значимых политий лишь в воображении некоторых авторов, СМК реально располагала всеми необходимыми материальными, демографическими, военными и организационными ресурсами для осуществления подобной военной акции.

Военный потенциал СМК по оценке А.А. Тортики «находился в пределах тьмы и мог составлять от 5 до 15 тыс. человек» (Тортика 2007: 267-273), то есть выставить ар-

мию в несколько тысяч бойцов для населения Подонья и Подонцовья было вполне реально. Но как быть с флотом? В арабских и византийских источниках русы характеризуются как мореходы или, по крайней мере, народ которому было знакомо судоходство, что, по мнению некоторых исследователей, как будто «было совершенно не свойственным для носителей салтовской культуры – алан и болгар» (Никон 1989: 35). Но так ли это очевидно, как традиционно считается?

Жившие в Северном Причерноморье ираноязычные народы с древности были знакомы с судоходством и корабельным делом. По свидетельству Диона Кассия, условия договора, заключенного в правление Марка Аврелия (161-180) между римлянами и сарматским «племенем» языгов включали в себя запрет судам языгов плавать по Дунаю, а им самим – занимать острова на этой реке (Dio Cass. LXXII, 19, 2; Дион Кассий 2011: 181); о переправах сарматов на ладьях через Дунай говорится у Аммиана Марцеллина (Amm. XVII, 13, 15-17, 27; Аммиан Марцеллин 2000: 139-140, 141) и у Зосима (Zosim. II, 21, 1-3; Зосим 2010: 110).

На основе анализа античных источников А.К. Нефёдкин приходит к выводу, что «некоторые племена сарматов занимались морским разбоем, что в общем не вяжется с нашим представлением о них как о кочевниках» (Нефёдкин 2011: 102-103).

Накопленные к настоящему времени археологические материалы говорят о том, что судоходство и корабельное дело у салтовцев было развито: на ряде салтовских городищ археологами открыты остатки пристаней. «Коробовы Хутора (32) – городище с каменной цитаделью и двумя дополнительными грунтовыми линиями обороны на возвышенности правого берега Донца. Вплотную к нему обширное селище площадью ≈30 га, прослеживаются древние грунтовые дороги, искусственное изменение рельефа и пристань»; «Сидорово (39) – на высоком коренном берегу Донца. Имеет наибольшую площадь из известных салтовских (17,9 га), сопровождается наибольшим из известных селищ (≈120 га). Рядом находится Татьяновское городище с пристанью»; «Мохнач (31) – мысовое городище на правом берегу Донца с камерной двухпанцирной цитаделью и грунтовыми укреплениями по периметру... Близ комплекса в реке найдена целая таманская раннесредневековая амфора, что свидетельствует об использовании Донца как торговой артерии в хазарское время» (Колода 2009: 38).

Раз были пристани, значит, были и суда, которые к ним причаливали. Само существование Донского торгового пути, не вызывающее сомнений, подразумевает, что по Дону и Донцу ходили купеческие караваны. «Находки древних судов и их снаряжения... на территории Верхнего и Среднего Дона – не такая уж большая редкость» (Золотарев 2005: 81).

Здесь, однако, хотелось бы ещё раз обратить внимание на проблемы связанные с функционированием речных путей. К сожалению, в трудах по истории Древней Руси, исследователи часто довольно однобоко и упрощённо освещают эту весьма не простую тему, в то время как в реальности, скажем, преодоление волоков – дело,

²⁰ По подсчетам Н.Н. Воронина путь от Киева до Константинополя у купеческого каравана занимал 35-40 дней, при особо благоприятных условиях – 25 дней (Воронин 1948: 286).

отнюдь не лёгкое, требующее специальных навыков и соответствующих инфраструктур. В Приильменье в древнерусский период товары с крупнотоннажных морских судов, приходивших в Ладогу с Балтики, перегружались на новгородские плоскодонные речные челны, доставлявшие груз как к Новгороду, так и в другие регионы Руси. Для этих целей у новгородцев как минимум с XII в. существовали специальные артели, имевшие навыки и опыт в преодолении Волховских порогов и знавшие условия навигации по реке.

Есть все основания полагать, что в Подонье и Подонцовье ситуация складывалась аналогичным образом. Из византийских и итальянских источников известно, что прибывавшие из стран Средиземноморья путешественники и купцы в устье Дона пересаживались с морских судов на речные и поднимались вверх по Дону до волго-донского волока, где их пути разделялись. Кто-то отправлялся дальше по реке, к городищам СМК (пока они существовали), в земли славян, откуда начинался сухопутный путь на Оку, к верхней Волге. Кто-то, преодолев волго-донской волок, по Волге поднимался до Булгара или наоборот опускался к Каспийскому морю.

Опираясь на сохранившиеся свидетельства способов перетягивания судов с Волги на Дон и обратно в XVII-XVIII вв., можно составить некоторые представления о том, как этот процесс происходил и в более ранние времена. Корабли грузоподъемностью 30-80 т. в XVII в. по волоку перетаскивались целиком. Для этого под их корпус подводились и крепились дубовые колеса диаметром в 1,5 метра²¹. Наружу вводилась специальная упряжь, к которой пристегивалось от 10 до 50 пар волов. Обычно путь в 60 км²² такой караван преодолевал за пять дней. Более крупные суда разбирались на части и уже после доставки к Дону собирались заново. Безусловно, в раннем средневековье курсирующие по Дону, Донцу, да и Волге суда были значительно меньше. Ал-Масуди утверждает, что между хазарами и булгарами, т.е. по Волге, ходят суда, среди которых встречаются как маленькие челны (заурак), так и большие торговые корабли (суфун) (Минорский 1963: 195-196). При этом, правда, ал-Масуди пишет: «Хазарский царь не имел (морских) судов (маркаб), и его люди не умели обращаться с ними; не будь этого, мусульманам от него было бы больше бед» (Минорский 1963: 200), что стало основанием для некоторых исследователей усомниться в наличии у хазар флота как такового.

Военного флота, способного противостоять арабскому на море, у хазар, скорее всего, действительно не было. Но его, судя по описаниям греков, не было и у киевских русов. Даже если грузоподъемность торговых кораблей ходивших по Дону и Северскому Донцу в IX в. была значительно меньше, чем у судов более поздних веков, сложность преодоления волоков, в том числе и волго-донского, от этого не снижалась, а значит, нет никаких сомнений, что для обслуживания волоков даже в IX в. требовались определенные инфраструкту-

ры, в обязанности которых входила транспортировка судов, обеспечение караванов тягловыми животными, продуктами, охраной на время движения по суше. Видимо, все эти функции, на паритетных началах и за определённую плату выполняли местные жители, среди которых были кузнецы, плотники, и, скорее всего, корабельщики. То же самое можно предположить и касательно населения салтовских городищ и крепостей, многие из которых, по мнению С.А. Плетнёвой, помимо охранных и пограничных функций служили караван-сараями для купцов.

На активное использование в интересующий нас период волго-донского волока указывает то обстоятельство, что арабские авторы, в частности, ал-Масуди, считали Дон притоком Волги (Минорский 1963: 192-193, 196, 198). Видимо, арабы знали о волго-донском торговом пути и принимали его за единую водную систему.

В состав Русского каганата входили и славяне Днепровского Левобережья, ареал которых очерчен памятниками волынцевского типа (Седов 1998: 3-14; 1999: 50-82; 2002: 255-295; Галкина 2002: 275-285, 309-328; 2012: 294-300; Жих 2020: 223-225; Беззаконов, Жих 2021: 16, 22, 41-44). О навыках славян в деле постройки судов и их боевого использования свидетельствует ряд источников. Феофилакт Симокатта (VII в.) рассказывает о том, как в конце VI в. аварский «хаган потребовал от кесаря (византийского императора – М.Ж., С.Б.) увеличения выплат по договору. Когда же автократор не обратил на речи варвара ни малейшего внимания, тот немедленно начал войну. И вот хаган приказал славянам построить множество челнов, чтобы сделать Истр (Дунай – М.Ж., С.Б.) послушным себе [для переправы]» (Свод II: 17). В ходе осады Константинополя в 626 г. для боевых действий на море авары использовали славянские ладьи (Свод II: 66-71, 76-79, 84-89, 224-227, 272-273). Для киевских русов середины X в., как сообщает византийский император Константин Багрянородный, ладьи также изготавливали славяне (Константин Багрянородный 1991: 44-45). Соответственно, салтовские аланы-русы также могли использовать судостроительные навыки славян, а славянские воины, на равных правах с остальными населявшими Подонье и Подонцовье народами, могли участвовать в походе на Константинополь. Не лишним здесь было бы вспомнить и о том, что именно на Дону, в Воронеже, Пётр I строил военно-морской флот для действий на Азовском и Чёрном морях, а заодно и о том, что донские казаки всегда слыли как лихими наездниками, так и великолепными мореходами.

В пользу донской локализации нападавших на Константинополь русов, пусть косвенно, говорит и очевидец событий, константинопольский патриарх Фотий, отмечавший, что русы народ кочевой и что их страна отделена от Византии «столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней» (Кузенков 2003: 35). Подонье и Подонцовье, где, на наш взгляд, и располагался Русский каганат, в полной мере подходит под приведённое описание.

О том, что русы, совершившие в 860 г. поход на Константинополь, а затем принявшие крещение, были именно русами, которыми правил хакан, удосто-

21 На колёсах от Рязани до верховьев Дона перемещались и корабли митрополита Пимена, «ходившего» из Москвы в Константинополь в 1389 г.

22 Расстояние между Волгой и Доном в самом узком месте.

веряет источник, который исследователи часто не учитывают в силу его формально позднего происхождения (ср.: Сахаров 1980: 48-58). Речь идёт о сохранившейся в древнерусском переводе «Молитве по акафисте и каноне к Пресвятой Богородице» константинопольского патриарха Филофея Кокина (1353-1376, с перерывом), где он, вспоминая поход русов 860 г. и характеризуя помощь Богородицы, которая согласно византийской традиции спасла город, указывает, что Она «спасла еси царствующий град от скифского воеводы, свирепого вепря онаго прегордаго кагана» (Акафисты различны. Почаев, 1776. С. 20).

В.В. Кожин справедливо отмечает, что «текст убеждает, что патриарх Филофей основывался на неизвестном нам источнике, относящемся ко времени самого этого столь давнего события. Ведь в XIV в. никто уже не помнил о “кагане” и не мог называть русских “скифами”, а их предводителя – “воеводой” этого самого “кагана”... “реалии” Филофеевой молитвы ясно говорят о том, что ее сведения восходят к источнику пятисотлетней давности», а сама молитва могла быть составлена «в 1360 г., то есть к 500-летней годовщине нападения Руси на Константинополь» (Кожин 2001: 224).

Следует обратить внимание и на ещё один принципиально важный момент. Если никаких подтверждений распространения христианства в Среднем Поднепровье или в Ладожско-Ильменском регионе, а там более существования там в середине IX в. церковной епархии, не существует, то с СМК дело обстоит совершенно иначе.

Вопреки утверждениям археологов, относящих СМК к государственной культуре Хазарского каганата, на салтовских памятниках «пока не найдено ни одного предмета иудейского культа» (Аксёнов 2013: 15). Иначе обстоит дело с фиксируемыми археологически следами распространения христианства. По словам В.С. Аксёнова «вытянутое положение женских костяков, учитывая присутствие среди погребального инвентаря женщин и детей Верхне-Салтовского могильника символов христианской веры, вероятно, следует объяснять влиянием христианства на погребальный обряд аланского населения данной общины. Немногочисленные находки символов христианской веры в захоронениях Верхнего Салтова этому не противоречат, ибо в эпоху раннего средневековья крест не все индивиды носили в повседневном костюме и не всегда клали крест в погребения. Поэтому крест из катакомбы № 99, как и другие крестовидные подвески из салтовских захоронений Подонья, следует рассматривать как свидетельство распространения христианства среди части аланского населения Северо-Западной Хазарии» (Аксёнов 2010: 363). При этом, считает археолог «как и в древнерусском обществе IX-X вв., христианская религия, по-видимому, получила первоначальное распространение среди социальной и воинской верхушки аланского общества Подонцовья» (Аксёнов 2010: 363). Но не только среди социальной верхушки, ибо в следующей своей работе археолог вполне допускает знакомство с христианской религией и «рядового салтово-маяцкого населения бассейна Северского Донца во второй половине VIII-IX вв.»

(Аксёнов 2013: 19), что для нас принципиально важно, поскольку наилучшим образом характеризует степень проникновения христианства в салтовскую среду.

Находки погребений выполненных с соблюдением христианских традиций, а тем более культовых предметов, таких как нательные кресты, служат наилучшим доказательством обращения в христианство какой-то части населения СМК. Имеются и христианские культовые сооружения и храмы, построенные в IX в. и даже в VIII в. на Среднем Дону, имеющие непосредственное отношение к салтовцам. Речь идет о Маяцком городище, точнее его подземных святынях (Большие и Малые Дивы), которые еще А.А. Спицын рассматривал как «монастырь-погост», обслуживавший в качестве погребального христианского центра значительную округу», куда православные аланы и болгары «свозили для погребения... членов своих семей и общин» (Шевченко 2011: 276).

Есть, таким образом, некоторые основания считать Маяцкое городище с прилегающей к нему белокаменной крепостью вполне подходящим местом для локализации религиозного центра Росской епархии. Особенно если учесть использование населением крепости соответствующих имён, что подтверждается обнаруженной в 1981 г. С.А. Плетнёвой надписью с именем «Иоанн» на одном из каменных блоков цитадели.

При этом Маяцкое городище – не единственное место в Подонье и Подонцовье, где обнаружены христианские культовые сооружения IX в. Ю.Ю. Шевченко, в частности, указывает на возможную связь с салтовской культурой и пещерного монастыря в Холках, где «могильник находится внутри крепостных укреплений городища, как это бывает только на погостах храмов внутри монастырских стен (укреплений). А погребения, сгруппированные на восточном мысу городища, – это ориентированные по оси восток-запад костяки – останки, положенные по требованиям христианского погребального обряда» (Шевченко 2011: 277).

На территории Подонья и Подонцовья известны и другие места, где в рассматриваемый нами период проживали христианские общины и где исследованы раннесредневековые пещерные комплексы, имеющие ранние литургические устройства. И хотя многие из них напрямую не связаны с населением СМК, принципиально другое: христианство, проникая на Дон и Северский Донец в VII-VIII вв., тем самым создало предпосылки для крещения русов Русского каганата задолго до их похода на Константинополь в 860 г. Набег лишь стал катализатором, ускорившим процесс обращения в христианство части дружины и знати.

Как видим, основания, в том числе и археологические, связывать «Фотиево крещение Руси» с Подоньем и Подонцовьем имеются. Показательно и то, что в списке епархий Константинопольского патриархата Росская митрополия соседствует с Аланской. Оснований помещать напавшую на Константинополь в 860 г., а затем крестившуюся Русь в Подонье и Подонцовье существенно больше, чем оснований помещать её в Киев или в Ладогу.

Посвятивший специальное исследование походу Руси 860 г. С.В. Цветков, также полагал, что вероятность

того, что к стенам Царьграда русы пришли из Киева по Днепру крайне низка (Цветков 2010: 54, 58) ввиду того, что такой поход вряд ли бы остался для византийцев незамеченным: в 941 и 944 гг. о приближении русов византийскому императору доложили болгары и херсонесцы (ПВЛ. 1997: 94, 96). Нечто подобное, по мнению Цветкова, должно было произойти и в 860 г., но, как свидетельствует Фотий, русы пришли к Константинополю неожиданно. Скрытно, считает историк, русы могли подойти к берегам Византии только спустившись по Дону (Цветков 2010: 51-55), с чем трудно не согласиться.

Из еврейско-хазарской переписки известно, что время плаванья по морю между Константинополем и Хазарией занимало 15 дней (Цветков 2010: 54). Правда не совсем понятно, отправной точкой в Хазарии был Итиль или Керченский пролив (и шире – Крым)²³. Но это, в общем-то, не принципиально, ибо очевидно, что с Дона к Константинополю можно было попасть гораздо быстрее и незаметнее, чем из Киева по Днепру. С.В. Цветков полагал, что русы, выведя по Дону свой флот в море, ждали известия от арабов об уходе византийской армии из столицы «в дельте Кубани, сосредоточив там собранный со всей территории Русского каганата флот и войска и, получив известие от них, в первых числах июля направились к Константинополю» (Цветков 2010: 58).

Версия интересная, но возможно и то, что поход Руси на Константинополь был совершён из Крыма.

Считается, что в середине IX в. Крым был «поделён» между Византией и Хазарией, и влияние этих государств было на полуострове определяющим, а значит русы не могли осуществить поход на Константинополь с полуострова, оставшись незамеченными византийцами. Но так ли это на самом деле? Взаимоотношения между хазарами и византийцами в Крыму на протяжении всей своей истории были довольно сложными, дрейфуя от открытого противостояния к обоюдовыгодной торговле и совместным проектам, к числу которых в полной мере можно отнести строительство крепости Саркел на нижнем Дону, осуществленное по просьбе хазарских кагана и бека византийскими мастерами в 830-е гг. Вторжение в Причерноморье в середине 30-х гг. IX в. венгров коренным образом изменило расстановку сил. Византийский император Феофил (829-842), пользуясь сложившейся обстановкой, попытался восстановить византийское влияние в Крымской Готии и на ряде других территорий полуострова, но ему это не удалось: нападение венгров на поселения Готии заставили византийцев в середине IX в. уйти из региона (Айбабин 1999: 227), вследствие чего там наступил хаос. На принадлежавшие Византии города Крыма венгры, хазары и прочие «варвары» совершали опустошительные набеги, о чем говорится как в «Житии святого Кирилла»,

²³ Ряд исследователей полагает, что сообщение между Византийской империей и Херсоном осуществлялось по двум черноморским маршрутам. Кратчайший, по прямой линии, использовался в торговых и военных целях с античных времен. Для торгового тихоходного судна при благоприятной погоде путь длился около 10-11 дней. Другой вариант морского сообщения – вдоль западного и северо-западного побережья. Для конца XIV в. средняя продолжительность его (от Константинополя до Кафы) составляла 13 дней (Романчук 2008: 134).

так и в трудах его современников. В частности, в письме епископу города Веллетри в Италии Анастасий Библиотекар (815-879) рассказывает об окрестностях Херсона: «место опустело и сделалось необитаемым, храм разрушился, и вся та часть Херсонской области была почти покинута, так что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те казались были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить» (Айбабин 1999: 221).

Исследователи также обращают внимание на тот факт, что стратиги Херсонеса, по чину протоспафарии «не всегда титулуются императорскими, т.е. иногда не состоят и в разряде *oi basilikoi* (“царевы мужи”)». Всё это позволяет сделать предположение, что в 860 г. «фема была невелика или, лучше сказать, весьма скоро после её организации стала невелика, сохраняла отчасти унаследованный от городского совета архонтата управленческий, должностной аппарат (примером чему могут быть кир, “отец города” и экдик, в том числе как *ek prosorou* стратига), и её глава, повелевавший этим аппаратом, очевидно, не нуждался в постоянном полном штабном штате. Временами, как это было в июне 860 г., когда город находился в трудном положении из-за враждебного прессинга “толп язычников”, “многих нападений варваров”, здесь вообще могло наступить безвластие; во всяком случае, отсутствие на какой-то момент стратига – единственное логичное объяснение, почему херсониты не выполнили свою обычную обязанность, заранее не предупредили имперское правительство о морском походе на Константинополь “превосходящего всех жестокостью и склонностью к убийствам” “народа рос”» (Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017: 234).

Могли ли русы воспользоваться ситуацией и совершить набег на Византию из Крыма? Вполне. Более того, именно в Крыму они как раз и могли «разжиться» крупнотоннажными судами, способными доставить их под стены Константинополя. Точно также как за несколько веков до этого судами Боспорского царства в своих набегах на Римскую империю пользовались готы, герулы, скифы и сарматы. В наличии таких судов у населения Крыма сомневаться не приходится. По утверждению А.И. Айбабина в Херсоне корабли начали строить ещё в V в. (Айбабин 2016: 186-209), и уже тогда были изданы постановления о наказании жителей Херсонеса «передавших варварам секреты кораблестроения». Исследователи полагают, что именно здесь между 834-840 гг. были построены лёгкие гребные суда для экспедиции Петроны Каматира, по просьбе хазар построившего Саркел (Крым 2003: 66). Порты имелись и в ряде других крымских городов, находившихся под протекторатом сначала Римской, а затем и Византийской империи. С приходом в Крым хазар портовые города Боспора и Фанагории перешли в их подчинение, что позволило хазарам установить контроль над Боспорским проливом – важнейшим участком пути из Византии в Приазовье и далее в Азию.

Показательно, что после строительства Саркела спафарокандидат Петрона Каматир рекомендует византийскому императору Феофилу не доверять хер-

сонесским протевонам и архонтам, стоявшим во главе города, которые являлись силой способной выразить несогласие с волей императора. Феофил прислушался к мнению чиновника и назначил его стратигом Херсонеса, приказав «тогдашнему протевону и всем [прочим] повиноваться ему» (Константин Багрянородный 1991: 172-173). В тоже время, из предписания императора следовало, что в случае мятежа «стратиг должен удалиться из города, торговые суда херсонитов, находящиеся в пределах фем южного побережья Чёрного моря, должны быть арестованы» (Романчук 2008: 224).

Напомним, что строительство Саркела и вступление Петроны в должность стратига Херсонеса датируется промежутком между 834-841 гг. Вместе с тем, как показывают «Табели о рангах», где перечислены чиновники Византии, местные представители муниципальной власти сохраняли своё влияние до времени, когда исчезают печати архонтов Херсона, то есть до 70-х гг. IX в. (Романчук 2008: 224).

Всё это необходимо учитывать при анализе ситуации в Крыму в 860 г., в том числе и в контексте сообщения патриарха Фотия о том, что набег русов был неожиданным, равно как и в контексте вопроса, где русы могли произвести (или приобрести) крупнотоннажные морские суда, которых они попросту не могли иметь, обитая в глубине Восточной Европы.

Как мы уже знаем, в представлении византийцев Причерноморье и Крым, как раз и были тем самым гиперборейским севером, откуда должен был прийти мифический народ («гроза гиперборейская» у Фотия). Показательно и другое. М.В. Бибиков подчеркивает, что в представлениях византийских авторов «авасги и аланы и саки и даки, росы и савроматы, как и «собственно скифы», и всякий народ, овеваемый дуновением Борея, называются общо скифами» (Бибиков 2017: 32). Причем, отмечает он, к скифской общности росов византийцы начали причислять уже в IX в. Исходя из этого, основания утверждать, что поход росов на Константинополь мог состояться из Крыма, значительно увеличиваются.

Близкой точки зрения придерживался ряд исследователей. Так, например, известный российский византист В.Г. Васильевский, изучая византийские источники, пришёл к выводу, что родина росов нападавших на византийские владения – «северные берега Чёрного моря» (Васильевский 1915: I-CCLXXXVIII). И были эти росы, по мнению ученого, тавроскифами, в коих Васильевский видел готов, валаноготов, готалан, обитавших в Крыму с античных времен: «в первой половине IX в. существовало несколько пунктов, к которым прикреплялось сначала греческое название Тавроскифы, а затем в том же столетии распространившееся имя Руси, не устранившее первого, более литературного, а служившее для него параллельным выражением, отчасти переводным. В самых звуках слова Тавроскифы есть элементы из которых в народном греческом языке, столь склонном к усечениям, могло выработаться название Рось... Какой из трёх центров – таврический, прднепровский или тмутараканский – был точкою от-

правления на Амастриду и Сурож, решить довольно трудно» (Васильевский 1915: CCLXXXII-CCLXXXIV).

Д.Л. Талис, а вслед за ним иеродиакон Никон, обратили внимание на средневековые крымские топонимы, указывающие на присутствие здесь росов или русов. По словам Д.Л. Талиса, они представляют собой «демотическую топонимику, скрытую от нас отсутствием источников» (Талис 1973: 230). В частности, на ряде каталонских и итальянских карт XIII в. Дон именуется *Fiume Rossa*, а на его левом берегу обозначена якорная стоянка *casale de li Rossi*, которую Никон отождествляет со средневековым поселением, найденным археологами возле хутора Рогожкино. Не исключает исследователь, что именно это поселение под именем Русия было известно арабам в IX-X вв., а как Росия (*Rωσία*) упоминается в византийских хрисовулах XII в. Обращает внимание Никон ещё и на то, что среди археологического материала, найденного на могильнике поселения, встречаются нательные кресты византийского типа, которые могут быть датированы IX в., т.е. тем самым периодом, когда Фотием (или Игнатием) была крещена Русь. На всё тех же итальянских картах XIII в. западное побережье полуострова, ныне известное как Тендерская (Тендровская) коса, именуется *Rossa*. Весьма символично то, что в античный период эта коса называлась Ахилловым бегом (*Αχιλλειοζ δρομοζ*) и именно её византийские географы и историки IX-X вв. считали «родиной тавроскифов, к числу которых они относили народ «росс», именуемый также «росс-дромиты»» (Никон 1989: 34). Юго-западнее Тендерской косы, на Тарханкутском полуострове, итальянские карты помещают *Rossofar* (*Rosofar, Roxofar*), т.е. «росский маяк», а местность южнее Евпаторийского (Майнакского) озера носила название *Rossoca*. Самое удивительное, что в ходе археологических изысканий на Тарханкутском полуострове, у села Окуневка, действительно, было раскопано массивное каменное сооружение, во времена оны служившее маяком. И это, как нельзя лучше, указывает на развитое мореходство обитателей соседнего с маяком раннесредневекового поселения. Правда, вопреки чаяниям Никона, следов славян в Крыму IX в. не обнаружено. Керамика, хозяйственные и жилые постройки, тип поселений в местах, где отмечены топонимы с корнем «рос», как показал Д.Л. Талис, относятся к СМК и указывают на этническую общность жившего здесь населения с алано-болгарами Подонья и Приазовья. Никакого другого этнически определенного материала раннесредневековые поселения степного и предгорного Крыма не содержат. Всё это позволило Д.Л. Талису поддержать «концепцию Д.Т. Березовца о полной или частичной идентификации носителей салтовской культуры с русами у арабских географов» (Талис 1973: 229-234; 1974: 87-99), что снова возвращает нас к проблеме Русского каганата и его локализации в Подонье.

Вполне вероятно, что поселения СМК в Крыму (Крым 2003: 55-59), которые поддерживали постоянные контакты с лесостепной зоной Подонья и Подонцовья, имели также и отношение к мореходству. В пользу такой локализации базы русов, атаковавших Константинополь, говорят греческие источники: «А скифский народ

Воспроизведение надписи по первой публикации.

Воспроизведение надписи по первому арабскому изданию.

Русская надпись, приводимая Ибн ан-Надимом (Зайцев, Морозов 2007: 115)

росов, что из числа народов, живущих вокруг Тавра, флотом совершал набеги на области Эвксинского Понта и стал помышлять о нападении на саму Византиду» («Сокращение историй» Иоанна Зонары; Кузенков 2003: 135). Слова о том, что нападению на Константинополь предшествовали более мелкие набеги русов на византийские причерноморские земли, подтверждают достоверность сообщений Житий Стефана Сурожского и Георгия Амастридского.

О.Н. Трубочёв обратил внимание на народ «Тоурси» (варианты: «Тоурсий», «Тоур’си», «Тоуръси»), видимо, исходно *Тауро-руси, в «Житии Кирилла», который он интерпретировал как славянскую передачу греческого «тавро-русы» (*Тауро-ρως), и с которым, очевидно, связаны «русские письмена», которые Кирилл, согласно его «Житию», обнаружил в Крыму (Трубочёв 2005: 175-182): «Обрѣте же тоу Еуаггелие и Псалтирь, роусьскими письмены писано, и человѣка обрѣтъ, глаголюща тоу бесѣдоу, и бесѣдова съ нимъ, и силу рѣчи приимъ, своей бесѣдѣ прикладая различная письмена гласная и съгласная, и къ Богоу молитву творя, въскорѣ чести и съказати, и мѣнози дивлѣаху, Бога хваляше» (Жит. Конст. VIII). Существование Евангелия и Псалтыри, написанных в Крыму «русскими письменами» в 860-х гг., прекрасно согласуется с византийскими источниками о крещении Руси в это время.

А.А. Спицын, справедливо отмечая, что «Алания крещена была, может быть, уже почти вся, когда в Киевской Руси христиане считались ещё единицами», полагал, что «русские, ставшие известными в Херсонесе Константину Философу и имевшие написанное на своём языке Евангелие, были аланы, и скорее донские или таврические» (Спицын 1909: 77). У аланов СМК Подонья и Подонцовья существовала письменность, известная по ряду эпиграфических памятников, проанализировав

которые, Г.Ф. Турчанинов показал её связь со средневековым аланским письмом, уходящим корнями в скифо-сарматское письмо арамейского дукта (Турчанинов 1964: 72-87; 1990). Видимо, «русские письмена», увиденные в Крыму Кириллом, были близки к «системе письма сармато-алан Подонья» (Галкина 2002: 376).

Об особом письме русов, живущих где-то по соседству с Хазарией и Кавказом, сообщают и другие источники. В «Каталоге» Ибн ан-Надима (X в.) говорится: «Один мой знакомый, словам которого я имею полное право верить, рассказывал мне, что он послан был к правителю русов одним из кавказских владетелей. Он рассказал мне также, что у русов есть свои письмена, которые вырезаются на дереве; тут он вынул и показал мне кусок белого дерева, на котором были нарисованы знаки, изображающие, не знаю, целые ли слова или отдельные буквы» (Френ 1836: 51). Интересно, что Х.Д. Френ обратил внимание на сходство приводимых арабским автором письмен русов с новосинайскими надписями из Вади аль-Мукаттаба (I-IV вв.) (Френ 1836: 53-56), что согласуется с гипотезой Г.Ф. Турчанинова о происхождении аланской донской руники из арамейского письма.

Персидский историк Фахр-и Мудаббир (XII-XIII вв.), передавая более ранний источник, сообщает: «У хазар тоже есть письмо, которое происходит от русского; ветвь народа румийцев (греков), живущая около них (хазар – М.Ж., С.Б.), употребляет это письмо, и они называют румийцев русами. Они пишут слева направо, буквы не соединяют между собой. Букв всего 22» (Бартольд 1968: 466). О Киевской Руси здесь речь явно идти не может, поскольку к тому моменту, когда в ней началось широкое распространение письменной культуры (конец X – начало XI в.), Хазарии уже не существовало. Скорее всего, под «румийцами» здесь подразумеваются

аланы, среди которых, по свидетельству ал-Масуди, христианство распространилось «при появлении ислама и при Аббасидах» (Минорский 1963: 204). Алания в ряде раннесредневековых источников именуется «страной аланов и русов» (Карсанов 1996: 84-86).

Помимо имени-прозвища «Бравлин», О.Н. Трубочёв выявил в источниках ещё одно возможное слово из языка крымских русов, бывшего, по его мнению, индоарийским диалектом²⁴. В «Житии Кирилла» говорится: «Бъше же во Фоульстѣ языци доубъ великъ, срослься съ чрешнею, подъ нимже требы дѣахоу, нарицающе именем Алезандръ, женьскоу полоу не дающе пристоупати къ нему, ни къ требамъ его» (Жит. Констан. XII). Учёный так комментирует этот пассаж: «Естественно, язычники не могли назвать своё священное дерево крестным именем 'Αλέξανδρος, явившимся здесь лишь записью по созвучию туземного (индоарийского таврского?) *alakṣadru- 'дуб-защитник' или 'запретное дерево' (ср. др.-инд. rākṣati 'охранять', греч. ἀλέξω то же, др.-инд. d(a)ru- 'дерево')» (Трубочёв 1999: 58).

Иеродиакон Никон полагал, что «после неудачи похода 860 г. на Константинополь, пораженные чудом²⁵, происшедшим на их глазах, россы, добравшись до своих опорных баз в Крыму или в районе Ахиллесова бега, направляют к византийцам посольство с просьбой "сделать их участниками в святом крещении"» (Никон 1989: 36).

Обычно в качестве аргумента против Причерноморья как отправного пункта похода русов приводят слова Фотия, согласно которым нападавшие отделены от Константинополя «столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней» (Литаврин 2000: 49). Помимо указания на возможную риторичность этих слов, следует отметить два момента: (1) Эти слова Фотий произносил непосредственно в момент когда русы находились под стенами города, а нападение, как он сам утверждал, было неожиданным (Кузенков 2003: 35), соответственно и точной информации об отправной точке похода у него просто могло не быть; (2) Основная часть Русского каганата (если верно его отождествление с СМК), действительно, находилась в глубине Восточной Европы и была отделена от Византии «реками и морями», в Крыму и Причерноморье находились лишь его окраинные земли. Соответственно, слова Фотия не противоречат гипотезе о том, что непосредственной базой для атаки на Кон-

стантинополь были владения русов в Крыму и соседних районах Причерноморья и Приазовья, но стоял за ними Русский каганат, находившийся в глубине континента – в верховьях Дона и Северского Донца.

Интересно, что согласно приведённому выше свидетельству патриарха Филофея, поход на Константинополь возглавлял не сам каган, а его «воевода»²⁶, под которым может скрываться правитель крымских русов. Возможно, что и центр Русской епархии, созданной в 860-х гг., располагался не на основной территории СМК в Подонье и Подонцовье, как было предположено выше, а в Крыму.

Давно было замечено, что из договора Игоря с Византией 945 г. следует, что Русь имела некие владения в Крыму и соседних областях, откуда русы могут как воевать с византийскими владениями в районе Херсонеса, так и оказывать им военную помощь: «О Корсуньский сторонѣ. Колко же есть городъ на той части, да не имуть власти князи рускыи, да воюеть на тѣхъ сторонахъ, а та страна не покоряется вам, и тогда, аще просит вой от насъ князь рускый, дамы ему, елико ему будетъ требѣ, и да воюет... А о сихъ, иже то приходятъ черьнии болгаре и воюють въ странѣ Корсуньстей, и велимъ князю рускому, да ихъ не пуцаеть, и пакостять сторонѣ его» (ПВЛ. 1997: 100).

Н.П. Ламбин (Ламбин 1874: 58-95) заметил, что, во-первых, «князь русский», о котором идёт речь в приведённом пассаже, никак не мог быть князем киевским (поскольку тот в договоре последовательно титулуется «великим» и очевидным образом не имел возможности для оперативных действий в районе Херсонеса), но только его вассалом, правившим какой-то областью в Крыму, а во-вторых, обратил внимание на то, что в рассказе Константина Багрянородного о крымских делах на месте русов договора в той же роли оказываются аланы: «[Знай], что эксусиократор Алании не живёт в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и, когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир» (Константин Багрянородный 1991: 52-53).

Учёный сделал справедливый вывод, что поскольку речь идёт о расположенных в Крыму Херсоне и климатах, то правитель аланов, о котором здесь говорится, никак не может быть государем Кавказской Алании, но только правителем страны, расположенной на Крымском полуострове. «По всем признакам, даже и по самому титулу

24 О.Н. Трубочёв считал, что в Северном Причерноморье наряду с иранским в античную и раннесредневековую эпохи существовал и индоарийский этноязыковой элемент, с которым он и связывал возникновение этнонима «росы»/«руссы». Учитывая, что индоарийские и иранские диалекты весьма близки, а о специфике языков северопричерноморских народов мы знаем в силу скудости источников очень мало, не исключено, что те элементы, которые Трубочёв рассматривал как «индоарийские», могут оказаться иранскими (Грантовский, Раевский 1984: 14-16), возможно, имеющими специфические диалектные черты. Поэтому построения О.Н. Трубочёва и его индоарийские этимологии мы рассматриваем в контексте индоиранской версии начала Руси в «широком» её понимании (более «узкое», на котором настаивал учёный, едва ли возможно сформулировать в силу дефицита источников).

25 Как церковный историк Никон с доверием относится к поздней церковной традиции о гибели русского флота вследствие бури, вызванной вмешательством Богородицы.

26 Эти слова также указывают на то, что речь у Филофея не может идти об аварской осаде Константинополя в 626 г. (как иногда считают, поскольку традиция и в том случае приписывала спасение города Богородице), поскольку ею руководил именно сам каган: «29 июля сам богомерзкий хаган подступил к стене со всем своим сбродом и показал себя горожанам» (Свод II: 76).

надо полагать, что этот властодержец Алании – одно лицо с “князем русским” игорева договора, ибо и этот князь не самостоятельный, а князь-подручник, вассал, также может быть назван властодержцем, то есть держащим власть великого князя киевского» (Ламбин 1874: 68).

Итак, помимо византийцев и хазар, в Крыму, согласно источникам, представлена ещё одна серьёзная сила: аланы (Константин Багрянородный) или русы (Жития Стефана Сурожского, Георгия Амастридского, Кирилла; русско-византийский договор 945 г.), соответствующие, как показал Д.Л. Талис, археологическим памятникам СМК, представленным на полуострове (Талис 1973: 229-234; 1974: 87-99).

О наличии у русов владений непосредственно на черноморских берегах говорит и ал-Масуди: «В верховьях реки Хазар [есть] устье (речь идёт о Доне, принимаемом за приток Волги – М.Ж., С.Б.), соединяющееся с проливом из моря Понт (Чёрного – М.Ж., С.Б.), а оно – море русов; нет на нём никого другого, и они [живут] на одном из его берегов» (ДРЗИ. III: 114).

В свете современных знаний о распространении в Крыму памятников СМК (Крым 2003: 55-59) и топонимов с корнем «рос» (Талис 1973: 229-234; 1974: 87-99), под «эксусиократором Алании», о котором идёт речь в одиннадцатой главе трактата «Об управлении империей», можно понимать только правителя крымских аланов-салтовцев, именовавшихся «росами» или «русамии». В IX в. он, судя по всему, подчинялся кагану русов, ставка которого, скорее всего, находилась на Салтовском городище, а к середине X в. оказался в вассальной зависимости от киевского князя, вероятно, позиционировавшего себя в качестве наследника Русского каганата (см. подробнее: Беззаконов, Жих 2021: 9-58) и ставшего главой всех русов, независимо от их этнической принадлежности. По справедливым словам Д.Т. Березовца, «название русы, как и названия скифы, сарматы, веныды и т.д. является собирательным» (Березовец 1970: 69).

Г.В. Вернадский в своё время писал: «Мы не думаем, что у Аскольда и Диры была достаточно большая армия, чтобы предпринять этот поход самостоятельно. У мадьяр, даже если мы предположим, что они согласились пропустить русов через Нижнеднепровский регион, не было кораблей, и они не знали, как вести войну на море, поэтому они не могли оказать какую-то реальную поддержку. Ожидать помощи можно было только от Русского каганата в Приазовье. Должно быть, кампания была предпринята совместными усилиями Аскольда и Диры и Русского каганата. Видимо, тмутараканский каган взял на себя инициативу в этом деле» (Вернадский 1996: 345).

Предложенные Вернадским версии движения эскадры Аскольда и Диры из Киева к Крыму для соединения с войском кагана русов (Вернадский 1996: 346-347) интересны, но упираются в то, что, на данный момент, как было показано выше, нет археологических оснований для помещения скандинавской колонии в Киеве середины IX в. Остановимся на точке зрения историка по поводу возникновения Русского каганата. Г.В. Вернадский считал, что имя «русь» происходит от иранско-

го этнонима «рухс-асы», то есть «светлые асы», усвоенного скандинавами после установления ими контроля над донской и приазовской территориями: «мы позволим себе сделать пробный вывод о том, что скандинавы, проникшие в Приазовье в середине VIII в. смешались с местными асами и русами, и к концу века приобрели достаточную силу, чтобы угрожать Крыму. Мы можем предположить, что к этому времени им удалось создать не только вооруженные силы, но и организованное государство. Их правитель со временем присвоил себе хазарский титул кагана» (Вернадский 1996: 289).

Споря с норманистами, учёный, и сам был подвержен ряду порождённых норманизмом иллюзий, в том числе и необоснованному утверждению о вездесущи скандинавов и их политическом и военном влиянии на народы Восточной Европы в IX в. И, тем не менее, здравое зерно в рассуждениях Вернадского есть, с той лишь разницей, что скандинавы не создавали Русский каганат, а находились на службе у русского кагана (как мы знаем из Бертинских анналов), либо состояли в торговом и политическом союзе с ним. Поэтому условные Аскольд и Дир, если это не мифические персонажи, вполне могли участвовать в совместной акции, придя, возможно не из Киева, а из Верхнего Подонья (Супруты) или из Верхнего Поднепровья, скажем, с территории Гнёздова, где недавно обнаружили ранние слои (Мурашёва и др. 2020: 70-86).

Гнёздово с самого раннего периода своей истории было связано с СМК, что давно отмечено изучающими этот памятник археологами: «Есть основания предполагать, что начало подъёма Гнёздова связано с потоком переселенцев с юга, из славянских земель и, может быть, из Хазарского каганата. Наличие связей с тюрками иллюстрируется находками наборных поясов и уздечек. Наиболее близкие аналогии этим вещам можно указать в салтово-маяцких древностях» (Авдусин, Пушкина 1982: 75). Таким образом, участие варяжских союзников или наёмников в походе Русского каганата на Константинополь в 860 г., в принципе, допустимо.

Важен и вывод Вернадского, что «компания 860 г. была хорошо подготовлена, и для неё было выбрано подходящее время. Империя в это время находилась в самом разгаре войны с арабами» (Вернадский 1996: 346). Игнорировать это, как предлагают норманисты, наивно полагающие, что русы рванули в поход на Византию из Ладоги, что называется, «наобум Лазаря», то есть на авось, и так удачно и вовремя оказались под стенами Константинополя, попросту наивно. Для арабов осада русами Константинополя в 860 г., без преувеличения, стала подарком. В начале июня этого года византийский император возглавил очередной поход в Малую Азию, уведя с собой практически всю армию и флот. Столица империи, соответственно, в это время не имела сколько-нибудь существенной сухопутной, да и, по-видимому, морской защиты от вторжения, поскольку его как будто неоткуда было ожидать. В городе остался лишь небольшой гарнизон, возглавляемый префектом Никитой Оорифом. На сколько гарнизон был боеспособен, судить сложно, но, судя по всему, серьёзного сопротивления русам он не оказал.

Узнав об осаде Константинополя, Михаил III, находившийся к тому времени в Каппадокии, то есть, примерно в 500 км от своей столицы, вернулся в город, так и не вступив в какие-либо серьёзные столкновения с арабами. Иногда приходится читать, что император вернулся один, без войска, в сопровождении лишь телохранителей (Васильев 1900: 193). Однако такое предположение не выдерживает критики: вряд ли Михаил III рассчитывал, что его возвращение без поддержки армии и флота способно испугать противника настолько, что он уйдёт, сняв осаду. Поэтому есть все основания полагать, что какую-то часть войска и флота он всё-таки привёл с собой, и именно это, собственно, и заставило русов снять осаду и уйти. Отметим, что сам Фотий утверждает: «Неожиданным оказалось нашествие врагов – нечаянным явилось и отступление их» (Кузенков 2003: 60). То есть, скорее всего, росы ушли, как только узнали о приближении византийской армии и флота. Если исходная база похода росов находилась в Крыму, то их оперативная связь с арабами не представляла затруднений, какие неизбежно возникают в рамках «киевской», а тем более «ладожской» версии.

Могло ли нашествие русов существенно повлиять на результат греко-арабской войны, закончившейся поражением византийской армии в Малой Азии?²⁷ На наш взгляд, да. Вероятно, напуганный осадой столицы император и его окружение не рискнули снова увести в Азию весь пришедший с ними воинский контингент, оставив какую-то его часть в Константинополе, что не могло не отразиться на боеспособности армии, находящейся на «арабском» театре военных действий. Словом, русы, как вольные или невольные союзники арабов, задачу выполнили.

Здесь следовало бы обратить внимание на ещё один любопытный документ. Речь идёт о Синаксаре Константинопольской Великой Церкви²⁸, в котором говорится: «25 июня, нашествие сарацинов и рун, и лития во Влахернах» (Кузенков 2003: 98). За более чем вековую историю изучения Синаксаря исследователи так и не пришли к единому выводу, относится ли данное напоминание к арабской осаде Константинополя в 674-678 гг., или речь идет о событиях 860 г.? Причина в том, что до сих пор нет ясности, кто в цитируемом тексте скрывается под именем «руны» (Ῥοῦν). Часть исследователей полагает, что речь идет о Руси, имя которой было искажено (Красносельцев 1892: 63; Grégoire, Orgels 1954: 141-142), часть допускает такую возможность, но не считает данное предположение доказанным (Кузенков 2003: 101). Если, окажется, что речь действительно идёт о Руси, то это будет ещё одним доказательством совместных действий арабов и русов, что в свое время предполагал А.А. Васильев: «Наша первая реакция заключается в том, что в этом имени мы можем иметь искаженную форму Rus или Ros, т.е. русские. Если бы это было правдой, то это было бы доказательством совмест-

ного арабо-русского нападения, о котором мы абсолютно ничего не знаем» (Vasiliev 1946).

Если посмотреть на торговую и прочую активность русов середины IX в., то она в это время проявляется преимущественно на восточном направлении. Именно на Восток, к арабам, совершают свои вояжи русские купцы, на верблюдах добираясь аж до самого славного города Багдада (Ибн Хордадбех 1986: 124), арабский мир был основным торговым партнёром Руси. В таком случае стоит ли удивляться желанию, да и возможности арабов в конфликте с Византией привлечь на свою сторону торговых партнеров, русов, людей крайне воинственных? Думаем, что ответ на этот вопрос вполне очевиден. Тем более, что речь о совместных войсковых операциях на море и суше вряд ли шла. Русам было достаточно отвлечь осадой Константинополя византийскую армию от военных операций в Малой Азии, с чем русы успешно справились.

Более сложен вопрос о роли хазар в рассматриваемых событиях. Они тоже могли быть заинтересованы в походе на Константинополь, не оставляя желания присвоить себе византийские владения в Крыму. Нечто подобное произошло и позже, если доверять такому спорному источнику как т.н. Кембриджский документ. Имеется ввиду история с царем Руси ХЛГУ, которого хазары заставили воевать с Византией в середине X в. Хазарам достаточно было не препятствовать походу Руси 860 г., как не препятствовали они походу русов на Каспий в 913/914 г., описанному ал-Масуди.

Со значительной долей уверенности можно говорить, что и походы на Каспий русы совершали из Крыма, поскольку только здесь они могли купить, нанять или построить крупнотоннажные суда, о которых пишет ал-Масуди. Как было показано выше, судов подобного класса у днепровских и ладожских русов в то время не было, да и не могли эти суда пройти в Каспийское море по рекам Восточной Европы.

Ал-Масуди прямо говорит о Чёрном море как стартовой точке похода русов на Каспий, которые далее прошли по Дону и в районе современного Волгограда переправились в Волгу: «После 300/ 912-13 г. прибыло около 500 кораблей, в каждом корабле – 100 человек. Вошли в залив моря Понт (Азовское море – М.Ж., С.Б.), соединенный (волго-донской переволокой, воспринимавшейся арабами как единая водная артерия – М.Ж., С.Б.) с морем Хазар (Каспийским – М.Ж., С.Б.). Там – люди, назначенные царём хазар, с сильным вооружением, сопротивляются тем, кто идёт с этого моря, и тем, кто идёт от той стороны суши, ответвление которой от моря Хазар примыкает к морю Понт... Когда же прибыли корабли русов к людям хазар, поставленным у начала пролива, то они послали к царю хазар [просьбу], чтобы им пройти по его стране, спуститься в его реку, войти в реку хазар (Волгу – М.Ж., С.Б.) и дойти до моря Хазар, которое [и есть] море Гиркании, Табаристана и других земель иноземцев... и [руссы] вошли в пролив и достигли устья реки, стали подниматься по этому ответвлению воды (Дону – М.Ж., С.Б.), пока не вошли в реку хазар, и спустились по ней в город Атил...» (ДРЗИ. III: 114-115).

27 В сражение возле Хонариона арабы разбили византийскую армию, Михаил III с остатками войска вынужден был бежать.

28 Константинопольский синаксарь отмечает несколько дней, в которые полагалось совершать торжественные молебны (литии) в память об избавлении от нашествий варваров.

Как видим, русы из Чёрного и Азовского морей вошли в Дон, оттуда возле современного Волгограда переправились в Волгу, и двинулись на Каспий, что указывает на их проживание в Причерноморье. В.А. Пархоменко совершенно справедливо писал по этому поводу о невозможности иной локализации их опорной территории: «иная Русь – Днепровская, например, пробиралась бы на Волгу другим путём – таким именно, каким шёл князь Святослав после 968 г. – через Десну и Оку; более северная Русь избрала бы и более северный путь; если бы это были скандинавские норманны, они спустились бы просто по Волге, начиная с верховьев её, по пути давно известному им» (Пархоменко 1913: 57-58).

По свидетельству ал-Йа'куби, в 854 г. санарийцы обратились за помощью против арабов к трём правителям, коими были «сахиб ар-Рум» (император Византии), «сахиб ар-Хазар» (правитель Хазарии) и «сахиб ас-сакалиба» («государь славян») (Новосельцев 1990: 192). Вполне убедительна, на наш взгляд, гипотеза, отождествляющая «государя славян» ал-Йа'куби с каганом русов Бертинских анналов и сочинений арабо-персидских авторов (Седов 1999: 74-75; 2002: 287). Какой-либо иной силы, способной оказать помощь кавказским горцам, за исключением русов в Восточной Европе в это время просто не существовало. Но, возможно, дело не только в силе Руси. У истоков Русского каганата стояли аланы и другие выходцы с Северного Кавказа и вот как раз это и могло стать решающим аргументом для санарийцев, издревле живших по соседству с аланами у Дарьяльского ущелья. Ведь в отличие от византийцев и хазар, к которым санарийцы тоже обращались за помощью, у славян, и тем более у русов, если под ними подразумевать скандинавов, в то время не было ни малейшего мотива помогать горцам, равно, как и повода воевать с арабами, с которыми они, к тому же, успешно торговали. Иное дело донские русы, потомки кавказских аланов, под давлением арабов или хазар ушедшие на Дон. Тут мотивы вполне очевидны, да и контакты Дона с Кавказом вплоть до гибели салтовской культуры в начале X в. не прерывались.

Необходимо объяснить, почему у ал-Йа'куби санарийцы обратились к «сахибу ас-сакалиба», а не к «кагану русов», что как будто было бы более правильно. В действительности, никакой загадки тут нет. Славяне Днепровского Левобережья, носители волынцевской археологической культуры, были составной частью Русского каганата. У Ибн Хордадбега русы причисля-

ются к славянам как их «вид» («джинс») (Ибн Хордадбех 1986: 124), а Ибн ал-Факих (X в.), повторяя описанный Ибн Хордадбехом маршрут купцов из Восточной Европы в страны Халифата, что явно указывает на общий для этих авторов источник, вообще не упоминает русов, называя следующих этим маршрутом купцов просто «ас-сакалиба» – славянами (ДРЗИ. III: 35).

Не смотря на то, что в подавляющем большинстве случаев под термином ас-сакалиба арабы подразумевали славян, есть основания полагать, что он, как это было со многими терминами средневековой этнической номенклатуры, также мог распространяться и на остальное, особенно, светловолосое и голубоглазое население Восточной Европы, причисляемое арабами к потомкам Иафета, особенно, если оно было связано со славянами. Визуально для арабов, особенно тех, кто писал свои сочинения по рассказам купцов и путешественников, они могли не различаться.

Подведём итоги. Поскольку никаких следов исторической памяти о походе Руси на Константинополь в 860 г. и последовавшем за этим крещении в древнерусских источниках не обнаруживается, а археологически нигде на восточнославянской территории не выявляется признаков политики, которую можно было бы связать с этими событиями, мы считаем наиболее убедительной версию тех историков, которые считали, что за этими событиями стоит не Киевская (в широком смысле), а предшествующая ей «другая» Русь: Русь аланская, донская и причерноморская, археологическим соответствием которой является СМК. Из все культур Восточной Европы середины IX в. только СМК располагала всеми необходимыми материальными, демографическими, военными и организационными ресурсами для организации такого масштабного военного предприятия. Поскольку византийские источники говорят о том, что русами в этом походе использовались большие суда морского класса, исходную базу с которой был осуществлён поход, следует помещать в Крыму, где работали мастера, способные изготовить такие суда. В Крыму в это время были распространены памятники СМК, свидетельствующие о вхождении его части в состав Русского каганата. Впоследствии Константин Багрянородный знает о существовании здесь особого Аланского княжества, а русско-византийский договор 944 г. говорит о наличии здесь владений Руси, видимо, «по наследству» от Русского каганата перешедших под вассалитет к киевским русам и их правителю.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев 1958 - Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. А-К'. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. 656 с.

Авдусин, Пушкина 1982 - Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982. № 1. С. 68-80.

Айбабин 1999 - Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.

Айбабин 2016 - Айбабин А.И. Византийские порты в Крыму в IV-VII вв. // Боспорские исследования. Вып. XXXIII. Керчь: Керченская городская типография, 2016. С. 186-209.

Аксёнов 2010 - Аксёнов В.С. Вещи славянского облика на салтовских памятниках Верхнего Подончья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 73-78.

Аксёнов 2013 - Аксёнов В.С. Символы христианской веры в захоронениях салтово-маяцкой культуры с территории Харьковщины // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Вып. 3. Харьков, 2013. С. 15-20.

- Альфонсо 2002 - Альфонсо III. Хроника / перевод С. Железнова. 2002 / Электронный ресурс: <https://www.vostlit.info/Texts/rus4/AlfonsoIII/frameset.htm> (дата обращения - 08.09.2021).
- Аммиан Марцеллин 2000 - Аммиан Марцеллин. Римская история (Res Gestae) / Под общей редакцией В.П. Сальникова; Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб.: Алетейя, 2000. 576 с.
- Банников, Морозов 2014 - Банников А.В., Морозов М.А. История военного флота Рима и Византии (от Юлия Цезаря до завоевания крестоносцами Константинополя). СПб.: Евразия, 2014. 592 с.
- Бараш 1989 - Бараш С.И. История неурожаев и погоды в Европе (по XVI в. н.э.). Л.: Гидрометеиздат, 1989. 236 с.
- Бартольд 1968 - Бартольд В.В. О письменности у хазар // Бартольд В.В. Сочинения. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Наука, 1968. С. 466-467.
- Беззаконов, Жих 2021 - Беззаконов С.Н., Жих М.И. Хакан народа рос // Исторический формат. 2021. № 3. С. 9-58.
- Бейлис 1961 - Бейлис В.М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 21-31.
- Березовец 1970 - Березовец Д.Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. Т. XXIV. К., 1970. С. 59-74.
- Бибиков 1986 - Бибиков М.В. Скандинавский мир в византийской литературе и актах // Скандинавский сборник. Вып. 30. Таллин, 1986. С. 97-105.
- Бибиков 2004 - Бибиков М.В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2004. 736 с.
- Бибиков 2017 - Бибиков М.В. «Скифская общность» в византийской литературной традиции // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. XXIX. М., 2017. С. 34-35.
- Богуславский 1993 - Богуславский О.И. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX-XII вв. // Древности Северо-Запада России (славяно-финно-угорское взаимодействие, русские города Балтики). СПб., 1993. С. 132-157.
- Брайчевский 1980 - Брайчевский М.Ю. О первых договорах Руси с греками // Советский ежегодник международного права. 1978. М.: Наука, 1980. С. 264-284.
- Брайчевский 1983 - Брайчевский М.Ю. К вопросу о правовом содержании первого договора Руси с греками (860-863 гг.) // Советский ежегодник международного права. 1982. М.: Наука, 1983. С. 276-297.
- Брайчевский 1989 - Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. К.: Наукова думка, 1989. 298 с.
- Васильев 1900 - Васильев А.А. Византия и арабы. Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1900. 407 с.
- Васильев 1902 - Васильев А.А. Византия и арабы. Т. 2. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии (867-959 гг.). СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1902. 555 с.
- Васильевский 1915 - Васильевский В.Г. Труды. Т. III. Петроград, 1915. 416 с.
- Вашари 1998 - Вашари И. О рунических системах письма Восточной Европы // Altaica. 1998. Т. II. С. 32-45.
- Вернадский 1996 - Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 1996. 448 с.
- Воронин 1948 - Воронин Н.Н. Средства и пути сообщения // История культуры Древней Руси. Т. 1. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. С. 280-314.
- Галкина 2002 - Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 428 с.
- Галкина 2012 - Галкина Е.С. Русский каганат. Без хазар и норманнов. М.: Алгоритм, 2012. 336 с.
- Гаркави 1870 - Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. 315 с.
- Гедеонов 2004 - Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В двух частях / Автор предисловия, комментариев, биографического очерка – В.В. Фомин. Второе издание, комментированное. М.: Русская панорама, 2004. 656 с.
- Гиппиус 2012 - Гиппиус А.А. До и после Начального свода: Ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 37-62.
- Голубинский 1901 - Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. М., 1901. 793 с.
- Грантовский, Раевский 1984 - Грантовский Э.А., Раевский Д.С. Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 14-16.
- Григорьев 2000 - Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К, 2000. 263 с.
- Григорьев 2012 - Григорьев А.В. Население междуречья Днепра и Дона в VIII – первой половине XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 94-127.
- Грузнова 2011 - Грузнова Е.Б. Могила правителей в ранний период русской истории // Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 6. СПб., 2011. С. 42-54.
- Гутнов 1993 - Гутнов Ф.Х. Эволюция верховной власти у алан в период военной демократии // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ, 1993. С. 24-41.
- Дион Кассий 2011 - Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV-LXXX / Перевод с древнегреческого под редакцией А.В. Махлаюка; комментарии и статья А.В. Махлаюка (Серия Fontes scripti antiqui). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 456 с.
- ДРЗИ. II - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. II. Византийские источники / Составитель М.В. Бибиков. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 384 с.
- ДРЗИ. III - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники / Составители Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 264 с.
- ДРЗИ. IV - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. Западноевропейские источники / Составление, перевод и комментарии А.В. Назаренко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 512 с.

- Енуков 2005 - Енуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. 352 с.
- Еремеев 2019 - Еремеев И.И. Планиграфия и хронология древнейших этапов жизни Рюрикова городища по материалам исследований 2013-2016 гг. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 2 (26). С. 67-92.
- Жих 2016 - Жих М.И. Древние славяне на Волыни (I тыс. н.э.). Часть вторая // *Исторический формат*. 2016. № 2. С. 59-91.
- Жих 2017 - Жих М.И. Радимичи (локализация, происхождение, социально-политическая история) // *Исторический формат*. 2017. № 1-2. С. 47-51.
- Жих 2018 - Жих М.И. Работы Дмитрия Тарасовича Березовца и проблема локализации Русского каганата // *Исторический формат*. 2018. № 3-4. С. 176-245.
- Жих 2018а - Жих М.И. Лендзяне Константина Багрянородного и радимичи «от рода ляхов» // *Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана*. 2018. № 4 (13). С. 36-53.
- Жих 2018б - Жих М.И. О соотношении «Новгородской» и «Ладожской» версий сказания о призвании варягов в начальном русском летописании // *Вестник «Альянс-Архео»*. 2018. Вып. 24. С. 3-44.
- Жих 2020 - Жих М.И. Восточные славяне накануне государственности. М.: Вече, 2020. 448 с.
- Журавлёва, Чубур 2010 - Журавлёва Ю.Б., Чубур А.А. Средневековое судостроение в юго-восточной Руси (бассейны Десны и Оки) по археологическим источникам // *Вопросы подводной археологии*. М., 2010. С. 25-39.
- Зайцев, Морозов 2007 - Зайцев И.В., Морозов Д.А. Неизвестный и более ранний вариант древнерусской докириллической надписи Ибн ан-Надима // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2007. № 2 (28). С. 112-115.
- Звягин 2009 - Звягин Ю.Ю. Великий путь из варяг в греки. Тысячелетняя загадка истории. М.: Вече, 2009. 240 с.
- Золотарев 2005 - Золотарев П.М. Находки долбленых лодок на территории Верхнего и Среднего Дона // *Археологические памятники Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов*. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2005. С. 81-88.
- Зосим 2010 - Зосим. Новая история / Перевод, комментарий, указатели Н.Н. Болгова. Белгород: Издательство Белгородского государственного университета, 2010. 344 с.
- Ибн Русте 1869 - Абу-Али Ахмед Бен Омар Ибн-Дада. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах / Перевод с арабского, комментарии Д.А. Хвольсона. СПб., 1869. 200 с.
- Ибн Хордадбех 1986 - Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследования, указатели и карты Н. Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.
- Иловайский 2015 - Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М.: Академический проект, 2015. 522 с.
- Калинина 2001 - Калинина Т.М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1999. М.: Восточная литература, 2001. С. 190-210.
- Карамзин 1989 - Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М.: Наука, 1989. 640 с.
- Карсанов 1996 - Карсанов А.Н. Где находилась «страна алан и русских» // *Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа*. М., 1996. С. 84-86.
- Ковалевский 1956 - Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков: Издательство Харьковского государственного университета, 1956. 348 с.
- Ковалевский 1973 - Ковалевский А.П. Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди // *Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений*. М.: Наука, 1973. С. 62-79.
- Кожин 2001 - Кожин В.В. История Руси и русского слова. Опыт беспристрастного исследования. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Колода 2009 - Колода В.В. Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // *Средневековый город Юго-Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура*. Курск, 2009. С. 35-43.
- Комар 2005 - Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. 2005. № 4. С. 115-137.
- Комар 2012 - Комар А.В. Киев и Правобережное Поднепровье // *Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама*. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 300-333.
- Комар 2012а - Комар А.В. Поляне и северяне // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2010. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. С. 128-191.
- Константин Багрянородный 1991 - Константин Багрянородный. Об управлении империей / Тексты, перевод, комментарий; под редакцией Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.
- Королёв 2006 - Королёв А.С. Можно ли ставить точку в изучении проблемы Приазовской Руси? // *Сборник Русского исторического общества*. Т. 10 (158). Россия и Крым. М.: Русская панорама, 2006. С. 88-102.
- Красносельцев 1892 - Красносельцев Н.Ф. Типик церкви св. Софии в Константинополе IX в. Одесса: Типография Штаба Одесского военного округа, 1892. 101 с.
- Крым 2003 - Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV-XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. 532 с.
- Кузенков 2003 - Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2000. Проблемы источниковедения. М.: Восточная литература, 2003. С. 3-172.
- Кузьмин 1974 - Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // *Вопросы истории*. 1974. № 11. С. 54-83.
- Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.
- Кузьмин 2008 - Кузьмин С.Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // *Исследование памятников эпохи средневековья*. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 69-94.

- Кузьмин, Волковицкий 2003 - Кузьмин С.Л., Волковицкий А.И. Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни? // Ладога – первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. СПб., 2003. С. 45-57.
- Ламбин 1874 - Ламбин Н.П. О Тмутараканской Руси // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1874. Вып. I. С. 58-95.
- Лебедев 1994 - Лебедев Г.С. Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира // Старожитности Украины-Руси. К., 1994. С. 146-152.
- Левченко 1956 - Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Издательство АН СССР, 1956. 556 с.
- Леонтьев 2012 - Леонтьев А.Е. На берегах озёр Неро и Плещеево // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 162-177.
- Литаврин 2000 - Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб.: Алетейя, 2000. 398 с.
- Лукошков 2011 - Лукошков А.В. Флот Древней Руси в плаваниях на Константинополь: находки и реконструкции // Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира». СПб.: БЛИЦ, 2011. С. 204-217.
- Мавродин 1945 - Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л.: Издательство ЛГУ, 1945. 427 с.
- Макаров 2012 - Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 448-459.
- Максимович 2006 - Максимович К.А. Происхождение этнонима «Русь» в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия проф. И.С. Чичурова. М.: Издательство ПСТГУ, 2006. С. 14-56.
- Мачинский, Губчевская 2007 - Мачинский Д.А., Губчевская Л.А. О первоначальной Руси. Старая Ладога, 2007. 113 с.
- Минорский 1963 - Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X-XI веков. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 265 с.
- Михаил Пселл 1978 - Михаил Пселл. Хронография / Перевод, статья и примечания Я.Н. Любарского. М.: Наука, 1978. 324 с.
- Михайлова 2010 - Михайлова И.Б. Малые города Южной Руси в VIII – начале XIII века. СПб.: Издательство СПбГУ, 2010. 294 с.
- Мишин 2002 - Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в арабском мире в раннее средневековье. М.: Крафт плюс, 2002. 368 с.
- Могаричев и др. 2009 - Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь: Антиква, 2009. 334 с.
- Могаричев, Сазанов, Сорочан 2017 - Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017. 744 с.
- Мурашёва 2017 - Мурашёва В.В. Находки деревянных корабельных деталей из Гнездова // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. Сборник научных трудов. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2017. С. 728.
- Мурашёва и др. 2020 - Мурашёва В.В., Панин А.В., Шевцов А.О., Малышева Н.Н., Зазовская Э.П., Зарецкая Н.Е. Время возникновения поселения Гнездовского археологического комплекса по данным радиоуглеродного датирования // Российская археология. 2020. № 4. С. 70-86.
- Назаренко 2012 - Назаренко А.В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 12-36.
- Насонов 1940 - Насонов А.Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы X века // Исторические записки. Т. 6. 1940. С. 79-99.
- Насонов 1969 - Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 556 с.
- Нефёдкин 2011 - Нефёдкин А.К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 304 с.
- Нефёдов 2012 - Нефёдов В.С. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – первая половина XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 89-113.
- Нефёдова 1958 - Нефёдова Н.К. Куда ездили древние русы – в Андалусию или Анатолию? // Советское востоковедение. 1958. № 4. С. 113-115.
- Никон 1989 - Иеродиакон Никон (Лысенко). «Фотиево» крещение славяно-россов и его значение в предыстории Крещения Руси // Богословские труды. Т. 29. М.: Издательство Московской Патриархии, 1989. С. 27-40.
- Новосельцев 1990 - Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
- Новосельцев 2000 - Новосельцев А.П. Образование древнерусского государства и первый его правитель // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М.: Восточная литература, 2000. С. 454-477.
- Носов 2012 - Носов Е.Н. Новгородская земля: Северное Приильмень и Поволховье // Русь в IX-XI вв.: Археологическая панорама. М.: Институт археологии РАН, 2012. С. 92-121.
- Носов 2017 - Носов Е.Н. Рюриково городище – резиденция новгородских князей и его роль в становлении Новгорода // Рюриково городище. Новые этапы исследований. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. С. 18-33.
- Пархоменко 1913 - Пархоменко В.А. Начало Христианства Руси. Очерк из истории Руси IX-X вв. Полтава: Электрическая типография В.И. Маркевича, 1913. 190 с.
- Пашуто 1968 - Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
- ПВЛ. 1997 - Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI-XII вв. СПб.: Наука, 1997. С. 62-315.

- Петров 2011 - Петров Н.И. Аскольдова могила: от кургана к топониму // Труды Первой Международной конференции «Начала Русского мира». СПб.: БЛИЦ, 2011. С. 218-233.
- Петрухин 1995 - Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX-XI веков. Смоленск: Русич; М.: Гнозис, 1995. 320 с.
- Петрухин 2001 - Петрухин В.Я. О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. 2001. № 4. С. 78-82.
- Присёлков 1996 - Присёлков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 326 с.
- Прокопий Кесарийский 2013 - Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Перевод с греческого, вступительная статья, комментарии А.А. Чекалова; Отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 2013. 544 с.
- ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.
- ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.
- ПСРЛ. III - Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки славянской культуры, 2000. 720 с.
- ПСРЛ. VII - Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 360 с.
- ПСРЛ. IX - Полное собрание русских летописей. Т. IX. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки славянской культуры, 2000. 288 с.
- Радомский 2004 - Радомский Я.Л. Этнический состав Причерноморской Руси. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2004. 321 с.
- Рапов 1998 - Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие Христианства. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Русская панорама, 1998. 416 с.
- Риер 2000 - Риер Я.Г. Аграрный мир Восточной и Центральной Европы в средние века (по археологическим данным). Могилев, 2000. 264 с.
- Романчук 1979 - Романчук С.П. Историко-ландшафтный анализ древних систем хозяйства // Физическая география и геоморфология. Вып. 22. К., 1979. С. 67-75.
- Романчук 2008 - Романчук А.И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. В двух томах. Т. 2. Византийский город. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2008. 544 с.
- Рыбаков 1958 - Рыбаков Б.А. Русь и страна Андалус в IX-X веках // Советское востоковедение. 1958. № 4. С. 116-119.
- Рыбаков 1963 - Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Издательство АН СССР, 1963. 364 с.
- Рыбаков 1982 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 598 с.
- Сахаров 1980 - Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М.: Мысль, 1980. 360 с.
- Свердлов 2003 - Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб.: Академический проект, 2003. 736 с.
- Свод II - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. М.: Восточная литература, 1995. 592 с.
- Седов 1998 - Седов В.В. Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3-14.
- Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.
- Седов 2002 - Седов В.В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 2002. 622 с.
- Словарь 2012 - Сводный словарь личных имен народов Северного Кавказа / Ответственный редактор профессор Р.Ю. Намитокова. М.: ФЛИНТА; Наука, 2012. 584 с.
- Соболевский 1929 - Соболевский А.И. Топонимические заметки // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Т. III. Симферополь, 1929. С. 1-3.
- Сойер 2002 - Сойер П. Эпоха викингов / Перевод с английского А.П. Санина. СПб.: Евразия, 2002. 352 с.
- Соловьёв 1959 - Соловьёв С.М. История России с древнейших времён в пятнадцати книгах. Кн. I. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 812 с.
- Сорокин 1997 - Сорокин П.Е. Природные условия и судовое дело Северо-Западной Руси // Древности Поволховья. СПб., 1997. С. 42-58.
- Сорокин 2018 - Сорокин П.Е. О погребениях в ладье на территории Руси // Археология Древней Руси: проблемы и открытия. Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М.: Издательство МГУ, 2018. С. 67-68.
- Спицын 1909 - Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. I-III // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. XIX. 1909. № 1. С. 67-98.
- Талис 1973 - Талис Д.Л. Топонимы Крыма с корнем «рос» // Античная древность и средние века. Вып. 10. Свердловск, 1973. С. 229-234.
- Талис 1974 - Талис Д.Л. Росы в Крыму // Советская археология. 1974. № 3. С. 87-99.
- Творогов 1976 - Творогов О.В. Повесть временных лет и Начальный свод (Текстологический комментарий) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXX. Л.: Наука, 1976. С. 3-26.
- Творогов 1992 - Творогов О.В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54-59.
- Толочко 1990 - Толочко О.П. До питання про сакральні чинники становлення князівської влади на Русі у IX-X ст. // Археологія. 1990. № 1. С. 51-63.
- Толочко 2015 - Толочко А.П. Очерки начальной руси. К.; СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.

- Толочко 2003 - Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X-XIII вв. СПб.: Алетейя, 2003. 296 с.
- Толочко 2003а - Толочко П.П. Дворцовые интриги на Руси. СПб.: Алетейя, 2003. 224 с.
- Тортика 2007 - Тортика А.А. Военно-политическая и социальная структура алано-болгарского населения лесостепного Подонья-Придонечья в Хазарское время (конец VIII – начало X вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. Т. XIX. М., 2007. С. 267-273.
- Трубачёв 1999 - Трубачёв О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. Реконструкция реликтов языка. Этимологический словарь. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Трубачёв 2005 - Трубачёв О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. Третье издание, дополненное. М.: Наука, 2005. 286 с.
- Турчанинов 1964 - Турчанинов Г.Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // Советская археология. 1964. № 1. С. 72-87.
- Турчанинов 1990 - Турчанинов Г.Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ: Ир, 1990. 240 с.
- Фетисов 2008 - Фетисов А.А. Численность «дружинных гарнизонов» на торговых путях Восточной Европы // Стародавній Искоростень і слов'янські гради. Коростень, 2008. С. 207-213.
- Фетисов 2019 - Фетисов А.А. Предметный мир корабелов Гнездова в X веке // Смоленский край. 2019. № 2. С. 56-59.
- Фетисов, Щавелев 2017 - Фетисов А.А., Щавелев А.С. Викинги. Между Скандинавией и Русью. М.: Вече, 2017. 320 с.
- Флеров 2011 - Флеров В.С. Три проблемы в истории Хазарского каганата // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині: збірник наукових праць. Харьков, 2011. С. 97-104.
- Френ 1836 - Френ Х.Д. Письмена древних руссов // Библиотека для чтения. Т. XV. Отделение науки и художества. СПб., 1836. С. 49-59.
- Цветков 2010 - Цветков С.В. Поход русов на Константинополь в 860 году и начало Руси. СПб.: БЛИЦ, 2010. 248 с.
- Цукерман 2007 - Цукерман К. Перестройка древнейшей русской истории // У истоков русской государственности. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 343-351.
- Чичуров 1980 - Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1980. 216 с.
- Шаповалов 1991 - Шаповалов Г.И. Подводные исследования судов X-XI и XIV-XV вв. у о. Хортица // Древности степного Причерноморья и Крыма. Т. 2. Запорожье, 1991. С. 174-179.
- Шахматов 2002 - Шахматов А.А. История русского летописания. Т. I. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Наука, 2002. 486 с.
- Шевченко 2011 - Шевченко Ю.Ю. Пещерные храмы Подонья: Исторические судьбы в эпоху «Империи Чингисидов» // Сибирский сборник. Т. 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 272-290.
- Шинаков 2009 - Шинаков Е.А. Образование Древнерусского государства. Сравнительно-исторический аспект. Второе издание, исправленное и дополненное. М.: Восточная литература, 2009. 477 с.
- Шитов и др. 2005 - Шитов М.В., Бискэ Ю.С., Плешивцева Э.С., Макаров А.Я. Позднеголоценовые изменения уровня Волхова в районе Старой Ладogi // Вестник СПбГУ. Науки о Земле. 2005. № 4. С. 3-16.
- Шлёцер 1816 - Шлёцер А.Л. Нестор. Русские летописи на древле-славянском языке. Ч. II. СПб., 1816. 842 с.
- Шумилов 2014 - Шумилов Е.Н. Северное побережье Малой Азии как объект экспансии и торговли русов в IX-X вв. // Европа. 2014. № 13. С. 28-33.
- Щавелев 2014 - Щавелев А.С. «В самых же верховьях реки Днепр обитают росы...» (DAI. 42. 60-61)1: к вопросу о первом упоминании торгово-ремесленного поселения руси у д. Гнездово // Міста Давньої Русі. Київ: Стародавній світ, 2014. С. 369-373.
- Щавелев 2014а - Щавелев А.С. Племя северян и хазарские крепости: еще раз о геополитике юга Восточной Европы первой половины IX века // Книга Картины земли. Сборник в честь И.Г. Коноваловой. М.: Индрик, 2014. С. 323-329.
- Щавелев 2016 - Щавелев А.С. Известие о «северных скифах» («росах») в трактате «Тактика» византийского императора Льва VI Мудрого // Историческая география. Т. 3. М.: Аквилон, 2016. С. 236-250.
- Щавелев, Фетисов 2014 - Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века. 1. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2. М.: Аквилон, 2014. С. 7-53.
- Щавелев, Фетисов 2017 - Щавелев А.С., Фетисов А.А. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 278-328.
- Щавелева 2004 - Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I-VI): Тексты, перевод, комментарий. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 495 с.
- Эверс 1825 - Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1. М.: Университетская типография, 1825. 154 с.
- Эверс 1826 - Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 2. М.: Университетская типография, 1826. 206 с.
- Grégoire, Orgels 1954 - Grégoire H., Orgels P. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople // Byzantion. 1954. Vol. 24. S. 141-145.
- Ševčenko 1977 - Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period // Iconoclasm. Birmingham, 1977. S. 113-131.
- Vasiliev 1946 - Vasiliev A.A. The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge: The Mediaeval Academy of America, 1946. 246 s.

REFERENCES

- Abaev 1958 - Abaev V.I. Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka. T. I. A-K' [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. Volume I. A-K'], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, 656 p. [in Russian].
- Ajbabin 1999 - Ajbabin A.I. Etnicheskaya istoriya rannevizantijskogo Kryma [Ethnic history of the early Byzantine Crimea], Simferepol, DAR Publ., 1999, 352 p. [in Russian].
- Ajbabin 2016 - Ajbabin A.I. Vizantijskie porty v Krymu v IV-VII vv. [Byzantine ports in the Crimea in the IV-VII centuries], in: Bosporskie issledovaniya [Bosporan studies], Vol. XXXIII, Kerch, Kerchenskaya gorodskaya tipografiya Publ., 2016, pp. 186-209 [in Russian].
- Aksyonov 2010 - Aksyonov V.S. Veshchi slavyanskogo oblika na saltovskih pamyatnikah Verhnego Podonech'ya [Things of the Slavic appearance on the Saltov monuments of the Upper Donets], in: Slavyano-russkoe yuvelirnoe delo i ego istoki [Slavic-Russian jewelry and its origins], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, pp. 73-78 [in Russian].
- Aksyonov 2013 - Aksyonov V.S. Simvoly hristianskoj very v zahoroneniyah saltovo-mayackoj kul'tury s territorii Har'kovshchiny [Symbols of the Christian faith in the graves of the Saltovo-Mayak culture from the territory of Kharkiv region], in: Saltovo-mayac'ka arheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennya [Saltovo-Mayatskaya archaeological culture: problems and research], Vol. 3, Harkov, 2013, pp. 15-20 [in Russian].
- Al'fonso 2002 - Al'fonso III. Hronika / perevod S. Zheleznova [Chronicle / translation by S. Zheleznov], 2002, Electronic resource: <https://www.vostlit.info/Texts/rus4/AlfonsoIII/frametext.htm> (Date of access - 08.09.2021) [in Russian].
- Ammian Marcellin 2000 - Ammian Marcellin. Rimskaya istoriya (Res Gestae) / Pod obshchej redakciej V.P. Sal'nikova; Perevod s latinskogo YU.A. Kulakovskogo i A.I. Sonni [Roman History / Under the general editorship of V.P. Salnikov; Translation from Latin Yu.A. Kulakovskiy and A.I. Sonny], Saint-Petersburg, Aleteya Publ., 2000, 576 p. [in Russian].
- Avdusin, Pushkina 1982 - Avdusin D.A., Pushkina T.A. Gnyozdovo v issledovaniyah Smolenskoj ekspedicii [Gnezdovo in the research of the Smolensk expedition], in: Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya [Bulletin of Moscow State University. Episode 8. History], 1982, № 1, pp. 68-80 [in Russian].
- Bannikov, Morozov 2014 - Bannikov A.V., Morozov M.A. Istoriya voennogo flota Rima i Vizantii (ot YULiya Cezarya do zavoevaniya krestonoscami Konstantinopolya) [History of the navy of Rome and Byzantium (from Julius Caesar to the conquest of Constantinople by the crusaders)], Saint-Petersburg, Evraziya Publ., 2014, 592 p. [in Russian].
- Barash 1989 - Barash S.I. Istoriya neurozhaev i pogody v Evrope (po XVI v. n.e.) [History of crop failures and weather in Europe (to the 16th century AD)], Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1989, 236 p. [in Russian].
- Bartol'd 1968 - Bartol'd V.V. O pis'mennosti u hazar [About the writing of the Khazars], in: Bartol'd V.V. Sochineniya. T. V. Raboty po istorii i filologii tyurkskih i mongol'skih narodov [Essays. Volume V. Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples], Moscow: Nauka Publ., 1968, pp. 466-467 [in Russian].
- Bejlis 1961 - Bejlis V.M. Al-Mas'udi o rusko-vizantijskih otnosheniyah v 50-h godah X v. [Al-Mas'udi about Russian-Byzantine relations in the 50s of the 10th century], in: Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v. [International relations of Russia until the 17th century], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1961, pp. 21-31 [in Russian].
- Berezovec 1970 - Berezovec' D.T. Pro im'ya nosiiv saltivs'koi kul'turi [On the name of the bearers of the Saltov culture], in: Arheologiya [Archeology], Vol. XXIV, Kyiv, 1970, pp. 59-74 [in Ukrainian].
- Bezzakonov, ZHih 2021 - Bezzakonov S.N., ZHih M.I. Hakan naroda ros [Khagan of the Ros people], in: Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 3, pp. 9-58 [in Russian].
- Bibikov 1986 - Bibikov M.V. Skandinavskij mir v vizantijskoj literature i aktah [Scandinavian world in Byzantine literature and acts], in: Skandinavskij sbornik [Scandinavian compilation], Vol. 30, Tallin, 1986, pp. 97-105 [in Russian].
- Bibikov 2004 - Bibikov M.V. BYZANTINOROSSICA: Svod vizantijskih svidetel'stv o Rusi [Code of Byzantine testimonies about Russia], Vol. I, Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 736 p. [in Russian].
- Bibikov 2017 - Bibikov M.V. «Skifskaya obshchnost'» v vizantijskoj literaturnoj tradicii ["Scythian community" in the Byzantine literary tradition], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages], Vol. XXIX, Moscow, 2017, pp. 34-35 [in Russian].
- Boguslavskij 1993 - Boguslavskij O.I. YUzhnoe Priladozh'e v sisteme transevrazijskih svyazey IX-XII vv. [Southern Ladoga region in the system of trans-Eurasian relations in the 9th-12th centuries], in: Drevnosti Severo-Zapada Rossii (slavyano-finno-ugorskoe vzaimodejstvie, russkie goroda Baltiki) [Antiquities of the North-West of Russia (Slavic-Finno-Ugric interaction, Russian cities of the Baltic)], Saint-Petersburg, 1993, pp. 132-157 [in Russian].
- Brajchevskij 1980 - Brajchevskij M.YU. O pervyh dogovorah Rusi s grekami [About the first treaties of Russia with the Greeks], in: Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava [Soviet Yearbook of International Law], 1978, Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 264-284 [in Russian].
- Brajchevskij 1983 - Brajchevskij M.YU. K voprosu o pravovom soderzhanii pervogo dogovora Rusi s grekami (860-863 gg.) [To the question of the legal content of the first treaty between Russia and the Greeks (860-863)], in: Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava [Soviet Yearbook of International Law], 1982, Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 276-297 [in Russian].
- Brajchevskij 1989 - Brajchevskij M.YU. Utverzhdenie hristianstva na Rusi [The establishment of Christianity in Russia], Kyiv, Naukova dumka Publ., 1989, 298 p. [in Russian].
- CHichurov 1980 - CHichurov I.S. Vizantijskie istoricheskie sochineniya: «Hronografiya» Feofana, «Breviarij» Nikifora. Teksty, perevod, kommentarij [Byzantine historical works: "Chronography" by Theophanes, "Breviary" by Nicephorus. Texts, translation, commentary], Moscow, Nauka Publ., 1980, 216 p. [in Russian].
- Cukerman 2007 - Cukerman K. Perestrojka drevnejshej russkoj istorii [Perestroika of ancient Russian history], in: U istokov russkoj gosudarstvennosti [At the origins of Russian statehood], Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2007, pp. 343-351 [in Russian].
- Cvetkov 2010 - Cvetkov S.V. Pohod rusov na Konstantinopol' v 860 godu i nachalo Rusi [The campaign of the Rus against Constantinople in 860 and the beginning of Russia], Saint-Petersburg, BLIC Publ., 2010, 248 p. [in Russian].
- Dion Kassij 2011 - Kassij Dion Kokkejan. Rimskaya istoriya. Knigi LXIV-LXXX / Perevod s drevnegrecheskogo pod redakciej A.V. Mahlayuka; kommentarii i stat'ya A.V. Mahlayuka (Seriya Fontes scripti antiqui) [Roman history. Books LXIV-LXXX / Translation

from ancient Greek, edited by A.V. Makhlaiuk; comments and article by A.V. Makhlaiuk (Series *Fontes scripti antiqui*), Saint-Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ.; Nestor-Istoriya Publ., 2011, 456 p. [in Russian].

DRZI. II - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. II. Vizantijskie istochniki / Sostavitel' M.V. Bibikov [Ancient Russia in the light of foreign sources. Reader. Volume II. Byzantine sources / Compiled by M.V. Bibikov], Moscow, Russkij Fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke Publ., 2010, 384 p. [in Russian].

DRZI. III - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. III. Vostochnye istochniki / Sostaviteli T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V.Ya. Petruhin [Ancient Russia in the light of foreign sources. Reader. Volume III. Eastern sources / Compiled by T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V.Ya. Petruhin], Moscow, Russkij Fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke Publ., 2009, 264 p. [in Russian].

DRZI. IV - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. Hrestomatiya. T. IV. Zapadnoevropejskie istochniki / Sostavlenie, perevod i kommentarii A.V. Nazarenko [Ancient Russia in the light of foreign sources. Reader. Volume IV. Western European sources / Compilation, translation and comments by A.V. Nazarenko], Moscow, Russkij Fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke Publ., 2010, 512 p. [in Russian].

Eukov 2005 - Eukov V.V. Slavyane do Ryurikovichej [Slavs before the Rurikovich], Kursk, Uchitel' Publ., 2005, 352 p. [in Russian].

Eremeev 2019 - Eremeev I.I. Planigrifiya i hronologiya drevnejshih etapov zhizni Ryurikova gorodishcha po materialam issledovaniy 2013-2016 gg. [Planigraphy and chronology of the most ancient stages of the life of the Rurik settlement based on the research materials of 2013-2016], in: *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2019, № 2 (26), pp. 67-92 [in Russian].

Evers 1825 - Evers G. Predvaritel'nye kriticheskie issledovaniya dlya rossijskoj istorii [Preliminary Critical Studies for Russian History], Kn. 1, Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1825, 154 p. [in Russian].

Evers 1826 - Evers G. Predvaritel'nye kriticheskie issledovaniya dlya rossijskoj istorii [Preliminary Critical Studies for Russian History], Kn. 2, Moscow, Universitetskaya tipografiya Publ., 1826, 206 p. [in Russian].

Fetisov 2008 - Fetisov A.A. CHislenost' «druzhinnyh garnizonov» na togovykh putyakh Vostochnoj Evropy [The number of "guard garrisons" on the trade routes of Eastern Europe], in: *Starodavnij Iskorosten' i slov'yanski gradi* [Ancient Iskorosten and Slavic cities], Korosten, 2008, pp. 207-213 [in Russian].

Fetisov 2019 - Fetisov A.A. Predmetnyj mir korabelov Gnezdova v X veke [The object world of Gnezdov shipbuilders in the 10th century], in: *Smolenskij kraj* [Smolensk region], 2019, № 2, pp. 56-59 [in Russian].

Fetisov, SHCHHavelev 2017 - Fetisov A.A., SHCHHavelev A.S. Vikingi. Mezhdru Skandinaviej i Rus'yu [Vikings. Between Scandinavia and Russia], Moscow, Veche Publ., 2017, 320 p. [in Russian].

Flerov 2011 - Flerov V.S. Tri problemy v istorii Hazarskogo kaganata [Three problems in the history of the Khazar Khaganate], in: *Saltovo-mayac'ka arheologichna kul'tura: 110 rokov vid pochatku vivchennya na Harkivshchini: zbirnik naukovih prac'* [Saltovo-Mayatskaya archaeological culture: 110 years since the beginning of research in the Kharkiv region: a collection of scientific papers], Harkov, 2011, pp. 97-104 [in Russian].

Fren 1836 - Fren H.D. Pis'mena drevnih russov [The writings of the ancient Russ], in: *Biblioteka dlya chteniya. T. XV. Otdelenie nauki i hudozhestva* [Library for reading. Volume XV. Department of Science and Art], Saint-Petersburg, 1836, pp. 49-59 [in Russian].

Galkina 2002 - Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian Khaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 428 p. [in Russian].

Galkina 2012 - Galkina E.S. Russkij kaganat. Bez hazar i normannov [Russian Khaganate. Without Khazars and Normans], Moscow, Algoritm Publ., 2012, 336 p. [in Russian].

Garkavi 1870 - Garkavi A.YA. Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkih [Legends of Muslim writers about Slavs and Russians], Saint-Petersburg, 1870, 315 p. [in Russian].

Gedeonov 2004 - Gedeonov S.A. Varyagi i Rus'. V dvuh chastyah / Avtor predisloviya, kommentarijev, biograficheskogo ocherka - V.V. Fomin. Vtoroe izdanie, kommentirovanoe [Varangians and Russia. In two parts / Author of the preface, comments, biographical sketch - V.V. Fomin. Second edition, commented], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2004, 656 p. [in Russian].

Gippius 2012 - Gippius A.A. Do i posle Nachal'nogo svoda: Rannyya letopisnaya istoriya Rusi kak ob'ekt tekstologicheskoy rekonstrukcii [Before and after the Initial Code: Early Chronicle History of Russia as an Object of Textual Reconstruction], in: *Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama* [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 37-62 [in Russian].

Golubinskij 1901 - Golubinskij E.E. Istoriya russkoj cerkvi [History of the Russian Church], Vol. 1, Part 1, Moscow, 1901, 793 p. [in Russian].

Grantovskij, Raevskij 1984 - Grantovskij E.A., Raevskij D.S. Ob iranoyazychnom i «indoarijskom» naselenii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epohu [On the Iranian-speaking and "Indo-Aryan" population of the Northern Black Sea region in ancient times], in: *Etnogenez narodov Balkan i Severnogo Prichernomor'ya: Lingvistika, istoriya, arheologiya* [Ethnogenesis of the peoples of the Balkans and the Northern Black Sea region: Linguistics, history, archeology], Moscow, 1984, pp. 14-16 [in Russian].

Grégoire, Orgels 1954 - Grégoire H., Orgels P. Les invasions russes dans le Synaxaire de Constantinople [The Russian invasions in the Synaxary of Constantinople], in: *Byzantion*, 1954, Vol. 24, pp. 141-145 [in French].

Grigor'ev 2000 - Grigor'ev A.V. Severskaya zemlya v VIII - nachale XI veka po arheologicheskim dannym [Seversk land in the VIII - early XI century according to archaeological data], Tula, Grif i K Publ., 2000, 263 p. [in Russian].

Grigor'ev 2012 - Grigor'ev A.V. Naselenie mezhdurech'ya Dnepra i Dona v VIII - pervoj polovine XI v. [The population of the interfluvium of the Dnieper and Don in the VIII - the first half of the XI century], in: *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2010. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva* [The most ancient states of Eastern Europe. 2010. Background and ways of formation of the Old Russian state], Moscow, Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke Publ., 2012, pp. 94-127 [in Russian].

Gruznova 2011 - Gruznova E.B. Mogily pravitelej v rannij period russkoj istorii [Graves of rulers in the early period of Russian history], in: *Trudy istoricheskogo fakul'teta SPbGU* [Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg State University], Vol. 6, Saint-Petersburg, 2011, pp. 42-54 [in Russian].

- Gutnov 1993** - Gutnov F.H. Evolyuciya verhovnoj vlasti u alan v period voennoj demokratii [The evolution of supreme power among the Alans in the period of military democracy], in: Kavkaz i civilizacii Vostoka v drevnosti i srednevekov'e [Caucasus and civilizations of the East in antiquity and the Middle Ages], Vladikavkaz, 1993, pp. 24-41 [in Russian].
- Ibn Hordadbekh 1986** - Ibn Hordadbekh. Kniga putej i stran / Perevod s arabskogo, kommentarii, issledovaniya, ukazateli i karty N. Velikhanova [The Book of Ways and Countries / Translation from Arabic, comments, studies, indexes and maps by N. Velikhanova], Baku, Elm Publ., 1986, 428 p. [in Russian].
- Ibn Ruste 1869** - Abu-Ali Ahmed Ben Omar Ibn-Dasta. Izvestiya o hozarah, burtasah, bolgarah, mad'yarah, slavyanah i russah / Perevod s arabskogo, kommentarii D.A. Hvol'sona [News about the Khazars, Burtases, Bulgars, Magyars, Slavs and Russians / Translated from Arabic, comments by D.A. Khvolson], Saint-Petersburg, 1869, 200 p. [in Russian].
- Ilovajskij 2015** - Ilovajskij D.I. Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu [Research about the beginning of Russia. Instead of an introduction to Russian history], Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2015, 522 p. [in Russian].
- Kalinina 2001** - Kalinina T.M. Arabskie uchenye o nashestvii normannov na Sevil'yu v 844 g. [Arab scholars on the Norman invasion of Seville in 844], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy [Ancient States of Eastern Europe], 1999, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001, pp. 190-210 [in Russian].
- Karamzin 1989** - Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of Russian Government]. Vol. I, Moscow, Nauka Publ., 1989, 640 p. [in Russian].
- Karsanov 1996** - Karsanov A.N. Gde nahodilas' «strana alan i russkih» [Where was the "country of the Alans and Russians"], in: Aktual'nye problemy arheologii Severnogo Kavkaza. XIX Krupnovskie chteniya po arheologii Severnogo Kavkaza [Actual problems of archeology of the North Caucasus. XIX Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus], Moscow, 1996, pp. 84-86 [in Russian].
- Koloda 2009** - Koloda V.V. Problemy gradoobrazovaniya v rannesrednevekovykh kontaktnykh zonah (na primere lesostepnogo regiona Severskogo Donca) [Problems of town formation in the early medieval contact zones (on the example of the forest-steppe region of the Seversky Donets)], in: Srednevekovyj gorod YUgo-Vostoka Rusi: predposylki vozniknoveniya, evolyuciya, material'naya kul'tura [Medieval city of the South-East of Russia: prerequisites for the emergence, evolution, material culture], Kursk, 2009, pp. 35-43 [in Russian].
- Komar 2005** - Komar A.V. K diskussii o proiskhozhdenii i rannih fazah istorii Kieva [To the discussion about the origin and early phases of the history of Kyiv], in: Ruthenica, 2005, № 4, pp. 115-137 [in Russian].
- Komar 2012** - Komar A.V. Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'e [Kyiv and the Right-Bank Dnieper], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 300-333 [in Russian].
- Komar 2012a** - Komar A.V. Polyane i severyane [Glades and northerners], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy [Ancient States of Eastern Europe], 2010, Moscow, Universitet Dmitriya Pozharskogo Publ., 2012, pp. 128-191 [in Russian].
- Konstantin Bagryanorodnyj 1991** - Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej / Teksty, perevod, kommentarii; pod redakciej G.G. Litavrina i A.P. Novosel'ceva [On the management of the empire / Texts, translation, commentary; edited by G.G. Litavrin and A.P. Novoseltseva], Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p. [in Russian].
- Korolev 2006** - Korolev A.S. Mozhno li stavit' tochku v izuchenii problemy Priazovskoj Rusi? [Is it possible to put an end to the study of the problem of Azov Rus?], in: Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva. T. 10 (158). Rossiya i Krym [Collection of the Russian Historical Society. Volume 10 (158). Russia and Crimea], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2006, pp. 88-102 [in Russian].
- Kovalevskij 1956** - Kovalevskij A.P. Kniga Ahmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921-922 gg. Stat'i, perevody i kommentarii [The book of Ahmed Ibn-Fadlan about his journey to the Volga in 921-922. Articles, translations and comments], Harkov, Izdatel'stvo Har'kovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 1956, 348 p. [in Russian].
- Kovalevskij 1973** - Kovalevskij A.P. Slavyane i ih sosedi v pervoj polovine X v. po dannym al'-Masudi [Slavs and their neighbors in the first half of the tenth century. according to al-Masudi], in: Voprosy istoriografii i istochnikovedeniya slavyano-germanskih otnoshenij [Issues of historiography and source study of Slavic-German relations], Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 62-79 [in Russian].
- Kozhinov 2001** - Kozhinov V.V. Istoriya Rusi i russkogo slova. Opyt bespristrastnogo issledovaniya [History of Russia and the Russian word. An unbiased research experience], Moscow, EKSMO-Press Publ., 2001, 512 p. [in Russian].
- Krasnosel'cev 1892** - Krasnosel'cev N.F. Tipik cerkvi sv. Sofii v Konstantinopole IX v. [Typical of the church of St. Sophia in Constantinople, 9th century], Odessa, Tipografiya SHTaba Odesskogo voennogo okruga Publ., 1892, 101 p. [in Russian].
- Krym 2003** - Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epohu srednevekov'ya. IV-XIII veka / Otv. red. T.I. Makarova, S.A. Pletneva [Crimea, the North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages. IV-XIII centuries / Rev. ed. T.I. Makarova, S.A. Pletnev], Moscow, Nauka Publ., 2003, 532 p. [in Russian].
- Kuzenkov 2003** - Kuzenkov P.V. Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh [Campaign of 860 to Constantinople and the first baptism of Russia in medieval written sources], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya [Ancient States of Eastern Europe. 2000. Problems of Source Studies], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003, pp. 3-172 [in Russian].
- Kuz'min 1974** - Kuz'min A.G. Ob etnicheskoj prirode varyagov (k postanovke problemy) [On the ethnic nature of the Varangians (to the formulation of the problem)], in: Voprosy istorii [Questions of history], 1974, № 11, pp. 54-83 [in Russian].
- Kuz'min 2003** - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [Beginning of Russia. Secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].
- Kuz'min 2008** - Kuz'min S.L. Ladoga v epohu rannego srednevekov'ya (seredina VIII – nachalo XII v.) [Ladoga in the early Middle Ages (mid-VIII – early XII century)], in: Issledovanie pamyatnikov epohi srednevekov'ya [The study of monuments of the Middle Ages], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2008, pp. 69-94 [in Russian].
- Kuz'min, Volkovickij 2003** - Kuz'min S.L., Volkovickij A.I. Pozhary i katastrofy v Ladoge: 250 let nepreryvnoj zhizni? [Fires and disasters in Ladoga: 250 years of continuous life?], in: Ladoga – pervaya stolica Rusi. 1250 let nepreryvnoj zhizni [Ladoga is the first capital of Russia. 1250 years of continuous life], Saint-Petersburg, 2003, pp. 45-57 [in Russian].

- Lambin 1874** - Lambin N.P. O Tmutarakanskoj Rusi [About Tmutarakan Rus], in: Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], Saint-Petersburg, 1874, Vol. I, pp. 58-95 [in Russian].
- Lebedev 1994** - Lebedev G.S. Rus' Ryurika, Rus' Askol'da, Rus' Dira [Russia of Rurik, Russia of Askold, Russia of Dir], in: Starozhitnosti Ukrainy-Rusi [Antiquities of Ukraine-Rus], Kyiv, 1994, pp. 146-152 [in Russian].
- Leont'ev 2012** - Leont'ev A.E. Na beregah ozyor Nero i Pleshcheevo [On the shores of lakes Nero and Pleshcheyevo], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 162-177 [in Russian].
- Levchenko 1956** - Levchenko M.V. Ocherki po istorii rusko-vizantijskih otnoshenij [Essays on the history of Russian-Byzantine relations], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, 556 p. [in Russian].
- Litavrin 2000** - Litavrin G.G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.) [Byzantium, Bulgaria, Ancient Russia (IX – early XII century)], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2000, 398 p. [in Russian].
- Lukoshkov 2011** - Lukoshkov A.V. Flot Drevnej Rusi v plavaniyah na Konstantinopol': nahodki i rekonstrukcii [The fleet of Ancient Russia on voyages to Constantinople: finds and reconstructions], in: Trudy Pervoj Mezhdunarodnoj konferencii «Nachala Russkogo mira» [Proceedings of the First International Conference "Beginnings of the Russian World"], Saint-Petersburg, BLIC Publ., 2011, pp. 204-217 [in Russian].
- Machinskij, Gubchevskaya 2007** - Machinskij D.A., Gubchevskaya L.A. O pervonachal'noj Rusi [About original Russia], Staraya Ladoga, 2007, 113 p. [in Russian].
- Makarov 2012** - Makarov N.A. Istoricheskie svidetel'stva i arheologicheskie realii: v poiskah sootvetstvij [Historical evidence and archaeological realities: in search of correspondences], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 448-459 [in Russian].
- Maksimovich 2006** - Maksimovich K.A. Proiskhozhdenie etnonima «Rus'» v svete istoricheskoy lingvistiki i drevnejshih pis'mennyh istochnikov [The origin of the ethnonym "Rus" in the light of historical linguistics and ancient written sources], in: KANISKION: Yubilejnyj sbornik v chest' 60-letiya prof. I.S. Chichurova [Anniversary collection in honor of the 60th anniversary of Professor I.S. Chichurov], Moscow, Izdatel'stvo PSTGU Publ., 2006, pp. 14-56 [in Russian].
- Mavrodin 1945** - Mavrodin V.V. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva [Formation of the Old Russian state], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1945, 427 p. [in Russian].
- Mihail Psell 1978** - Mihail Psell. Hronografiya / Perevod, stat'ya i primechaniya YA.N. Lyubarskogo [Chronography / Translation, article and notes by Ya.N. Lyubarsky], Moscow, Nauka Publ., 1978, 324 p. [in Russian].
- Mihajlova 2010** - Mihajlova I.B. Malye goroda YUzhnoj Rusi v VIII – nachale XIII veka [Small towns of South Russia in the VIII – early XIII centuries], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2010, 294 p. [in Russian].
- Minorskij 1963** - Minorskij V.F. Istoriya SHirvana i Derbenda X-XI vekov [History of Shirvan and Derbend in the 10th-11th centuries], Moscow, Izdatel'stvo vostochnoj literatury Publ., 1963, 265 p. [in Russian].
- Mishin 2002** - Mishin D.E. Sakaliba (slavyane) v arabskom mire v rannee srednevekov'e [Sakaliba (Slavs) in the Arab world in the early Middle Ages], Moscow, Kraft plyus Publ., 2002, 368 p. [in Russian].
- Mogarichev i dr. 2009** - Mogarichev YU.M., Sazanov A.V., Stepanova E.V., SHaposhnikov A.K. Zhitie Stefana Surozhskogo v kontekste istorii Kryma ikonoborcheskogo vremeni [Life of Stefan Surozhsky in the context of the history of the Iconoclast Crimea], Simferopol, Antikva Publ., 2009, 334 p. [in Russian].
- Mogarichev, Sazanov, Sorochan 2017** - Mogarichev YU.M., Sazanov A.V., Sorochan S.B. Krym v «hazarskoe» vremya (VIII – seredina X vv.): voprosy istorii i arheologii [Crimea in the "Khazar" time (VIII – the middle of the X centuries): questions of history and archeology], Moscow, Neolit Publ., 2017, 744 p. [in Russian].
- Murasheva 2017** - Murasheva V.V. Nahodki drevnyannyh korabel'nyh detalej iz Gnezdova [Finds of wooden ship parts from Gnezdovo], in: V (XXI) Vserossijskij arheologicheskij s"ezd. Sbornik nauchnyh trudov [V (XXI) All-Russian Archaeological Congress. Collection of scientific papers], Barnaul, Altajskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2017, p. 728 [in Russian].
- Murasheva i dr. 2020** - Murasheva V.V., Panin A.V., SHEvcov A.O., Malysheva N.N., Zazovskaya E.P., Zareckaya N.E. Vremya vznikeniya poseleniya Gnyozdovskogo arheologicheskogo kompleksa po dannym radiouglerodnogo datirovaniya [The time of occurrence of the settlement of the Gnezdovsky archaeological complex according to radiocarbon dating], in: Rossijskaya arheologiya [Russian archeology], 2020, № 4, pp. 70-86 [in Russian].
- Nasonov 1940** - Nasonov A.N. Tmutarakan' v istorii Vostochnoj Evropy X veka [Tmutarakan in the history of Eastern Europe in the 10th century], in: Istoricheskie zapiski [Historical notes], Vol. 6, 1940, pp. 79-99 [in Russian].
- Nasonov 1969** - Nasonov A.N. Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka. Ocherki i issledovaniya [History of Russian chronicle writing in the 11th - early 18th centuries. Essays and studies], Moscow, Nauka Publ., 1969, 556 p. [in Russian].
- Nazarenko 2012** - Nazarenko A.V. Rus' IX veka: obzor pis'mennyh istochnikov [Russia of the 9th century: a review of written sources], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 12-36 [in Russian].
- Nefedkin 2011** - Nefedkin A.K. Voennoe delo sarmatov i alanov (po dannym antichnyh istochnikov) [Warfare of the Sarmatians and Alans (according to ancient sources)], Saint-Petersburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU Publ.; Nestor-Istoriya Publ., 2011, 304 p. [in Russian].
- Nefedov 2012** - Nefedov V.S. Rannie etapy politogeneza na territorii Smolenskoj zemli (konec IX – pervaya polovina XI v.) [Early stages of politogenesis on the territory of the Smolensk land (late 9th - first half of the 11th century)], in: Severnaya Rus' i problemy formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Northern Russia and the problems of the formation of the Old Russian state], Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2012, pp. 89-113 [in Russian].
- Nefedova 1958** - Nefedova N.K. Kuda ezdili drevnie rusy – v Andalusiyu ili Anatoliyu? [Where did the ancient Rus go – to Andalusia or Anatolia?], in: Sovetskoe vostokovedenie [Soviet oriental studies], 1958, № 4, pp. 113-115 [in Russian].
- Nikon 1989** - Ierodiakon Nikon (Lysenko). «Fotievo» kreshchenie slavyano-rossov i ego znachenie v predystorii Kreshcheniya Rusi [“Photios” baptism of the Slavic-Russians and its significance in the prehistory of the Baptism of Russia], in: Bogoslovskie trudy [Theological writings], Vol. 29, Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii Publ., 1989, pp. 27-40 [in Russian].

- Nosov 2012** - Nosov E.N. Novgorodskaya zemlya: Severnoe Priil'men'e i Povolhov'e [Novgorod land: Northern Priilmenie and Volkhov region], in: Rus' v IX-XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the 9th-11th centuries: Archaeological panorama], Moscow, Institut arheologii RAN Publ., 2012, pp. 92-121 [in Russian].
- Nosov 2017** - Nosov E.N. Ryurikovo gorodishche – rezidenciya novgorodskih knyazej i ego rol' v stanovlenii Novgoroda [Rurik's settlement – the residence of the Novgorod princes and its role in the formation of Novgorod], in: Ryurikovo gorodishche. Novye etapy issledovaniy [Rurik's settlement. New stages of research], Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2017, pp. 18-33 [in Russian].
- Novosel'cev 1990** - Novosel'cev A.P. Hazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkaza [The Khazar state and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus], Moscow, Nauka Publ., 1990, 264 p. [in Russian].
- Novosel'cev 2000** - Novosel'cev A.P. Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva i pervyj ego pravitel' [The formation of the ancient Russian state and its first ruler], in: Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 1998. Pamyati chlena-korrespondenta RAN Anatoliya Petrovicha Novosel'ceva [Ancient States of Eastern Europe. 1998. In memory of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences Anatoly Petrovich Novoseltsev], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, pp. 454-477 [in Russian].
- Parhomenko 1913** - Parhomenko V.A. Nachalo Hristianstva Rusi. Ocherk iz istorii Rusi IX-X vv. [Beginning of Christianity in Russia. Essay on the history of Russia in the 9th-10th centuries], Poltava, Elektricheskaya tipografiya V.I. Markevicha Publ., 1913, 190 p. [in Russian].
- Pashuto 1968** - Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi [Foreign Policy of Ancient Russia], Moscow, Nauka Publ., 1968, 472 p. [in Russian].
- Petrov 2011** - Petrov N.I. Askol'dova mogila: ot kurgana k toponimu [Askold's Grave: From a Mound to a Toponym], in: Trudy Pervoj Mezhdunarodnoj konferencii «Nachala Russkogo mira» [Proceedings of the First International Conference "Beginnings of the Russian World"], Saint-Petersburg, BLIC Publ., 2011, pp. 218-233 [in Russian].
- Petruhin 1995** - Petruhin V.YA. Nachalo etnokul'turnoj istorii Rusi IX-XI vekov [The beginning of the ethnocultural history of Russia in the 9th-11th centuries], Smolensk, Rusich Publ.; Moscow, Gnozis Publ., 1995, 320 p. [in Russian].
- Petruhin 2001** - Petruhin V.YA. O «Russkom kaganate», nachal'nom letopisanii, poiskah i nedorazumeniyah v novejshej istoriografii [About the "Russian Khaganate", the initial chronicle, searches and misunderstandings in modern historiography], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 2001, № 4, pp. 78-82 [in Russian].
- Prisyolkov 1996** - Prisyolkov M.D. Istoriya russkogo letopisaniya XI-XV vv. [History of Russian Chronicle XI-XV centurie], Saint-Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1996, 326 p. [in Russian].
- Prokopij Kesarijskij 2013** - Prokopij Kesarijskij. Vojna s persami. Vojna s vandalami. Tajnaya istoriya / Perevod s grecheskogo, vstupitel'naya stat'ya, kommentarii A.A. Chekalova; Otv. red. G.G. Litavrin [Procopius of Caesarea. War with the Persians. War with vandals. Secret History / Translation from Greek, introductory article, comments by A.A. Chekalova; Managing editor G.G. Litavrin], Saint-Petersburg, Aleteya Publ., 2013, 544 p. [in Russian].
- PSRL. I - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. I.** Lavrent'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. T. I. Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].
- PSRL. II - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. II.** Ipat'evskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. T. II. Ipatiev Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].
- PSRL. III - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. III.** Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Complete collection of Russian chronicles. T. III. Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000, 720 p. [in Russian].
- PSRL. VII - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. VII.** Voskresenskaya letopis' [Complete collection of Russian chronicles. T. VII. Resurrection chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001, 360 p. [in Russian].
- PSRL. IX - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. IX.** Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu [Complete collection of Russian chronicles. T. IX. Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2000, 288 p. [in Russian].
- PVL 1997 - Povest' vremennyh let** (Podgotovka teksta, perevod i kommentarii O.V. Tvorogova) [The Tale of Bygone Years (Preparation of the text, translation and comments by O.V. Tvorogov)], in: Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 1. XI-XII vv. [Library of Literature of Ancient Russia. Volume 1. XI-XII centuries], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997, pp. 62-315 [in Russian].
- Radomskij 2004** - Radomskij YA.L. Etnicheskij sostav Prichernomorskoj Rusi. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [Ethnic composition of the Black Sea Rus. Thesis for the degree of candidate of historical sciences], Moscow, 2004, 321 p. [in Russian].
- Rapov 1998** - Rapov O.M. Russkaya cerkov' v IX – pervoj treti XII v. Prinyatie Hristianstva. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Russian Church in the 9th - the first third of the 12th century. Acceptance of Christianity. Second edition, corrected and enlarged], Moscow, Russkaya panorama Publ., 1998, 416 p. [in Russian].
- Rier 2000** - Rier YA.G. Agrarnyj mir Vostochnoj i Central'noj Evropy v srednie veka (po arheologicheskim dannym) [Agrarian world of Eastern and Central Europe in the Middle Ages (according to archaeological data)], Mogilev, 2000, 264 p. [in Russian].
- Romanchuk 1979** - Romanchuk S.P. Istoriko-landshaftnyj analiz drevnih sistem hozyajstva [Historical and landscape analysis of ancient economic systems], in: Fizicheskaya geografiya i geomorfologiya [Physical geography and geomorphology], Vol. 22, Kyiv, 1979, pp. 67-75 [in Russian].
- Romanchuk 2008** - Romanchuk A.I. Issledovaniya Hersonesa-Hersona. Raskopki. Gipotezy. Problemy. V dvuh tomah. T. 2. Vizantijskij gorod [Explorations of Chersonesos-Kherson. Excavations. Hypotheses. Problems. In two volumes. Volume 2. Byzantine city], Tyumen, Izdatel'stvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2008, 544 p. [in Russian].
- Rybakov 1958** - Rybakov B.A. Rus' i strana Andalus v IX-X vekah [Russia and the country of Andalus in the 9th-10th centuries], in: Sovetskoe vostokovedenie [Soviet oriental studies], 1958, № 4, pp. 116-119 [in Russian].
- Rybakov 1963** - Rybakov B.A. Drevnyaya Rus'. Skazaniya. Byliny. Letopisi [Ancient Russia. Legends. Epics. Annals], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 364 p. [in Russian].
- Rybakov 1982** - Rybakov B.A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 598 p. [in Russian].

- Saharov 1980** - Saharov A.N. Diplomatiya Drevnej Rusi. IX – pervaya polovina X v. [Diplomacy of Ancient Russia. IX - the first half of the X century], Moscow, Mysl' Publ., 1980, 360 p. [in Russian].
- Sedov 1998** - Sedov V.V. Russkij kaganat IX veka [Russian Khaganate of the 9th century], in: Otechestvennaya istoriya [National history], 1998, № 4, pp. 3-14 [in Russian].
- Sedov 1999** - Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian people. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].
- Sedov 2002** - Sedov V.V. Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Slavs. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2002, 622 p. [in Russian].
- Ševčenko 1977** - Ševčenko I. Hagiography of the Iconoclast Period, in: Iconoclasm, Birmingham, 1977, pp. 113-131 [in English].
- SHahmatov 2002** - SHahmatov A.A. Istoriya russkogo letopisaniya. T. I. Kn. 1. Razyskaniya o drevnejših russkih letopisnyh svodah [History of Russian Chronicle. Volume I. Part 1. Searches for the most ancient Russian chronicles], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2002, 486 p. [in Russian].
- SHapovalov 1991** - SHapovalov G.I. Podvodnye issledovaniya sudov X-XI i XIV-XV vv. u o. Hortica [Underwater research of ships of the X-XI and XIV-XV centuries. at about. Khortytsya], in: Drevnosti stepnogo Prichernomor'ya i Kryma [Antiquities of the Black Sea steppe and Crimea], Vol. 2, Zaporozhye, 1991, pp. 174-179 [in Russian].
- SHCHavelev 2014** - SHCHavelev A.S. «V samyh zhe verhov'jah reki Dnepr obitayut rosy...» (DAI. 42. 60-61): k voprosu o pervom upominanii trgovno-remeslennogo poseleniya rusi u d. Gnezdovo [“Ross live in the very upper reaches of the Dnieper River...” (DAI. 42. 60-61): on the question of the first mention of a trade and craft settlement of Rus near the village of Gnezdovo], in: Mista Davn'oi Rusi [Cities of Ancient Russia], Kyiv, Starodavnij svit Publ., 2014, pp. 369-373 [in Russian].
- SHCHavelev 2014a** - SHCHavelev A.S. Plemya severyan i hazarskie kreposti: eshche raz o geopolitike yuga Vostochnoj Evropy pervoj poloviny IX veka [The tribe of northerners and the Khazar fortresses: once again about the geopolitics of the south of Eastern Europe in the first half of the 9th century], in: Kniga Kartiny zemli. Sbornik v chest' I.G. Konovalovoj [Book Pictures of the Earth. Collection in honor of I.G. Konovalova], Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 323-329 [in Russian].
- SHCHavelev 2016** - SHCHavelev A.S. Izvestie o «severnyh skifah» («rosah») v traktate «Taktika» vizantijskogo imperatora L'va VI Mudrogo [News about the "Northern Scythians" ("Roses") in the treatise "Tactics" of the Byzantine Emperor Leo VI the Wise], in: Istoricheskaya geografiya [Historical geography], Vol. 3, Moscow, Akvilon Publ., 2016, pp. 236-250 [in Russian].
- SHCHavelev, Fetisov 2014** - SHCHavelev A.S., Fetisov A.A. K istoricheskoj geografii Vostochnoj Evropy IX – nachala X veka. 1. Karta kladov i konfiguraciya trgovnyh putej [On the historical geography of Eastern Europe in the 9th - early 10th centuries. 1. Map of treasures and configuration of trade routes], in: Istoricheskaya geografiya [Historical geography], Vol. 2, Moscow, Akvilon Publ., 2014, pp. 7-53 [in Russian].
- SHCHavelev, Fetisov 2017** - SHCHavelev A.S., Fetisov A.A. K istoricheskoj geografii Vostochnoj Evropy IX v. 2. Karta skandinavskih kompleksov i artefaktov [On the historical geography of Eastern Europe in the 9th century. 2. Map of Scandinavian complexes and artifacts], in: Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2015. Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekov'e [Ancient States of Eastern Europe. 2015. Economic systems of Eurasia in the early Middle Ages], Moscow, Russkij fond sozestvija obrazovaniju i nauke Publ., 2017, pp. 278-328 [in Russian].
- SHCHaveleva 2004** - SHCHaveleva N.I. Drevnyaya Rus' v «Pol'skoj istorii» YAna Dlugosha (knigi I-VI): Teksty, perevod, kommentarij [Ancient Russia in the "Polish History" by Jan Długosz (books I-VI): Texts, translation, commentary], Moscow, Pamyatniki istoricheskoj mysli Publ., 2004, 495 p. [in Russian].
- Shevchenko 2011** - Shevchenko YU.YU. Peshchernye hramy Podon'ya: Istoricheskie sud'by v epohu «Imperii CHingisidov» [Cave temples of the Don region: Historical fate in the era of the "Empire of Chinggisids"], in: Sibirskij sbornik. T. 3. Narody Evrazii v sostave dvuh imperij: Rossijskoj i Mongol'skoj [Siberian collection. Volume 3. The peoples of Eurasia as part of two empires: Russian and Mongolian], Saint-Petersburg, 2011, pp. 272-290 [in Russian].
- SHinakov 2009** - SHinakov E.A. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva. Sravnitel'no-istoricheskij aspekt. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe [Formation of the Old Russian state. Comparative-historical aspect. Second edition, corrected and enlarged], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2009, 477 p. [in Russian].
- SHitov i dr. 2005** - SHitov M.V., Biske YU.S., Pleshivceva E.S., Makarov A.YA. Pozdnegolocenovye izmeneniya urovnya Volhova v rajone Staroj Ladogi [Late Holocene Volkhov Level Changes in the Staraya Ladoga Region], in: Vestnik SPbGU. Nauki o Zemle [Bulletin of St. Petersburg State University. Earth sciences], 2005, № 4, pp. 3-16 [in Russian].
- SHlyocer 1816** - SHlyocer A.L. Nestor. Russkie letopisi na drevle-slavyanskom yazyke [Nestor. Russian Chronicles in Old Slavonic], Vol. II, Saint-Petersburg, 1816, 842 p. [in Russian].
- SHumilov 2014** - SHumilov E.N. Severnoe poberezh'e Maloj Azii kak ob'ekt ekspansii i trgovli rusov v IX-X vv. [The northern coast of Asia Minor as an object of expansion and trade of the Rus in the 9th-10th centuries], in: Evropa [Europe], 2014, № 13, pp. 28-33 [in Russian].
- Slovar' 2012** - Svodnyj slovar' lichnyh imen narodov Severnogo Kavkaza / Otvetstvennyj redaktor professor R.YU. Namitokova [Consolidated dictionary of personal names of the peoples of the North Caucasus / Responsible editor Professor R.Y. Namitokova], Moscow, FLINTA Publ.; Nauka Publ., 2012, 584 p. [in Russian].
- Sobolevskij 1929** - Sobolevskij A.I. Toponimicheskie zametki [Toponymic notes], in: Izvestiya Tavricheskogo obshchestva istorii, arheologii i etnografii [Proceedings of the Tauride Society of History, Archeology and Ethnography], Vol. III, Simferopol, 1929, pp. 1-3 [in Russian].
- Sojer 2002** - Sojer P. Epoha vikingov / Perevod s anglijskogo A.P. Sanina [The Viking Age / Translation from English by A.P. Sanina], Saint-Petersburg, Evraziya Publ., 2002, 352 p. [in Russian].
- Solov'yov 1959** - Solov'yov S.M. Istoriya Rossii s drevnejših vremyon v pyatnadcati knigah [History of Russia from ancient times in fifteen books], Vol. I, Moscow, Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury Publ., 1959, 812 p. [in Russian].
- Sorokin 1997** - Sorokin P.E. Prirodnye usloviya i sudovoe delo Severo-Zapadnoj Rusi [Natural conditions and ship business of North-Western Russia], in: Drevnosti Povolhov'ya [Antiquities of the Volkhov region], Saint-Petersburg, 1997, pp. 42-58 [in Russian].
- Sorokin 2018** - Sorokin P.E. O pogrebeniyah v lad'e na territorii Rusi [About burials in the boat on the territory of Russia], in: Arheologiya Drevnej Rusi: problemy i otkrytiya. Materialy mezhdunarodnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so

- dnya rozhdeniya D.A. Avdusina [Archeology of Ancient Russia: problems and discoveries. Proceedings of the international conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of D.A. Avdusin], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 2018, pp. 67-68 [in Russian].
- Spicyn 1909 - Spicyn A.A.** Istoriko-arheologicheskie razyskaniya. I-III [Historical and archaeological research. I-III], in: ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya [Journal of the Ministry of Public Education. New series], Vol. XIX, 1909, № 1, pp. 67-98 [in Russian].
- Sverdlov 2003 - Sverdlov M.B.** Domongol'skaya Rus'. Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoj treti XIII v. [Domongolian Rus. Prince and princely power in Russia VI - the first third of the XIII century], Saint-Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2003, 736 p. [in Russian].
- Svod II - Svod drevnejshih pis'mennyh izvestij o slavyanah** [Collection of the oldest written news about the Slavs], Vol. II, Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, 592 p. [in Russian].
- Talis 1973 - Talis D.L.** Toponimy Kryma s kornem «ros» [Toponyms of Crimea with the root "ros"], in: Antichnaya drevnost' i srednie veka [Antiquity and the Middle Ages], Vol. 10, Sverdlovsk, 1973, pp. 229-234 [in Russian].
- Talis 1974 - Talis D.L.** Rosy v Krymu [Ross in Crimea], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet archeology], 1974, № 3, pp. 87-99 [in Russian].
- Tolochko 1990 - Tolochko O.P.** Do pitannya pro sakral'ni chinniki stanovlennya knyazivs'koi vladi na Pyci u IX-X st. [To the question of the sacred factors of the formation of princely power in Russia in the 9th-10th centuries], in: Arheologiya [Archeology], 1990, № 1, pp. 51-63 [in Ukrainian].
- Tolochko 2003 - Tolochko P.P.** Russkie letopisi i letopiscy X-XIII vv. [Russian chronicles and chroniclers of the X-XIII centuries], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2003, 296 p. [in Russian].
- Tolochko 2003a - Tolochko P.P.** Dvorcovye intrigi na Rusi [Palace intrigues in Russia], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2003, 224 p. [in Russian].
- Tolochko 2015 - Tolochko A.P.** Ocherki nachal'noj rusi [Essays on early Russia], Kyiv; Saint-Petersburg, Laurus Publ., 2015, 336 p. [in Russian].
- Tortika 2007 - Tortika A.A.** Voенно-politicheskaya i social'naya struktura alano-bolgarskogo naseleniya lesostepnogo Podon'ya-Pridonech'ya v Hazarskoe vremya (konec VIII – nachalo X vv.) [Military-Political and Social Structure of the Alano-Bulgarian Population of the Forest-Steppe of the Don-Don Region in the Khazar Time (late 8th - early 10th centuries)], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages], Vol. XIX, Moscow, 2007, pp. 267-273 [in Russian].
- Trubachev 1999 - Trubachev O.N.** Indoarica v Severnom Prichernomor'e. Rekonstrukciya reliktov yazyka. Etimologicheskij slovar' [Indoarica in the Northern Black Sea region. Reconstruction of language relics. Etymological dictionary], Moscow, Nauka Publ., 1999, 320 p. [in Russian].
- Trubachev 2005 - Trubachev O.N.** V poiskah edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Tret'e izdanie, dopolnennoe [In search of unity: a philologist's view of the problem of the origins of Russia. Third edition, revised], Moscow, Nauka Publ., 2005, 286 p. [in Russian].
- Turchaninov 1964 - Turchaninov G.F.** O yazyke nadpisej na kamnyah Mayackogo gorodishcha i flyagah Novoчеркасского музея [About the language of inscriptions on the stones of the Mayak settlement and the flasks of the Novoчеркасск Museum], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology], 1964, № 1, pp. 72-87 [in Russian].
- Turchaninov 1990 - Turchaninov G.F.** Drevnie i srednevekovye pamyatniki osetinskogo pis'ma i yazyka [Ancient and medieval monuments of Ossetian writing and language], Vladikavkaz, Ir Publ., 1990, 240 p. [in Russian].
- Tvorogov 1976 - Tvorogov O.V.** Povest' vremennyh let i Nachal'nyj svod (Tekstologicheskij kommentarij) [The Tale of Bygone Years and the Initial Code (Textual commentary)], in: Trudy Otdela drevnerusskoj literatury [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], Vol. XXX, Leningrad: Nauka Publ., 1976, pp. 3-26 [in Russian].
- Tvorogov 1992 - Tvorogov O.V.** Skol'ko raz hodili na Konstantinopol' Askol'd i Dir? [How many times did Askold and Dir go to Constantinople?], in: Slavyanovedenie [Slavic studies], 1992, № 2, pp. 54-59 [in Russian].
- Vashari 1998 - Vashari I.** O runicheskikh sistemah pis'ma Vostochnoj Evropy [On the runic writing systems of Eastern Europe], in: Altaica, 1998, Vol. II, pp. 32-45 [in Russian].
- Vasil'ev 1900 - Vasil'ev A.A.** Vizantiya i araby. T. 1. Politicheskie otnosheniya Vizantii i arabov za vremya Amorijskoj dinastii [Byzantium and the Arabs. Volume 1. Political relations between Byzantium and the Arabs during the Amorion dynasty], Saint-Petersburg, Tipografiya I.N. Skorohodova Publ., 1900, 407 p. [in Russian].
- Vasil'ev 1902 - Vasil'ev A.A.** Vizantiya i araby. T. 2. Politicheskie otnosheniya Vizantii i arabov za vremya Makedonskoj dinastii (867-959 gg.) [Byzantium and the Arabs. T. 2. Political relations between Byzantium and the Arabs during the Macedonian dynasty (867-959)], Saint-Petersburg, Tipografiya I.N. Skorohodova Publ., 1902, 555 p. [in Russian].
- Vasil'evskij 1915 - Vasil'evskij V.G.** Trudy [Proceedings], Vol. III, Petrograd, 1915, 416 p. [in Russian].
- Vasiliev 1946 - Vasiliev A.A.** The Russian attack on Constantinople in 860, Cambridge, The Mediaeval Academy of America Publ., 1946, 246 p. [in English].
- Vernadskij 1996 - Vernadskij G.V.** Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Tver, LEAN Publ., 1996, 448 p. [in Russian].
- Voronin 1948 - Voronin N.N.** Sredstva i puti soobshcheniya [Means and ways of communication], in: Istorija kul'tury Drevnej Rusi [History of culture of Ancient Russia], Vol. 1, Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948, pp. 280-314 [in Russian].
- Zajcev, Morozov 2007 - Zajcev I.V., Morozov D.A.** Neizvestnyj i bolee rannij variant drevnerusskoj dokirillicheskoj nadpisi Ibn an-Nadima [Unknown and earlier version of the Old Russian pre-Cyrillic inscription of Ibn an-Nadim], in: Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Russia. Issues of medieval studies], 2007, № 2 (28), pp. 112-115 [in Russian].
- ZHih 2016 - ZHih M.I.** Drevnie slavyane na Volyni (I tys. n.e.). CHast' vtoraya [Early Slavs in Volhynia (1st millennium AD). Part two], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 2, pp. 59-91 [in Russian].
- ZHih 2017 - ZHih M.I.** Radimichi (lokalizaciya, proiskhozhdenie, social'no-politicheskaya istoriya) [The Radimichi: their habitat, origin, and socio-political history], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 47-51 [in Russian].

ZHih 2018 - **ZHih M.I.** Raboty Dmitriya Tarasovicha Berezovca i problema lokalizacii Russkogo kaganata [Works of Dmitry Tarasovich Berezovets and the problem of localization of the Rus' khaganate], in: Istoricheskiy format [Historical format], 2018, № 3-4, pp. 176-245 [in Russian].

ZHih 2018a - **ZHih M.I.** Lendzyane Konstantina Bagryanorodnogo i radimichi «ot roda lyahov» [Lendians of Constantine Porphyrogenitus and Radimichs "of Lyahis' origin"], in: Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tihogo okeana [New historical perspectives: from the Baltic to the Pacific], 2018, № 4 (13), pp. 36-53 [in Russian].

ZHih 2018b - **ZHih M.I.** O sootnoshenii «Novgorodskoj» i «Ladozhskoj» versij skazaniya o prizvanii varyagov v nachal'nom russkom letopisanii [On the relationship between the "Novgorod" and "Ladoga" versions of the legend about the calling of the Varangians in the initial Russian annals], in: Vestnik «Al'yans-Arheo» [Herald "Alliance-Archeo"], 2018, Vyp. 24, pp. 3-44 [in Russian].

ZHih 2020 - **ZHih M.I.** Vostochnye slavyane nakanune gosudarstvennosti [Eastern Slavs on the eve of statehood], Moscow, Veche Publ., 2020, 448 p. [in Russian].

ZHuravleva, CHubur 2010 - **ZHuravleva YU.B., CHubur A.A.** Srednevekovoe sudostroenie v yugo-vostochnoj Rusi (bassejny Desny i Oki) po arheologicheskim istochnikam [Medieval shipbuilding in southeastern Russia (Desna and Oka basins) according to archaeological sources], in: Voprosy podvodnoj arheologii [Issues of underwater archeology], Moscow, 2010, pp. 25-39 [in Russian].

Zolotarev 2005 - **Zolotarev P.M.** Nahodki dolblennykh lodok na territorii Verhnego i Srednego Dona [Finds of dugout boats in the Upper and Middle Don], in: Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoj Evropy: Mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov [Archaeological monuments of Eastern Europe: Interuniversity collection of scientific papers], Voronezh, Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet Publ., 2005, pp. 81-88 [in Russian].

Zosim 2010 - **Zosim.** Novaya istoriya / Perevod, kommentarij, ukazateli N.N. Bolgova [New history / Translation, commentary, indexes by N.N. Bolgov], Belgorod, Izdatel'stvo Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2010, 344 p. [in Russian].

Zvyagin 2009 - **Zvyagin YU.YU.** Velikij put' iz varyag v greki. Tysyacheletnyaya zagadka istorii [The Great Road from the Varangians to the Greeks. Millennium mystery of history], Moscow, Veche Publ., 2009, 240 p. [in Russian].

Беззаконов Сергей Николаевич

– Независимый исследователь (Ростов-на-Дону, Россия).

Sergey Bezzakonov

– Independent Researcher (Rostov-on-Don, Russia).

bezzakonov@mail.ru

Жих Максим Иванович

– Общественно-научный проект «Российско-немецкий исторический семинар» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh

– The Public and Scientific Project «Russian-German Historical Seminar» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru